

**Власть истории –
История власти**

Том 11. Часть 4. (№62)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 11. Issue 4. (№62)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 15,375

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Березовская А.А., Сабурова Н.А.

Митигация в речи адвоката как средство воздействия
(на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако).....12

Габитов А.И. Проблема многозначности английских предлогов
на примере предлогов *to* и *in* в контексте публицистического текста.....20

Егорова М.Р., Тутынин К.Ф.

Адекватность перевода в политической публицистике:
стилистический анализ и межъязыковая передача.....26

Луговская М.Ю. Графический эксперимент:
смысловая полифункциональность дефиса
при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов.....32

Сапата Руис Т.А. Лексические
особенности испанского языка в Венесуэле.....41

Синкина А.В., Шаламова О.О. Смешанное обучение
как способ развития иноязычной речевой
компетенции среди студентов языкового ВУЗа.....47

Чжан Мо Философское происхождение
семантической категории «каузативности» и её родовой категории
«причинность» в русском и китайском языках: общее и различия.....54

Иванов А.Ю., Каллаур В.С.

Выбор лексических единиц и методы перевода
общественно-политических корейских текстов на русский язык.....62

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Мартиросян В.Б.М. Особенности франко-русских отношений:

Наполеон и Александр (1801-1805).....73

Итса Окура Профит Мель Жюстис Проблемы и вызовы
миротворческих миссий: Обсуждение основных проблем,
с которыми сталкиваются миротворцы ООН в ЦАР, включая
безопасность, финансирование и политическую поддержку.....79

Храмов И.Ю. Эволюция движения Black Lives Matter:
от протестных акций к появлению национальной
организации Black Lives Matter global network в 2013-2014 гг.....88

Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко:
к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла».....97

Мартирисян В.Б.М. Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Английский контрудар и завершение войны.....	103
Фаттахов Д.А., Фаттахов А.З. Энергетические стратегии СССР и третьего рейха во Второй Мировой войне.....	109
Тимохова Е.Г. Япония как глобальный актер: восприятие «своего» и «чужого» на международной арене.....	116
Москальчук Д.А. Формирование косовской национальной идентичности в 1990-2000-е годы.....	121
Мартирисян В.Б.М. Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Разгром «Непобедимой Армады».....	128
Журба В.В. Трансформация угольной промышленности Великобритании в 80-е гг. XX века: сравнительный анализ с опытом зарубежных стран.....	134
Гашимли М.А. Влияние общественно-политических процессов внутри турецкого общества во второй половине XX века на складывание концепций национальной идентичности.....	142
Воронов И.И. Влияние расширения НАТО на военно-техническое сотрудничество США и Польши (1989-2017 гг.)....	152
Мартирисян В.Б.М. Предпосылки англо-испанской войны 1585-1604 гг.....	161

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Аджигова А.М. Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.).....	167
Бабенко О.В. Эксперименты итальянских фашистов в области искусства и политики <i>Рец. на книгу: Gaborik P. Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.....</i>	176
Иващенко Т.С., Тарасов И.Е. Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры»).....	181
Михаэлис Д.В., Михаэлис С.И. Освещение вопросов подготовки кадров для железнодорожной отрасли в периодической печати Сибири: анализ материалов региональной прессы советского периода.....	193
Шахалиева Ф.Б. Социально-экономическое положение в Кабарде и Балкарии накануне Февральской революции 1917 г.....	203
Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект.....	212
Аннотации.....	221
Авторы.....	242

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

<i>Berezovskaya A.A., Saburova N.A.</i> Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako).....	12
<i>Gabitov A.I.</i> The problem of Polysemy of English prepositions using the example of the prepositions to and in in the context of a journalistic text.....	20
<i>Egorova M.R., Tutynyn K.F.</i> Translation adequacy in political journalism: stylistic analysis and interlingual transfer.....	26
<i>Lugovskaya M.Yu.</i> Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms.....	32
<i>Zapata T.A.</i> Lexical Features of the Spanish Language in Venezuela.....	41
<i>Sinkina A.V., Shalamova O.O.</i> Blended learning as the way of developing foreign language speech competence among students of Language University.....	47
<i>Zhang Mo</i> The Philosophical Origins of the Semantic Category of "Causativity" and Its Generic Category "Causality" in Russian and Chinese: Commonalities and Differences.....	54
<i>Ivanov A.Yu., Kallaur V.S.</i> Selection of lexical units and methods of translation of socio-political Korean texts into Russian.....	62

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

<i>Martirosyan V.B.M.</i> Features of Franco-Russian relations: Napoleon and Alexander (1801-1805).....	73
<i>Itsa Okoura Profith Mell Justice</i> Problems and challenges of peacekeeping missions: Discussion of the main problems faced by UN peacekeepers in the Central African Republic, including security, financing and political support.....	79
<i>Khramov I.Yu.</i> The evolution of the Black Lives Matter movement: from protest actions to the emergence of the national Black Lives Matter global network organization in 2013-2014.....	88
<i>Vorozhtsova A.A.</i> 'Little Venice' on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym 'Venezuela'.....	97
<i>Martirosyan V.B.M.</i> Anglo-Spanish War 1585-1604 - English counterstrike and end of the war.....	103

Fattakhov D.A., Fattakhov A.Z. Conceptual model of innovative control instruments in the financial sphere.....	109
Timokhova E.G. Japan as a global actor: perception of “ours” and “alien” in the international arena.....	116
Moskalchuk D.A. Formation of Kosovo national identity in 1990-2000s.....	121
Martirosyan V.B.M. Anglo-Spanish War 1585-1604 - The Defeat of “Spanish Armada”.....	128
Zhurba V.V. The transformation of the UK coal industry in the 80s of the twentieth century: comparative analysis with the experience of foreign countries.....	134
Gashimli M.A. The impact of socio-political processes within Turkish society in the second half of the 20th century on the formation of national identity concepts.....	142
Voronov I.I. The impact of NATO Expansion on military-technical cooperation between the USA and Poland (1989-2017).....	152
Martirosyan V.B.M. Prerequisites of the Anglo-Spanish War 1585-1604.....	161

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Ajigova A.M. Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920).....	167
Babenko O.V. Experiments of the Italian fascists in the field of art and politics <i>Rec. ad op.: Gaborik P. Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.</i>	176
Ivaschenko T.S., Tarasov I.E. Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series “Historical Chronicles of Yugra”).....	181
Mikhaelis S.I., Mikhaelis D.V. Coverage of personnel training issues for the railway industry in the periodical press of Siberia: analysis of materials from the regional press of the Soviet period.....	193
Shakhaliyeva F.B. The socio-economic situation in Kabarda and Balkaria on the eve of the February revolution of 1917.....	203
Kistenev V.V., Drozhzhina L.I. Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect.....	212
Abstracts	232
Authors	244

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Березовская А.А.

Студент. Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Краснодар.

Сабурова Н.А.

Кандидат филологических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Краснодар.

Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако)*

Аннотация. Статья посвящена анализу средств коммуникативного смягчения в речевой деятельности адвоката. Объектом изучения в работе выступает митигация в речи адвоката. Цель исследования – выявить средства реализации митигативной стратегии (стратегии коммуникативного смягчения) речи и её основные тактики. Материалом стали избранные речи известного российского адвоката и оратора Ф.Н. Плевако (1842-1908гг). В работе использованы методы дискурсивного, стилистического и лингвопрагматического анализа. В результате исследования речей Ф.Н. Плевако выявлены и описаны следующие тактики: фасцинативная тактика, тактика акцента на положительных качествах клиента и смягчающих обстоятельствах, тактика обращения к эмоциям, тактика дейктической деактуализации, избегания прямого ответа, использования смягчающих лексических средств (эвфемизмов), модальных глаголов и частиц, пассивного залога и безличных конструкций. Комплексное применение разнообразных средств коммуникативного смягчения способствует усилению воздействующего эффекта аргументации адвоката в судебном дискурсе. В адвокатской речи подобная гибкость в применении тактик, реализующих митигативную стратегию, становится ключевой для осуществления необходимых стороне защиты интенций: смещения фокуса внимания присяжных заседателей, выведения на первый план положительных сторон клиента, указаний, что подзащитный совершил преступление под влиянием аффекта, внешних сил и тяжелых обстоятельств.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение, митигация, коммуникативная стратегия, тактика, адвокатский дискурс.

---

* © Березовская А.А., Сабурова Н.А., 2025.

Berezovskaya A.A.

Student of the North Caucasian Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Krasnodar.

Saburova N.A.

Candidate of Philological Sciences, associate ProfessorAssociate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages. North Caucasian Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Krasnodar.

**Mitigation in a lawyer's speech as a means of action
(based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich
Plevako)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of means of communicative mitigation in the speech activity of a lawyer. The object of study in the work is mitigation in the speech of a lawyer. The aim of the study is to identify the means of implementing the mitigative strategy (strategy of communicative softening) of speech and its main tactics. The material was selected speeches of the famous Russian lawyer and orator F.N. Plevako (1842-1908). The methods of discursive, stylistic and linguopragmatic analysis are used in the research. As a result of the study of F.N. Plevako's speeches, the following tactics were identified and described: fascinating tactics, tactics of emphasizing the client's positive qualities and mitigating circumstances, tactics of appealing to emotions, tactics of deictic deactualization, avoiding a direct answer, using mitigating lexical means (euphemisms), modal verbs and particles, passive voice and impersonal constructions. The complex use of various means of communicative mitigation helps to strengthen the impact of the lawyer's argumentation in judicial discourse. In a lawyer's speech, such flexibility in the application of tactics that implement a mitigative strategy becomes key to the implementation of the intentions necessary for the party to judicial defense: shifting the focus of attention of the jury, bringing to the forefront the positive aspects of the client, indicating that the defendant committed the crime under the influence of passion, external forces and difficult circumstances.

Key words: communicative softening, mitigation, communicative strategy, tactics, advocacy discourse.

Как известно, вербальная коммуникация в различных видах дискурса регулируется правилами, определяемыми принципом кооперации и принципом вежливости, правилами распределения и смены ролей в общении, правилами учета коммуникативных сфер, а также культурными, этически-

ми, этническими, религиозными, идеологическими нормами и запретами [1]. В рамках адвокатского дискурса, важнейшая функция которого – убеждение аудитории и безусловное речевое воздействие в процессе защиты подсудимого, адресант должен обладать такими качествами как правдивость, честность, уверенность, терпеливость, антиконфликтность, эмоциональная сдержанность, толерантность [2]. А сама речь адвоката должна быть лаконичной, четкой, мягкой и толерантной по содержанию. Одной из важнейших стратегий, которые нередко использует адвокат в своей речи, является митигативная стратегия, проявляющая способность говорящего к демонстрации вежливости и толерантности в процессе коммуникации и направленная на обеспечение бесконфликтного общения. Л.М. Жолос и М.С. Медведева определяют митигацию как «действенный приём оказания имплицитного воздействия» [3]. Такая стратегия, во-первых, указывает на тщательное планирование речевого акта и адаптацию языковых средств к коммуникативным целям с учетом социальных и личностных характеристик адресатов коммуникации, что предполагает соблюдение этических, социальных и иных норм общения. Во-вторых, эта стратегия позволяет говорящему как уникальной языковой личности проявить свой человеческий потенциал и совокупность профессиональных компетенций, когнитивные способности и коммуникативные навыки.

Понятие митигации впервые появилось в прагматике благодаря Б. Фрейзеру в 1980 году. Согласно его определению, цель митигации состоит в том, чтобы снизить вероятность негативной реакции адресата, особенно в ситуациях, когда речевое высказывание может привести к конфликту или сбою в коммуникации. Б. Фрейзер считал, что наиболее часто споры возникают при оценке личности собеседника или связанных с нею аспектов, а также при отказе от выполнения его запросов адресанта и в других подобных обстоятельствах [4].

М. Лангер рассматривает митигацию как важную составляющую любого коммуникативного действия, поскольку она служит для сведения к минимуму вторжения в личное пространство собеседника [5]. Для этого термина существует множество эквивалентов: «смягчение, ослабление, облегчение, уменьшение, снижение (например, угрозы)» [6], поскольку такие задачи могут быть реализованы в самых разных жанрах, митигация находит применение в различных видах дискурса [см. например, 7, 8]. В контексте адвокатской риторики митигация (от латинского «mitigatio» – «смягчение») определяется как «совокупность речевых тактик, используемых оратором для уменьшения возможных коммуникативных рисков, негативных последствий для подзащитного, уменьшения его вины или ответственности» [9].

В данной исследовательской работе в качестве объекта рассмотрена ми-

тигация в адвокатской речи, а предметом служат конкретные приемы и основные тактики, посредством которых реализуется митигативная стратегия. В качестве эмпирической базы использованы отрывки из выступлений знаменитого российского адвоката и оратора Ф.Н. Плевако (1842-1908 гг.) [10]. Основная цель исследования – анализ способов коммуникативного смягчения в рамках адвокатского дискурса. В работе использованы методы дискурсивного, стилистического и лингвопрагматического анализа.

Ф.Н. Плевако в своих речах демонстрирует широкое применение митигативной стратегии с использованием различных тактик, при этом ключевым фактором для него является воздействие на аудиторию – присяжных заседателей, что оказывает непосредственное влияние на выбор языковых средств и реализацию коммуникативных намерений. Обратимся к описанию конкретных тактик, посредством которых реализуется стратегия митигации в речи адвоката.

Фасцинативная тактика. Фасцинация («специально организованное вербальное воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего возрастает возможность ее воздействия на их поведение» [11]) выражается в виде обращений к адресату для эмоциональной настройки диалога, она помогает слушателям лучше усваивать и запоминать информацию, к примеру: *Вы сами хорошо знаете тот житейский факт, как часто мы любим верить всему худому, если это касается наших врагов, наших недругов, хотя бы на самом деле этого и не было* [10, с. 70], *И вот моя просьба к вам: верьте Португалову и Дмитриевым, где они свидетельствуют о себе, не верьте им, где они судят и рядят о людях, им неприятных за причиненное ими воображаемое зло* [10, с. 211]». Так, обращением к присяжным, используя возможности диалогизации своего монолога с применением личного местоимения, императивных конструкций, путем актуализации личного опыта слушателей, Ф.Н. Плевако делает нужные ему акцент, заставляет публику внимательно следить за аргументами по делу. Важно отметить необходимость умеренного использования фасцинаций в речи, иначе речь может стать поверхностной или излишне манипулятивной и не будет являться убедительной.

В рамках тактики акцента на положительных качествах клиента и смягчающих обстоятельствах в речи могут подчеркиваться привлекательные стороны личности клиента, его достоинства, умения, прошлые заслуги, награды, победы, участие в благотворительных акциях или в общественной жизни, что помогает сформировать у слушателей симпатию к подсудимому. Смягчающие обстоятельства представляются как реальные важные факторы, влияющие на оценку поступка подсудимого, к примеру: *Вместе с тем он был лишен главного условия, необходимого для правильного*

роста того здорового дерева, которое называется «нравственным человеком», – того условия, которое природа предоставляет с рождения всякому человеку: это – участие матери, которого Н. Лукашевич никогда не видел [10, с. 62]. Для указания на обстоятельства жизни подзащитного адвокат использует метафору.

Тактика обращения к эмоциям заключается в том, что адвокат стремится вызвать сочувствие к клиенту, акцентируя внимание на обстоятельствах его жизни, мотивах поступков и решений, несправедливости, которой был подвергнут подсудимый, или трудных жизненных ситуациях, в которые он попал, и, наконец, на раскаянии, которое испытывает подзащитный после содеянного: *Обессиленные физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами, они, тем не менее, сами должны искать путь и находить признаки правого и неправого направления* [10, с. 265]. Ярким средством реализации данной тактики служат лексемы с эмоционально-оценочными коннотациями (*обессиленные, обмершими, правого и неправого направления*). Целью использования данной тактики является установление личной связи со слушателями, вызов их эмоционального отклика.

Тактика дейктической деактуализации используется для смягчения высказываний, когда говорящий намеренно избегает прямого упоминания конкретных объектов или понятий, заменяя их неопределенными указаниями, и тем самым уменьшает личную ответственность, представляя действия как результат обстоятельств, общечеловеческой слабости или системной ошибки: *Всему этому верить нельзя. Но поверьте же тому, что, вероятно, госпожа Тюрен первая вызвала всю эту страшную сцену* [10, с. 82].

В ситуациях необходимости употребления опустошённых форм, когда важна смягчающая сила лексики, может быть весьма эффективной тактика избегания прямого ответа. Эта тактика помогает оратору отвлечь внимание от невыгодной темы. Она подразумевает использование выражений, в которых смысловое наполнение намеренно приглушено: *В этом доме, как мне кажется, существовали факторы, формировавшие взгляды его обитателей* [10, с. 82]; *Я не буду касаться этого вопроса* [10, с. 67].

Использование смягчающих лексических средств (эвфемизмов) предполагает замену резких слов, слов с негативными коннотациями на более нейтральные, призванные снизить остроту высказывания, например: *Ведь умышленный убийца – это человек, который умеет заставить в себе замолчать то естественное чувство отвращения, которое возбуждается у человека при мысли о крови, о страданиях, о смерти... Запальчивое убийство необыкновенно быстро проявляется, мысль необыкновенно быстро переходит в действие, так сказать, разум и совесть не успевают догнать той решимости, сила которой вызывается причинами, не всегда лежащи-*

ми в подсудимом [10, с. 51]. В данном контексте термину уголовного кодекса *умышленное убийство*, обладающего резкой отрицательной оценочностью, автор противопоставляет нетерминологический эвфемизм – *запальчивое убийство*, указывая на то что такого рода преступление происходит под действием аффекта или внешних обстоятельств, для усиления коммуникативного эффекта используется метафора, которая позволяет сделать акцент на том, что человек не всегда контролирует свои решения и действия. Антитеза с применением эвфемизма (не *преступник*, а *лицо, которое знает за собой дурное*) используется и в следующем примере: *Невинный человек, какое бы преступление ни совершилось в местности, в доме, где он провел время, так не делает, он не боится сказать правды, а лицо, которое знает за собой дурное, старается всеми силами уничтожить следы своей работы и своего пребывания в заподозренной местности. Так поступила и игуменья* [10, с. 23]. Адвокат вместо слов с ярко выраженной негативной (пейоративной) окраской применяет более нейтральные синонимы, описательные обороты или дает ситуацию в контрасте, что смягчает отношение присяжных к поступку подсудимого.

Применение эвфемизмов в речи (нейтральных по смыслу и эмоциональной окраске слов или выражений) позволяет обходить деликатные или неприятные темы, тем самым снижая грубость и вульгарность, создавая вежливый и тактичный стиль общения, смягчая негативную информацию: *Свидетель, князь Мещерский, был у князя Грузинского за пять месяцев до этого несчастья...по свидетельству старика управляющего, немца же Карлсона, Шмидт, у которого гостил свидетель, ночью неодетый ходил в спальню к княгине...* [10, с. 141], *Признаюсь, я немало удивляюсь тому недоверию, с каким отнесся представитель обвинения к выводам того эксперта, который по обстоятельствам дела высказал свое мнение о болезненном состоянии подсудимого в момент несчастья* [10, с. 57].

Тактика использования модальных глаголов и частиц, выражающих неопределенность или предположение, позволяет смягчить категоричность утверждений и уменьшает степень ответственности клиента, способствует возможности манипуляции силой утверждений и влияния на восприятие фактов судом и присяжными, к примеру: *Может быть, эти факты, которые имели место вслед за выстрелами, не подходят под картину аффекта* [10, с. 84], *Если это оскорбление разнообразно, но постепенно, то оскорбленный еще может воздержаться от напора возмущающих душу впечатлений, побеждая каждое взрв от другого* [10, с. 153].

Тактика использования пассивного залога и безличных конструкций, а также употребления в качестве подлежащего существительного=не лица служит для переноса акцента с личной ответственности индивида на обстоятельства или глубинные психологические механизмы: *Если я сию минуту*

наткнулся на лужу крови, виновата ли моя рука. Когда другая сила, сила внешних обстоятельств натолкнет меня на зло, будет ли моя вина [10, с. 94], Молодое сердце хочет любить, верить в то, что и ей на долю будет дана отрадная встреча, под впечатлением этого она подчас с доверием выслушивала ласковое слово, полуробкое признание, а через несколько дней уже клянет человека, оказавшегося, как и все, искателем либо сильных ощущений, либо быстрых и решительных побед в мире будауаров и таинственных парков... [10, с. 178]. Примеры демонстрируют, что такая речевая тактика позволяет отдалить клиента от ответственности за совершенные действия, способствует созданию дистанции между человеком и последствиями его действий.

Итак, анализ речей адвоката Ф.Н. Плевако позволяет сделать вывод об активном использовании оратором коммуникативного смягчения. При этом комплексное применение разнообразных митигативных средств способствует усилению воздействующего эффекта аргументации адвоката в судебном дискурсе. В адвокатской речи подобная гибкость в применении митигативной стратегии становится ключевой для осуществления необходимых стороне защиты интенций, смещения фокуса внимания присяжных заседателей, выведения на первый план положительных сторон клиента, указаний, что подзащитный совершил преступление под влиянием аффекта, внешних сил и тяжелых обстоятельств. Вместе с тем оратор всегда помнит о требованиях судебного дискурса, которые опираются на строгий коммуникативный протокол — систему норм и правил, обеспечивающих взаимопонимание и регулирующих речевое поведение участников судебного процесса. Этот коммуникативный кодекс выступает своего рода фундаментом, обеспечивающим структурированность и предсказуемость общения. Поэтому включение элементов воплощения митигативной стратегии в речь не должно обладать очевидным манипулятивным эффектом. Чтобы речевые тактики реализации митигативной стратегии возымели свое действие, они должны умело сочетаться с элементами аргументативной объективизации и логики изложения.

Библиографический список:

1. Тахтарова С.С. Об эмотивно-экспрессивных смыслах коммуникативного смягчения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 3 (15). С. 158-166. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-emotivno-ekspressivnyh-smyslah-kommunikativnogo-smyagcheniya> (Дата обращения: 22.03.2025)
2. Тахтарова С.С. Этнокультурная категория смягчения в коммуникативном аспекте // Филологические науки. 2008. № 4. С. 99-104
3. Жолос Л.М., Медведева М.С. Лексико-семантические и стилистические особенности адвокатского дискурса. С. 58-63 // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 5. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-advokatskogo-diskursa> (Дата обращения: 28.03.2025)
4. Fraser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics, 1980. № 4 (4). P. 341-350.
5. Langer M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwachungen: pragma-und sociolinguistische andersuchungen. Munter: Nodus-Pabl, 1994. 253 p.

6. Бетс Г., Брайндли Б., Уильямс С. и др. Словарь бизнес-терминов: 80 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. И.М. Осадчей. – М.: ИНФРА: Весь мир. М., 1998. 760 с.
7. Тунян С.А. Митигация как способ разрешения или предотвращения конфликтов в дипломатической речи // *Культура и текст*. 2022. № 2 (49). С. 153-160. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mitigatsiya-kak-sposob-razresheniya-ili-predotvrascheniya-konfliktov-v-diplomaticheskoy-rechi> (Дата обращения: 06.04.2025)
8. Такhtarova С.С. Категория коммуникативного смягчения: (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) / С.С. Такhtarova. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2010. 380 с.
9. Гусев В.А. Тактики коммуникативного смягчения в разговорной речи // *Вестник Башкирск. ун-та*. 2022. № 2. С. 423-426. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-kommunikativnogo-smyagcheniya-v-razgovornoy-rechi> (Дата обращения: 13.04.2025)
10. Избранные речи / Ф.Н. Плевако. – Москва: АСТ, 2024. 288 с.
11. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Reference

1. Takhtarova S.S. On the emotive-expressive meanings of communicative mitigation // *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2008. № 3 (15). P. 158-166. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-emotivno-ekspressivnyh-smyslah-kommunikativnogo-smyagcheniya> (22.03.2025)
2. Takhtarova S.S. Ethnocultural category of mitigation in the communicative aspect // *Philological sciences*. 2008. № 4. P. 99-104
3. Zholos L.M., Medvedeva M.S. Lexical-semantic and stylistic features of lawyer discourse. P. 58-63 // *Humanities and social sciences*. 2023. № 5. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-advokatskogo-diskursa> (28.03.2025)
4. Fraser B. Conversational mitigation // *Journal of Pragmatics*, 1980. № 4 (4). P. 341-350.
5. Langer M. Communicative functions of communication: pragma and sociolinguistic studies. Munter: Nodus-Pabl, 1994. 253 p.
6. Betts G., Brindley B., Williams S., et al. Dictionary of Business Terms: 80,000 Words and Phraseological Expressions / edited by I.M. Osadchaya. – М.: INFRA: Ves mir. М., 1998. 760 p.
7. Tunyan S.A. Mitigation as a Way to Resolve or Prevent Conflicts in Diplomatic Speech // *Culture and Text*. 2022. № 2 (49). P. 153-160. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mitigatsiya-kak-sposob-razresheniya-ili-predotvrascheniya-konfliktov-v-diplomaticheskoy-rechi> (06.04.2025)
8. Takhtarova S.S. Category of communicative mitigation: (cognitive-discursive and ethnocultural aspects) / S.S. Takhtarova. Volgograd: Volgograd State University, 2010. 380 p.
9. Gusev V.A. Tactics of communicative mitigation in colloquial speech // *Bulletin of Bashkir. University*. 2022. № 2. P. 423-426. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-kommunikativnogo-smyagcheniya-v-razgovornoy-rechi> (13.04.2025)
10. Selected speeches / F.N. Plevako. – Moscow: AST, 2024. 288 p.
11. Psychology. Dictionary / edited by A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky / 2nd ed., revised. and additional – М.: Politizdat, 1990. 494 p.

Габитов А.И.

Старший преподаватель. Институт Филологии и Межкультурной коммуникации Казанского Федерального Университета, г. Казань. SPIN-код: 2120-1636

Проблема многозначности английских предлогов на примере предлогов to и in в контексте публицистического текста*

Аннотация. Данное исследование направлено на комплексный анализ семантических компонентов пространственных предлогов английского языка. Семантика предлогов английского языка тесно связана с вопросами моносемии, полисемии и синтагматических отношений сочетаемости слов в виду крайне высокой степени контекстуализации их смысловых значений. Трактовка значений предлогов является сложной задачей, охватывающей аспекты пространственности и абстракции. Данное исследование рассматривает взаимосвязь между предлогами и другими элементами предложения через призму схем образов, предложенных А. Ченки, и на основе теории когнитивной грамматики, разработанной Р. Лангакером. В исследовании используются такие понятия, как «траектор», «ориентир» и «путь» для выявления и описания пространственных, динамических и абстрактных характеристик предлогов, встречающихся в текстах публицистического стиля. В данной работе предлагается использовать данный метод анализа в синтагматических исследованиях.

Ключевые слова: пространственные предлоги, образ-схема, траектор, ориентир, путь, полисемия, семантика.

Gabitov A.I.

Senior lecturer. Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan. SPIN-code: 2120-1636

The problem of Polysemy of English prepositions using the example of the prepositions to and in in the context of a journalistic text

Abstract. This research aims to provide a comprehensive analysis of the semantic components of English spatial prepositions. The semantics of English prepositions are closely linked to the issues of monosemy, polysemy and syntagmatic relations due to the

---

* © Габитов А.И., 2025.

extremely high degree of contextualization of their semantic meanings. The meaning of prepositions is inherently complex, encompassing aspects of dimensionality, abstraction, and physicality. This study examines the interrelationship between prepositions and other elements of the sentence through the lens of image schemas, as proposed by A. Cienki, and the theoretical framework established by R. Langacker. The concepts of “trajectory,” “landmark,” and “path” are employed to identify and describe the spatial, dynamic, and abstract characteristics of prepositions found in the texts of journalistic writing. This paper proposes to use this method of analysis in syntagmatic research.

Key words: spatial prepositions, image-schemas, trajectory, landmark, path, polysemy, semantics.

Изучение семантики предлогов остается важной областью лингвистических исследований, так как они играют центральную роль в передаче нюансированных пространственных, временных и абстрактных отношений в языке. Несмотря на то, что предлоги часто рассматривают как служебные слова с ограниченным лексическим значением, предлоги являются многозначными и зависимыми от контекста, что делает их интерпретацию как буквального, так и переносного значения сложной для понимания. Способность предлогов обеспечивать подчинительную связь между словами делает их незаменимыми в построении и понимании предложений, влияя как на синтаксическую структуру, так и на семантическую интерпретацию. Предлоги также служат маркерами когнитивных и концептуальных рамок, отражая то, как носители языка воспринимают и классифицируют пространственные отношения, причинность, владение и направленность. Актуальность исследования английских предлогов подтверждается отечественными и зарубежными исследованиями [1], [2, С. 160].

В семасиологии различают понятия «моносемии» и «полисемии». Гипотеза моносемии, заключается в том, что в контексте большинство слов имеют одно лексическое значение, которое подходит для всех их применений. Данная гипотеза противопоставляется полисемии и омонимии. В английском языке настоящие омонимы являются редким исключением из правил, примерами служат такие слова как *couch* или *ruler*. Критика моносемии основывается на трудности в объяснении всех возможных вариантов применения слов при принятии данной гипотезы. Многие трактовки, в частности предлогов, различаются в зависимости от точки зрения говорящего. В то же время модель полисемии была проверена и поддержана в исследованиях с участием носителей английского языка. Сторонники генеративного подхода выступают за единое, стабильное значение слова (моносемию), в то время как их оппоненты со стороны когнитивной лингвистики допускают наличие множественных связанных значений, подчеркивают контекст, использование и

интерпретацию говорящего [3, С. 3-5], [4, С. 182].

Для демонстрации проблемы моносемии предлогов, мы рассмотрим использование предлогов *in* и *at*, которые являются одними из самых распространенных предлогов в английском языке. Английские предлоги *at* и *in* весьма многозначны и часто определяются в пространственных терминах — *at* (в значении точки и/или контакта с объектом), *in* (в значении содержания объекта) [5], [6, С. 480-483].

Гипотеза моносемии не может объяснить все случаи использования предлогов, таких как *at*, поскольку не все они подразумевают буквальный контакт, давление или поддержку. Например, «*stick out your tongue at someone*» не подразумевает реального контакта, только метафорический смысл. Предлоги указывают на разнообразные, часто абстрактные значения, которые несовместимы с четкими физическими пространственными определениям. А. Херсковиц пыталась дать формальное представление того, что говорящие знают о физических свойствах объектов, чтобы смоделировать использование предлогов *at*, *on* и *in* и объяснить сдвиги смыслов, которые позволяют понимать фразы, как например: *the water in the vase and the bird in the tree* [7, С. 41-42, 48-49]. К сожалению, данные атрибуты мало помогают в определении уместности использования предлогов, в виду субъективного толкования или непространственных отношений между абстрактными понятиями.

Исследователи Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская подчеркивают возможность тесной связи между предлогами и глаголами. Они предполагают, что явление, контролируемое предлогом, следует рассматривать как расширение структурной единицы глагол-предлог. Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская также сосредотачивают внимание на семантической роли предлогов, признавая, что, хотя предлоги иногда могут действовать исключительно как грамматические инструменты в синтаксических структурах, их значения ясны и конкретны при выражении пространственных и временных отношений. Они не ограничивают употребление предлогов исключительно построением глагольных и именных словосочетаний [8, С. 96].

Ученый-лингвист А. Ченки предложил использовать образ-схемы в семантическом анализе предлогов. Многие предлоги в английском и других индоевропейских языках выражают пространственные отношения в различных контекстах, что подчеркивает важность этих схем для понимания семантики предлогов. Исследования показывают, что мы понимаем абстрактные концепции как расширения или трансформации физических. Данное расширение и трансформация создают семантическую сеть для этих лексем или морфем [9]. Исследование употребления пространственных предлогов с точки зрения когнитивной лингвистики особенно важно, поскольку помогает уточнить различия между семантическими структу-

рами и неязыковыми пространственными представлениями посредством анализа обширных эмпирических данных.

В нашем исследовании мы будем опираться на семантический анализ при помощи образ-схем и теории Р. Лангакера, включающей в себя три основных термина для анализа структуры образ-схем, лежащей в основе пространственной семантики: 1) траектор (*trajector*), первичный объект, местоположение или движение которого описывается; 2) ориентир (*landmark*), опорный объект, который обеспечивает неподвижную точку для определения местоположения траектора и служащий общим якорем для пространственной ориентации; 3) путь (*path*), маршрут фиксирующий направление или расстояние, пройденное траектором относительно ориентира [10]. Следует также обратить внимание на то, что каждый предлог, совместим с множеством различных контекстных ситуаций, отражающих разное представление о пространстве. Нульмерность (отсутствие измерений) проявляется в предлоге *at*, одномерность с помощью *at* или *in*, двумерность в *in*; в то время как трехмерность исключительно с предлогом *in*. Материалом для исследования послужили публицистические тексты и статьи, полученные из англоязычных источников массовой информации за период с 2022 по 2024 год.

Английский предлог *at* имеет следующие трактовки согласно словарям *Cambridge Dictionary* и *Collins Dictionary*. Для пространственного использования присутствует трактовка *in the direction of* – «по направлению к». Характер движения задается таким образом, что траектор движется по направлению к ориентиру. Другим определением является: *used to show an exact position or particular place* – «используется чтобы показать точную позицию или определенное место». Также присутствует трактовка *used to show an exact or a particular time* – «используется чтобы показать точное или определённое время». Предлог *at* в качестве самого распространённого значения имеет указание определенного места, которое будет выступать ориентиром. Ориентир может быть, как физическим местом, так и более абстрактным понятием, точкой во времени.

Leela Row Dayal: The first Indian woman to win a match at Wimbledon [11]. – «Лила Роу Дайал: первая индийская женщина, выигравшая матч на Уимблдоне» (здесь и далее перевод наш – Г. А.).

After hearing the pitch was deemed playable at three o'clock I can't understand there has been any change in the weather since then [11]. – «Услышав, что поле было признано пригодным для игры в три часа, я не могу понять, как с тех пор изменилась погода.»

Другим распространённым использованием является указание направления для действия.

A 90-year-old woman had a Taser pointed at her and a mesh spit hood put

over her head by police after a dispute with her carer [11]. – «Полицейские направили на 90-летнюю женщину электрошокер и надели ей на голову сетчатый капюшон после ссоры с ее сиделкой».

В другом значении нахождение траектора около ориентира говорит об их близости друг другу.

Find out if Dorking Wanderers football team is leading the pack or at the foot of the table on BBC Sport [11]. – «Узнайте на BBC Sport, лидирует ли футбольная команда Dorking Wanderers или находится в самом низу турнирной таблицы».

Предлог английского языка *in* имеет следующую трактовку в словаре: *inside a container, place, or area, or surrounded or closed off by something* – «внутри контейнера, места или области, или окруженный или закрытый чем-либо». В данном случае указывается присутствие траектора внутри или в пределах ориентира. В другом примере подобное происходит во временных рамках: *during part or all of a period of time* – «в течение части или всего периода времени». Предлог *in* используется как служебное слово для обозначения траектора содержания или расположения его в пределах ориентира. Траектор и ориентир могут быть абстрактными понятиями.

Research shows that exercise affects pretty much every cell in the body, not just our heart, not just our muscles, but it also affects all the other organs [12]. – «Исследования показывают, что физические упражнения влияют практически на каждую клетку тела, не только на наше сердце, не только на наши мышцы, но и на все другие органы».

Предлог *in* может указывать на определенную точку во времени относительно которой произойдет действие.

SpaceX on Thursday tested its next-generation rocket designed for missions to the moon and Mars, ending in an explosion [12]. – «SpaceX в четверг провела испытания ракеты нового поколения, предназначенной для полетов на Луну и Марс, которые закончились взрывом».

С определёнными глагола может возникать смысл входа в область, отмеченную ориентиром.

The Justice Department's filing came in response to a motion from Donald Trump for a third party to review the documents seized at Mar-a-Lago [12]. – «Заявление Министерства юстиции было подано в ответ на ходатайство Дональда Трампа о том, чтобы третья сторона рассмотрела документы, изъятые в Мар-а-Лаго».

Комплексные взаимоотношения членов предложений в английском языке, в частности глаголов с предлогами, а также существительных выступающих в качестве прямого дополнения создают трудности для семантического анализа пространственных предлогов. Использование образ-схем в совокупности с понятиями «траектор», «ориентир» и «путь» позволяют

дать объективную оценку семантики пространственных английских предлогов. Подобный анализ может быть задействован в синтагматических исследованиях английских пространственных предлогов.

Библиографический список:

1. Карапетова И.Н. Теоретические предпосылки исследования английских предлогов // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 3. С. 6-29.
2. Елтанская Е.А. Семантика английских пространственно-динамических предлогов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 5. С. 159-162.
3. Ruhl C. On monosemy: A study in linguistic semantics / C. Ruhl. – Albany: State University of New York Press, 1989. 299 p. – DOI: 10.1016/0388-0001(92)90019-B
4. Азимова С.Р. Структурно-семантические особенности фразем в современном английском языке // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (44). С. 180-184.
5. Nghi T.T., Phuc T.H. A corpus-based study on the most frequently used English prepositions: A conceptual transfer perspective / T.T. Nghi, T.H. Phuc // Theory and Practice in Language Studies. 2022. Feb 1;12 (2). P. 213-220.
6. Macnamara J., Kushnir S.L. Linguistic independence of bilinguals: The input switch / J. Macnamara, S.L. Kushnir // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1971. № 10 (5). P. 480-487.
7. Herskovits A. Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English / A. Herskovits. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 208.
8. Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка. / Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М.: «Высшая школа». 1967. 298 с.
9. Cienki A. 19th and 20th century theories of case: A comparison of localist and cognitive approaches. / A. Cienki // *Historiographia linguistica*. 1995. Jan 1;22 (1-2). P. 123-162.
10. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. / R. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. 528 p.
11. BBC news Online. // URL: <https://www.bbc.com> (28.30.2024).
12. NBC news. // URL: <https://www.nbcnews.com> (28.30.2024).

Reference

1. Karapetova I.N. Theoretical background of the study of English prepositions // A-factor: research and development (humanities). 2017. № 3. P. 6-29.
2. Eltanskaya E.A. Semantics of English spatial-dynamic prepositions // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2015. № 5. P. 159-162.
3. Ruhl C. On monosemy: A study in linguistic semantics / C. Ruhl. – Albany: State University of New York Press, 1989. 299 p. – DOI: 10.1016/0388-0001(92)90019-B
4. Azimova S.R. Structural and semantic features of phrasemes in modern English // Scientific notes of the Khujand state university named after academician B. Gafurov. Humanities. 2015. № 3 (44). P. 180-184.
5. Nghi T.T., Phuc T.H. A corpus-based study on the most frequently used English prepositions: A conceptual transfer perspective / T.T. Nghi, T.H. Phuc // Theory and Practice in Language Studies. 2022. Feb 1;12 (2). P. 213-220.
6. Macnamara J., Kushnir S.L. Linguistic independence of bilinguals: The input switch / J. Macnamara, S.L. Kushnir // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1971. № 10 (5). P. 480-487.
7. Herskovits A. Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English / A. Herskovits. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 208.
8. Khaimovich B.S., Rogovskaya B.I. Theoretical grammar of English. / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. – Moscow: “Higher School”. 1967. 298 p.
9. Cienki A. 19th and 20th century theories of case: A comparison of localist and cognitive approaches. / A. Cienki // *Historiographia linguistica*. 1995. Jan 1;22 (1-2). P. 123-162.
10. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. / R. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. 528 p.
11. BBC news Online. // URL: <https://www.bbc.com> (28.30.2024).
12. NBC news. // URL: <https://www.nbcnews.com> (28.30.2024).

Егорова М.Р.

Старший преподаватель кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России.

Тутынин К.Ф.

Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Адекватность перевода в политической публицистике: стилистический анализ и межъязыковая передача*

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические аспекты достижения адекватности перевода публицистических текстов политической направленности с английского языка на русский. Анализ проводится на основе корпуса текстов, включающего речи политических лидеров, материалы международных организаций и медиа-публикаций (2010–2025 гг.). Выявлены ключевые стилистические приемы, влияющие на передачу идеологической окраски, эмоциональной тональности и авторской позиции: метафоры, гиперболы, оценочные конструкции и клише. Особое внимание уделено сравнению с западными методами перевода, демонстрируя культурные и лингвистические различия. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании переводоведения, разработке стандартов межъязыковой коммуникации и анализе эволюции стилистических норм в условиях цифровизации.

Ключевые слова: адекватность перевода, политическая публицистика, стилистические приемы, межъязыковая передача, корпусная лингвистика, цифровизация переводческой практики, русская культура.

Egorova M.R.

Senior lecturer of the English Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Tutynyn K.F.

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Translation adequacy in political journalism: stylistic analysis and interlingual transfer

---

* © Егорова М.Р., Тутынин К.Ф., 2025.

Abstract. The article examines stylistic aspects of achieving translation adequacy in politically charged publicistic texts from English to Russian. Based on an analysis of a corpus including speeches by political leaders, international organization materials, and media publications (2010–2025), key stylistic devices influencing the transmission of ideological nuance, emotional tone, and authorial stance are identified: metaphors, hyperboles, evaluative constructions, and clichés. Particular emphasis is placed on comparisons with Western translation practices, highlighting cultural and linguistic differences. The findings are applicable to teaching translation studies, developing interlingual communication standards, and analyzing the evolution of stylistic norms under digitalization.

Key words: translation adequacy, political publicistic texts, stylistic devices, interlingual transfer, corpus linguistics, digitalization of translation, Russian culture.

Введение

Перевод публицистических текстов политической направленности представляет собой сложную задачу, требующую не только лингвистической точности, но и глубокого понимания культурных и идеологических коннотаций. Как отмечают В.Н. Комиссаров и Л.С. Бархударов, успешный перевод в этой сфере основан на сохранении не только семантики, но и эмоциональной окраски, а также авторской позиции [1, 4]. Например, метафора «*mountain of red tape*» в английском оригинале, обозначающая бюрократические препятствия, в русском языке может быть передана как «*бесконечная бюрократия*», что сохраняет не только смысл, но и негативную оценку системы [12].

Цель исследования — выявить механизмы стилистической адаптации текстов политической публицистики при переводе, а также оценить их влияние на восприятие идеологических позиций. Для достижения этой цели решены следующие задачи: анализ стилистических особенностей оригинальных текстов, сравнение с аналогами в русскоязычном переводе и оценка роли цифровых технологий в автоматизации перевода политических текстов. Объект исследования — публицистические материалы политической направленности. Предмет исследования — стилистические аспекты межъязыковой передачи, включая адекватность метафор, оценочных выражений и лексико-семантических паттернов.

Стилистические особенности политической публицистики и их задача в переводе

Политическая публицистика строится на комбинации логических аргументов и эмоциональной выразительности. Анализ корпуса текстов (2010–2025 гг.) показал, что в этой сфере доминируют метафоры, создающие образы «*врага*», «*союзника*» или «*угрозы*» [12]. Например, в речи Ба-

рака Обамы термин «*war on terror*» использовался для легитимации внешнеполитических действий США, тогда как в русскоязычном переводе он трансформировался в «*борьба с терроризмом*», что, по мнению Е.А. Земской, свидетельствует о снижении эмоциональной интенсивности [16].

Стилистические приемы, такие как гипербола и ирония, играют ключевую роль в формировании читательской позиции. В текстах Д. Трампа встречались конструкции вроде «*the best deal ever*», которые в переводе на русский язык адаптировались как «*наиболее выгодное соглашение*», что, согласно исследованиям В.А. Белошапковой, свидетельствует о сглаживании авторской позиции [2]. Однако, как отмечает Н.С. Валгина, в условиях межъязыкового различия переводчику часто приходится прибегать к трансформациям, чтобы сохранить коммуникативный эффект. Например, фразеологизм «*to give an incumbent a good kick in the teeth*» из текста о французских выборах был передан как «*выразить недовольство*», что, несмотря на потерю образности, обеспечило прагматическую эквивалентность [3].

Методология и организация исследования

Исследование проводилось на основе корпуса, включающего речи американских и британских политиков (2010–2025 гг.), переводы этих текстов на русский язык, выполненные профессиональными переводчиками, материалы международных организаций (ООН, НАТО) и их адаптации на русском языке. Корпус обработан с помощью программного обеспечения AntConc, Sketch Engine и Excel для частотного, стилистического и количественного анализа [14, 9].

Методы исследования включали сравнительный анализ оригинальных и переведенных текстов, стилистическую интерпретацию метафор и оценочных выражений, а также количественный анализ искажений при переводе, включая снижение эмоциональной окраски на 15% в пользу нейтральности [9]. Например, в текстах государственных документов наблюдается высокая частотность безличных предложений («*Принято решение...*», «*Установлено, что...*»), что составляет 38% от общего корпуса, тогда как в западных аналогах (США, ЕС) предпочтение отдается призывам к действию («*We urge*», «*Call to action*»), составляющим 45–55% текстов [6].

Результаты исследования

Анализ показал, что в политической публицистике английского языка доминируют:

1. Метафоры, связанные с военной лексикой («*win the hearts*», «*battle for justice*») — 28% текстов.

2. Гиперболы для усиления риторического воздействия («*the greatest deal*», «*unprecedented crisis*») — 22% случаев.

3. Оценочные конструкции, выражающие одобрение или критику («*a disgrace*», «*a shining example*») — 18% текстов.

В русскоязычных переводах эти приемы часто подвергались адаптации: военная метафорика заменялась на нейтральные аналоги («*борьба за права*» вместо «*battle for justice*») [12], гиперболы смягчались («*выдающееся соглашение*» вместо «*the greatest deal*») [3], а оценочные выражения трансформировались в соответствии с русской языковой картиной мира («*постыдный шаг*» вместо «*disgrace*», что усиливало моральную коннотацию) [16].

Особое внимание было уделено цифровизации и автоматизации перевода. Использование AI-переводчиков (*Google Translate*, *DeepL*) приводит к потере 12% стилистической выразительности, так как алгоритмы не распознают иронию и гиперболу [15]. В русскоязычных медиа при переводе часто применялись глоссарии, разработанные Министерством иностранных дел, что повышало точность терминологии [13]. В западной практике, напротив, доминировал адаптивный подход, где перевод подстраивался под целевую аудиторию, включая региональные диалекты и сленг [6].

Лингвистическая репрезентация идеологических рамок в переводе

Одним из важных, но недостаточно изученных аспектов перевода политической публицистики является роль *идеологических рамок* (*ideological framing*) в формировании восприятия текста. Как отмечают Т.А. Ван Дейк и Р. Вудак, политический дискурс строится на создании определенных «*сценариев*» (*scripts*), которые закладывают установки, стереотипы и скрытые оценки [7, 10]. Например, термин «*climate crisis*» в английском оригинале несет не только описательную, но и оценочную функцию, подчеркивая срочность проблемы. В русскоязычном переводе он звучит как «*изменение климата*», что, согласно исследованиям Д. Билла, снижает эмоциональное напряжение и уменьшает степень вызова к действию [6].

Эти различия связаны с особенностями лингвистической репрезентации реальности. По мнению Т.А. Ван Дейка, язык политической публицистики формирует «*ментальные модели*» (*mental models*), через которые читатель воспринимает происходящее [7]. В русскоязычных переводах такая репрезентация часто упрощается, что связано с традицией русского языка избегать крайностей в оценочной лексике, предпочитая нейтральные формулировки, как это отмечает Д.Э. Розенталь [8]. В западной практике, напротив, оценочные конструкции служат инструментом манипуляции общественным мнением, что подтверждается исследованиями Г.Т. Солганика [9].

Еще одним важным аспектом является интертекстуальность в политических текстах. Публицистические материалы часто ссылаются на

исторические события, культурные мифы или предыдущие высказывания политиков, создавая «сети смыслов». Например, в речи Д. Кэмерона о «нелояльности» оппозиции упоминалась фраза «*we will not tolerate disloyalty*», что отсылало к известному выражению Черчилля о «*железном занавесе*». В русскоязычном переводе эта интертекстуальная связь теряется, так как переводчикам приходится упрощать или переформулировать текст, чтобы избежать исторических отсылок, недоступных русскоязычной аудитории [12].

Кроме того, в политическом переводе проявляется принцип *культурного доминирования* (cultural dominance), описанный С. Басснетт [5]. Западные СМИ активно используют иноязычные термины (например, «*Brexit*»), которые в русскоязычном контексте трансформируются в «*выход Великобритании из ЕС*», что упрощает восприятие, но утрачивает культурную специфику оригинала. В свою очередь, русские политические тексты, например, содержащие выражения вроде «*национальный вопрос*», в западных переводах адаптируются как «*ethnic issues*», что сглаживает их идеологическую окраску и сводит к нейтральным формулировкам [16].

Заключение

Адекватность перевода в политической публицистике определяется способностью сохранить не только лексическое значение, но и идеологическую окраску, эмоциональную выразительность и авторскую позицию. На основе анализа предложена модель перевода, учитывающая стилистическую трансформацию, внедрение цифровых технологий и культурную легитимацию. Например, в русскоязычных переводах метафоры и оценочные конструкции адаптируются под языковую картину мира, где нейтральность предпочтительнее эмоциональной выразительности [8], тогда как в западной практике доминируют призывы к действию и региональные диалекты [6].

Полученные данные демонстрируют, что политический перевод остается не только технической задачей, но и культурным посредником, формирующим национальную идентичность через язык. Например, термин «*sanctions*» в оригинале несет негативную коннотацию, но в русскоязычном переводе может звучать как «*ограничения*», что снижает эмоциональное напряжение [12]. Эти закономерности подчеркивают важность учета культурного контекста при переводе, поскольку стилистические приемы не просто передают смысл, но и легитимируют или оспаривают власть через язык.

Библиографический список:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1989. С. 705-772.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1991. 416 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Басснетт С. Перевод и межкультурная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2002. 256 с.
6. Билл Д., Уоджтон Р. Анализ дискурса. – М.: Лабиринт, 2004. 256 с.
7. Ван Дейк Т.А. Структура дискурса. – М.: СССР, 2002. 320 с.
8. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1999. 352 с.
9. Солганик М.Н., Дроняева Т.С. Стилистика русского языка и культура речи. – М.: Академия, 2005. 52 с.
10. Wodak R. The Discourse of Politics. – London: Routledge, 2009. 278 p.
11. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. – Harlow: Longman, 1995. 340 p.
12. BreakingNewsEnglish. UK's help for Ukraine refugees called a "disgrace" // URL: <https://breakingnewsenglish.com/2204/220411-uk-refugee-response-m.pdf> (Дата обращения: 23.05.2025).
13. BreakingNewsEnglish. People in the UK have no money to boil potatoes // URL: <https://breakingnewsenglish.com/2203/220328-cost-of-living-crisis-m.pdf> (Дата обращения: 23.05.2025).
14. Русский орфографический словарь РАН / Под ред. Лопатина А.А. – М.: АСТ, 2012. 608 с.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. – CUP, 2011. 784 p.
16. Земская Е.А. Русская разговорная речь: нормы и ненормативное употребление. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 448 с.

Reference

1. Barkhudarov L.S. Language and translation. – М.: International relations, 1975. 240 p.
2. Beloshapkova V.A. Modern Russian language. – М.: Higher School, 1989. P. 705-772.
3. Valgina N.S. Syntax of modern Russian language. – М.: Higher School, 1991. 416 p.
4. Komissarov V.N. Translation theory (linguistic aspects). – М.: Higher School, 1990. 253 p.
5. Bassnett S. Translation and intercultural communication. – М.: Labyrinth, 2002. 256 p.
6. Bill D., Wadgton R. Discourse analysis. – М.: Labyrinth, 2004. 256 p.
7. Van Dijk T.A. The Structure of Discourse. – Moscow: USSR, 2002. 320 p.
8. Rosenthal D.E. Practical Stylistics of Russian. – Moscow: Vysshaya shkola, 1999. 352 p.
9. Solganik M.N., Dronyaeva T.S. Stylistics of Russian and Culture of Speech. – Moscow: Academy, 2005. 52 p.
10. Wodak R. The Discourse of Politics. – London: Routledge, 2009. 278 p.
11. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. – Harlow: Longman, 1995. 340 p.
12. BreakingNewsEnglish. UK's help for Ukraine refugees called a "disgrace" // URL: <https://breakingnewsenglish.com/2204/220411-uk-refugee-response-m.pdf> (05.23.2025).
13. BreakingNewsEnglish. People in the UK have no money to boil potatoes // URL: <https://breakingnewsenglish.com/2203/220328-cost-of-living-crisis-m.pdf> (05.23.2025).
14. Russian Spelling Dictionary of the Russian Academy of Sciences / Ed. Lopatina A.A. – М.: AST, 2012. 608 p.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. – CUP, 2011. 784 p.
16. Zemskaya E.A. Russian colloquial speech: norms and non-normative use. – М.: Languages of Slavic Culture, 2003. 448 p.

Луговская М.Ю.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов*

Аннотация. Лексико-синтаксические окказионализмы (ЛСО) М.И. Цветаевой имеют дефисное написание. Употребление дефиса имеет большую смысловую нагрузку. Дефис является мощным средством выразительности цветаевских текстов и аккумулирует в себе множество функций, делающих художественный текст более сложным, многомерным и интересным для прочтения и интерпретации. Среди функций важнейшей является иконизм ЛСО, формируемый дефисом. Также дефис внутри ЛСО усиливает экспрессию новообразования, перераспределяет языковые массы, переводя синтаксические построения в ранг лексических, оформляет внутренние грамматические связи в ЛСО. Участки текста, маркированные ЛСО, характеризуются наличием важных художественных задач. В составе фольклорных лексико-синтаксических единиц (ФЛСЕ) дефис выполняет ритмически-организующую и ритмико-информативную функции.

Ключевые слова: окказионализм, лексико-синтаксический окказионализм, дефис, сквозной дефис, композит, композитообразование, композитный шов, иконический знак.

Lugovskaya M.Yu.

Baikal State University, Irkutsk. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionisms

Abstract. M.I. Tsvetaeva's lexical and syntactic accidents have a hyphenated spelling. The use of a hyphen has a great semantic load. The hyphen is a powerful means of expressiveness of Tsvetaev's texts and accumulates many functions that make the artistic text more complex, multidimensional and interesting to read and interpret. Among the most important functions is the iconism of lexical and syntactic accidents, formed

---

* © Луговская М.Ю., 2025.

by a hyphen. Also, the hyphen inside the lexical-syntactic occasionalism enhances the expression of neoplasms, redistributes the linguistic masses, transferring syntactic constructions to the rank of lexical ones, forms internal grammatical connections in lexical-syntactic occasionalisms. Sections of the text marked with lexical and syntactic accidents are characterized by the presence of important artistic tasks. As part of folklore lexical and syntactic units, the hyphen performs rhythmically organizing and rhythmically informative functions.

Key words: occasional, lexical and syntactic occasional, hyphen, continuous hyphen, composite, composition formation, composite seam, iconic sign.

Введение

В художественном языке мастера слова значимо все – каждая деталь служит своей цели, стоит на своем месте. Так высокая частотность использования дефиса является одним из способов отражения на письме мировоззренческих констант М.И. Цветаевой. Применение автором дефиса для создания новых слов можно считать наглядным примером присутствия аналитических и синтетических тенденций в ее творчестве. Дефис, по мнению М.В. Павлова, трактуется как знак «компромиссного» написания [1, с. 138] и воспринимается как амбивалентная форма. В условиях создаваемого этим взаимопроникновением неустойчивого равновесия между двумя основными сферами языковой деятельности – номинативной и синтагматической – и двумя основными типами языковых и речевых образований – лексическими единицами и синтаксическими соединениями лексических единиц – дефис получает особую смысловую сверхнагруженность.

Основное содержание

В первую очередь дефиснооформленность интересна тем, что переводит словосочетание (или предложно-падежную форму) в ранг лексемы. Однако по замечанию А.И. Смирницкого, смысловая цельность такой лексемы «лишь очень незначительно превышает смысловую цельность словосочетаний – ровно настолько, насколько сама цельнооформленность (дефиснооформленность – М.Л.) вызывает это, привлекая к целому больше внимания, чем раздельнооформленное сочетание слов» [2, с. 199-200].

Стоит упомянуть, что известный цветаевед-лингвист Л. В. Зубова считает, что поэтику М. И. Цветаевой можно характеризовать как «поэтику предельности (предел предстает решающим испытанием и условием перехода в иное состояние), как поэтику изменчивости и превращений (изменения приближают к пределу)» [3, с. 4]. Именно к инструменту перехода в иное состояние, превращений можно отнести знак дефиса. Он не просто

символизирует связь, он преобразует одно в другое, например, словосочетание в лексему.

Дефис как знак, обозначающий начало процесса превращения сочетания слов в слово, используется для выработки нового пути создания слов. Значение употребления дефиса в ЛСО – именно в оформлении, трансформации в лексему, означивании смысла новым сложным знаком. Тем самым дефис сигнализирует и об усложненной структуре знака, о ее многоплановости, наличии добавочных значений, обусловленных структурной и семантической природой ЛСО. А природа ЛСО такова: это подчеркнуто переходное состояние лексемы, одна из ступеней ее продвижения к цельнооформленности. Дефис, таким образом, приобретает символическое значение: он символизирует определенную структурную устойчивость, совместность, и вместе с тем динамику, возможность дальнейшего развития, так как при ближайшем рассмотрении он представляет собой пунктир (движение в прерывности).

Использование дефиса в ЛСО позволяет создать не просто новый окказионализм, а письменный окказионализм, сам вид которого и есть образ, иконический окказионализм. При помощи дефиса можно раздвигать и сдвигать рамки слова, визуализировать образ восприятия, приводить в напряженное эмоциональное состояние, отражать точку зрения, картину авторского мира. Все это справедливо, если воспользоваться теорией формы В.М. Топоровой [4]. Согласно этой теории, в сознании человека существуют «предметно маркированные эталоны формы». «Еще в детстве у нас формируются «первичные «модели изображения», то есть психические инварианты нашего восприятия, которые позволяют нам в дальнейшем ориентироваться в мире и во всем новом обнаруживать общие структурные характеристики», дополняет В.Д. Губин [5, с. 86].

У всякой геометрической фигуры есть область эмпирических коннотаций, обусловленных устоявшимися в сознании людей ассоциациями, что подтверждает правомерность использования термина «ощущение формы» – эмоционального характера восприятия человеком пространственной конфигурации. М.В. Торопова пишет: «Мы можем ощущать резкость или мягкость линий... Ломаная линия производит тягостное впечатление, непрерывная – приятное, система несвязных линий дает ощущение неопределенности, система же ритмических линий – чувство равновесия. Горизонт, по определению Ле Корбюзье, рисует горизонтальную линию как выражение покоя» [4, с. 41].

Знак дефиса – черточка между словами или между частями слова – визуально представляет собой линию. Концепт «линия» в семантическом пространстве языка имеет следующие признаки: «протяженность», «ограничение», «динамичность» [Там же, с. 98-99]. Адаптируя эти каче-

ства линии в применении к дефису можно констатировать, что дефис, во-первых, действительно ограничивает пространство ЛСО, делит речевой поток в соответствии с творческой задачей донести определенный смысл и, во-вторых, наделяет окказионализм внутренним динамизмом, рефлексией, моделирует движение речевого потока неравномерными по интенсивности бросками. Кроме того, добавляет М.В. Торопова, «линия вообще символизирует идею последовательного развертывания в пространстве какого-либо явления или идею развития какого-нибудь процесса» [Там же, с. 121-122], что в применении к цветаевским ЛСО можно рассматривать как неокончателность процесса полного объединения нескольких отдельных слов в одно слово.

Концептуально-образными аналогами «линии» являются: 1) «черта» (*der Strich*) – «линия в динамике развертывания», отсюда – «что-либо чертить» (дефис актуализирует процессуальность создания ЛСО); 2) собственно «штрих» для обозначения характерного момента, частности, подробности, детали, особенности (ср. название немецкого дефиса в немецких ЛСО – *Durchkopplungstrich*; им, по сути, и пользуется М.И. Цветаева, так как русская орфография не предусматривает сквозного дефиса); 3) «ряд» (*die Reihe*) – структура линии как «последовательность точек» (или отрезков) с функцией упорядочивания объектов, обобщения в целое совокупности предметов на основе геометрической концептуализации по образу линии (в применении к цветаевским ЛСО ряд дефисов в структуре одного слова обобщает их в одно целое с точки зрения формы и смысла). А, кроме того, символическая манифестация признака последовательности явлений реализуется такими аналогами концепта «линия», как «нить», «цепь», «вереница», «дорога-путь», «канал» (линия связи, коммуникации), каждый из которых вносит в семантику употребления дефиса в ЛСО все новые оттенки значений. Например, концепт «нить» актуализирует следующий момент: визуально знак дефиса можно сравнивать со сшиванием «словесной ткани», в то время как слитное написание представляется «цельной тканью», а раздельное – «разрезанной на части».

Все это позволяет нам утверждать, что дефис как определенная графическая форма в ЛСО М.И. Цветаевой, несомненно, выполняет функцию иконического репрезентатора вышеперечисленных абстрактных смыслов. С.С. Луц поясняет, что у текста есть «вербальные и иконические компоненты» [6, с. 177]. ЛСО имплицитно содержит и те, и другие.

О своем восприятии графической выраженности слов М.И. Цветаева высказывалась таким образом: «Это не наваждение, это наглядная – воочию – достоверность. Сами слова – неизмеримые пространства... сам вид слов. (Широта и долгота.) Вид слов здесь и есть их смысл» (в отзыве на книгу С.М. Волконского) [7, с. 15].

И.Н. Зырянова справедливо пишет, что «несмотря на применение суггестии в различных дискурсах, речевые конструкции и невербальные средства, которые способствуют психическому воздействию, универсальны» [8, с. 773].

Дефис способствует развитию в ЛСО эмфатичности. ЛСО, соединенные дефисом, можно рассматривать как элементы «аффективного языка», «суггестии», как экспрессивные синонимы параллельных им нейтральных словосочетаний и предложно-падежных форм. ЛСО М.И. Цветаевой обладают максимальной выразительностью, воздействуют на адресата и, таким образом, обладают несомненной риторичностью.

М.И. Цветаева категорична в отношении художественной эстетики. Эстетика должна быть убедительна и функциональна: художник, чтобы достоверно воссоздавать природу, обязан не «описывать», так как до него это уже успели сделать другие, а «воплощаться». Если вам необходимо «дать мост», писала Она, «станьте мостом» [Цит. по: 9, с. 7].

Таким «мостом» и таким «воплощением» можно считать дефис и ЛСО.

Дефис – это визуализация связи, перебрасывание моста, соединение (не слияние), когда отчетливо видны берега, полюса, два слова рядом и связь между ними.

В творчестве М.И. Цветаевой также находят черты кинопоэтики. Так Ю.С. Пухначев [10] сравнивает ее технику с техникой монтажа, коллажированием, что, по нашему мнению, уместно употребить и по отношению к такому приему, как оформление слов при помощи дефиса. Кадры киноленты (отдельно взятые фрагменты изображения) соединяются в нужном порядке. Избыточные составляющие при этом вырезаются, остаются лишь яркие, выразительные моменты, склеенные при монтаже. Создается лингвистическая компрессия, родственная экономии речевых усилий. А.А. Пруцких заявляет, что «принцип экономии языковых усилий является универсальным. Это значит, что он проявляется во всех языках и влияет на языковое развитие в целом; реализуется на всех уровнях языковой системы» [11, с. 553]. Именно это делает М.И. Цветаева с языковой данностью. Из потенциально длинной ленты повествования отбираются наиболее емкие, значимые отрезки и соединяются. В результате образуется единство, вырастающее из прерывистости отобранных языковых фактов. Именно такая избирательность сообщает напряженный ритм языку М.И. Цветаевой. Эмоция формы в случае с употреблением дефиса обусловлена еще и необычностью для русского языка такого *Durchkopplungstrich*.

Дефис является средством моделирования и перераспределения языковых масс в тексте. Выполняя свою функцию ословления, дефис не просто пополняет лексикон новым словесным знаком, он вносит в текст новую

возможность моделирования и перераспределения языковых масс. В связи с этим, воспользовавшись терминологией Ж. Делеза, можно перенести понятие «складки» («как сообщения между пустотой и полнотой» через линию разрыва») на некоторые элементы поэтики М.И. Цветаевой, в частности, на употребление анжабемана, разбивки тире, инверсии в порядке слов [12]. К этому перечню мы можем добавить и дефис. Все эти графические средства, активизируя свои выразительные потенции в текстах М.И. Цветаевой, образуют материальные разрядки и скопления в ткани текста, то есть складки. Создается впечатление, что словесная ткань цветаевских текстов движется словно бросками, от рывка к рывку и сохраняет ударную гармоничность: *«Вопрос о возврате в Россию – лишь частность вопроса о любви-вблизи и любви-издалека, о любви-воочию – пусть искаженного до потери лика, и о любви в духе, восстанавливающей лик. О любви-невтерпеж сплошь на уступках, и о любви нетерпящей – искажения того, что любишь»* [13, с. 619].

Дефисом М.И. Цветаева организует, моделирует многомерность пространства. На фоне узуальных компонентов текста – слов, из которых составляется ЛСО, символизирующих своей последовательностью линию как «горизонталь» (связность объектов равноправными, одноуровневыми отношениями) автор открывает выход во второе измерение – внедрение ЛСО в текст на основе иерархических отношений (вертикаль), тем самым создавая поэтику «надтекста». Это позволяет утверждать, что текст М.И. Цветаевой не плоскостной, он имеет стереометрическую, кристаллическую структуру, образуя внешне (нагромождением кристаллов) рельеф (складку).

Дефисы в составе ЛСО выполняют маркирующую функцию, сосредотачивают на ЛСО особое внимание. Графика – артикулирование фактурой, рельефом, складкой – это желание сделать выделенный элемент более выпуклым, заметным на текстологическом уровне. Таким образом, дефис выполняет еще одну функцию в составе ЛСО – он акцентирует на них внимание. В потоке слов значение некоторых важных отрезков речи «затемняется» самим текстом, его графической монотонностью. Дефис – в качестве графического маркера – расставляет акценты, выделяет из словесной массы наиболее ценные смысловые комплексы. Дефис поэтому – знак оркестровки, указания внимания.

Дефис – оформитель грамматических связей внутри ЛСО. Значение слов, составляющих ЛСО, не всегда образует единое целое. Дефис чаще всего просто теснее сближает значения слов, образует из двух (или более) слов наименование, отражающее не умножение объемов двух понятий, а складывание их. ЛСО поэтому иногда называют «семантическими сближениями», по определению М.В. Павлова [1, с. 80].

Специфика дефисной связи состоит и в том, по мнению ученого, что «дефис лишь сигнализирует о семантическом объединении слов, но сам по себе не передает этих отношений. Суммарная семантика, возникающая при сближении разных по значению слов, контекстуально обусловлена» [Там же, с. 81]. Дефис выступает как бы оформителем грамматических связей между словами (ср. с соединительной гласной О в слове *водОворот*). Соединение слов при помощи дефиса похоже на Нанизывание компонентов (в противоположность тесной смысловой спаянности), дефис может означать постепенность перехода словосочетания в слово, его «неоконченность». Таким образом, дефис актуализирует синхронный аспект «создаваемости» ЛСО в речи (в противовес заданности узуальных слов в языке). Посредством дефиса М.И. Цветаева как бы подчеркивает новизну, свежесть этих образований, нестертость их внутренней формы.

В составе ФЛСЕ дефис выполняет совершенно иные, нежели в ЛСО-сращениях, функции. Дефис является ритмико-организующим и ритмико-семантизированным началом. Манифестируя одновременно и соединение, и прерывность, М.И. Цветаева как бы «визуально» скандирует содержание ФЛСЕ, тем самым доходя до «предельного напряжения поэтической дикции» [14, с. 159]. Эти функции дефиса вытекают из особенностей устной поэтической речи, в которой интонация (первоначально особая ритуально-магическая ритмизированность) была первостепенной. Слова в речи не соединяются между собой в линейную однородную бесконечность, а образуют складки – смысловые и интонационные ступки. В тексте М.И. Цветаевой это может выглядеть так: «*Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки! / Розан-рот твой, куполок-льняной-маковочка!*» [15, с. 238] – семантизированный ритм отражает настроение, перекликается с общей темой произведения, поддерживает прославление и величание Царь-девицы.

Ритмическая организация ФЛСЕ – это глубинный семантический алгоритм, присущий заклинательному слову, материальное проявление его энергетики. М.И. Цветаева в своих произведениях утрирует эту особенность фольклора, еще большим смыслом наделяет ритмику, еще больше связывает ритм со смыслом. Это происходит посредством сцепления однокорневых слов (на *крюк-глядит-крючок*), соположения одинаковых или схожих формантов (*овчину-сбрось-личину*), структурно идентичных слов (*брык-скок-бег-лет*), аллитераций (*в свистах-в светлостях*), ассонансов (*лен-тот-нечесан*). Такие средства произносительного сочленения, когда ритмические единства дополняются фонетическим сцеплением, – примета именно цветаевского языка – довести тенденцию до максимы, развить и преобразить исходный языковой материал. Однако, прежде всего, М.И. Цветаева фиксирует обозначенную выше взаимозависимость ритма и смысла при

помощи прошивания фрагмента соединяющим дефисом. В данном случае он символизирует не объединение в графическое слово (как ЛСО), а объединение в произносительное единство – особую произносительную единицу фольклорной речи (ФЛСЕ). В ФЛСЕ словно проявляется философия фольклора: позволить протечь через тебя ритму вселенной, почувствовать и выразить всеобщий закон существования материи – пульсацию, самодвижение ткани (в том числе словесной).

Выводы

Дефис в составе ЛСО чрезвычайно нагружен семантически и выполняет множество функций: 1) порождение ЛСО; 2) иконизм; 3) усиление экспрессии; 4) перераспределение языковых масс; 5) оформление внутренних грамматических связей в ЛСО; 6) маркирование участков текста, что задает этим единицам многие художественные смыслы, 7) в составе ФЛСЕ дефис выполняет ритмически-организующую и ритмико-информативную функции.

Библиографический список:

1. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, 1985. 300 с.
2. Смирницкий А.И. К вопросу о слове: проблема «отдельности слова» // Вопросы теории и истории языка. – М.: 1952. С. 188-195.
3. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
4. Торопова М.В. Концепт «ФОРМА» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... доктора филол. наук. – Воронеж, 2000. 303 с.
5. Губин В.Д. Восприятие и проблемы адекватности образа // Вопросы философии. 1979. № 2. С. 86-95.
6. Луц С.С. Особенности взаимодействия вербального и иконического компонентов текста в комментариях к статьям в СМИ (на материале аналитических статей британских и итальянских изданий) // Известия Байкальского государственного университета. 2025. Т. 35. № 1. С. 177-185. – DOI 10.17150/2500-2759.2025.35(1).177-185.
7. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1999. 592 с.
8. Зырянова И.Н. Суггестивный потенциал синтаксических особенностей текстов экологической рекламы (на материале русского и английского языков) // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 4. С. 772-781. – DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(4).772-781.
9. Яковченко С.Б. Драматургическое начало в творчестве М.И. Цветаевой: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Вологда, 1994. 24 с.
10. Пухначев Ю.С. Число и мысль. – Вып. 4. – Четыре измерения искусства. – М.: Знание, 1981. 176 с.
11. Пруцких А.А. Принцип экономии языковых усилий и его влияние на языковое развитие // Известия Байкальского государственного университета. –2024. Т. 34. № 3. С. 553-558. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).553-558.
12. Воронина Т.Н. Барокко М.И. Цветаевой // Текст: узоры ковра. Научно-методический семинар «textus»: сб. статей. – Вып. 4. – Часть 2. – Актуальные проблемы исследования разных типов текста. – СПб. – Ставрополь, 1999. С. 49-53.
13. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. – Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 688 с.
14. Бродский И.А. О Марине Цветаевой. Об одном стихотворении // Новый мир. 1991. № 2. С. 157-180.
15. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. – Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 3. 821 с.

Reference

1. Pavlov V.M. The concept of a lexeme and the problem of relations between syntax and word formation. – L.: Nauka, 1985. 300 p.

2. Smirnitsky A.I. On the question of the word: the problem of the “separateness of the word” // Questions of the theory and history of language. – M.: 1952. P. 188-195.
3. Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect. – L.: Publishing house of Leningrad University, 1989. 264 p.
4. Toropova M.V. The concept of “FORM” in the semantic space of language (based on the Russian and German languages): Dis. .... Doctor of Philosophy. – Voronezh, 2000. 303 p.
5. Gubin V.D. Perception and problems of image adequacy // Questions of Philosophy. 1979. № 2. P. 86-95.
6. Luts S.S. Features of the interaction of the verbal and iconic components of the text in comments to articles in the media (based on analytical articles in British and Italian publications) // Bulletin of the Baikal State University. 2025. Vol. 35. № 1. P. 177-185. – DOI 10.17150/2500 2759.2025.35(1).177-185.
7. Tsvetaeva M.I. Unpublished. Summary Notebooks. – Moscow: Ellis Luck, 1999. 592 p.
8. Zyryanova I.N. Suggestive potential of syntactic features of environmental advertising texts (based on Russian and English languages) // Bulletin of the Baikal State University. 2023. Vol. 33. № 4. P. 772-781. – DOI 10.17150/2500 2759.2023.33(4).772-781.
9. Yakovchenko SB Dramatic principle in the works of M.I. Tsvetaeva: Abstract of Cand. Philological Sciences Dissertation. – Vologda, 1994. 24 p.
10. Pukhnachev Yu.S. Number and Thought. – Issue 4. – Four dimensions of art. – Moscow: Knowledge, 1981. 176 p.
11. Prutsikh AA The principle of economy of linguistic efforts and its influence on language development // Bulletin of the Baikal State University. –2024. Vol. 34. № 3. P. 553-558. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).553-558.
12. Voronina T.N. Baroque by M.I. Tsvetaeva // Text: carpet patterns. Scientific and methodological seminar “textus”: collection of articles. – Issue 4. – Part 2. – Actual problems of studying different types of text. – St. Petersburg. – Stavropol, 1999. P. 49-53.
13. Tsvetaeva M.I. Collected Works in Seven Volumes. – Moscow: Ellis Luck, 1994. Vol. 4. 688 p.
14. Brodsky I.A. About Marina Tsvetaeva. About one poem // Novy Mir. 1991. № 2. P. 157-180.
15. Tsvetaeva M.I. Collected works in seven volumes. – Moscow: Ellis Luck, 1994. Vol. 3. 821 p.

Сапата Руис Т.А.

Старший преподаватель. КИЯ ФГСН Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Лексические особенности испанского языка в Венесуэле*

Аннотация. В данной статье рассматривается важность национальных вариантов испанского языка как отражения культурной специфики испаноговорящих стран Латинской Америки и сохранения его лексического многообразия.

Ключевые слова: национальный вариант испанского языка, местный диалект, народный язык, взаимодействие и обогащение культур, забота о языке.

Zapata Ruiz T.A.

Senior Lecturer. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Lexical Features of the Spanish Language in Venezuela

Abstract. This article examines the importance of national varieties of the Spanish language as a reflection of the cultural specificity of the Spanish-speaking countries of Latin America and the preservation of its lexical diversity.

Key words: national variety of the Spanish language, local dialect, vernacular, interaction and enrichment of cultures, care for language.

Начиная с 2010 года, когда Организация Объединённых Наций предложила учредить праздники для каждого из шести официальных языков ООН, 23 апреля испаноговорящие люди по традиции отмечают День испанского языка. Цель этого дня - познакомить мир с богатством языка, его историей, культурой и теми, кто на нем говорит. Выбор этого дня для столь грандиозного празднования не случаен, это дата смерти человека, которого считают отцом языка и великим гением испанской литературы: Мигеля де Сервантеса Сааведры. По данным ООН, испанский язык является вторым

---

* © Сапата Руис Т.А., 2025.

по распространенности языком в мире среди коренного населения и третьим по распространенности языком в мире, более 500 миллионов жителей планеты считают его своим родным языком. География испаноговорящих простирается от Пиренейского полуострова до Америки, Африки и Азии.

Если в Испании население в настоящее время оценивается примерно в 49 миллионов человек, то в 19 странах Латинской Америки проживает около 670 миллионов человек. Политическая, экономическая и культурная значимость латиноамериканского континента в контексте глобализированного мира становится все более заметной.

Выступая на всемирном конгрессе испанского языка известный перуанский писатель, лауреат Нобелевской премии Марио Варгас Льюса в своей речи сказал о необходимости защищать и беречь родной язык, но и не закрываться от других от иностранных языков, чтобы обогащаться ими, так же как они обогащаются от нас». Возможно поэтому несмотря на огромную территорию его распространения, на определенные отличия в употреблении некоторых языковых средств, испанский язык остается понятным при общении его носителей из разных испаноязычных стран.

В независимости от того что Испанию и латиноамериканские страны объединяет языковое и культурное единство, современные лингвисты считают особенно важным изучение латиноамериканских национальных вариантов испанского языка. Известный русский ученый Г. Степанов определяет национальные варианты как такие формы национальной речи, которые не имеют резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, которая поддерживается и осознается в пределах каждой национальной общности [Степанов Г.В, 2022, с. 194]. В этой связи следует обратить внимание на испанский язык в Венесуэле - стране, которую знаменитый кубинский писатель Алехо Карпентьер назвал уникальной из-за богатства пейзажей, красок, этносов и истории, своего рода миниатюрой которая отражает весь американский континент. Смешение культур, разнообразие политических и исторических влияний создали очень особенный вариант испанского языка в этой стране.

Испанский язык попал в Венесуэлу с испанским завоеванием, которое началось в первые годы XVI века. Большинство испанцев были выходцами из регионов Андалусии и Эстремадуры, принесли с собой свой акцент и особенности речи. Другая группа прибыла с Канарских островов, значительно удаленных от Пиренейского полуострова, и поэтому характеризовалась важными диалектными различиями.

Говоря о современном испанском языке, в Венесуэле можно выделить следующие моменты:

1. Особенности произношения
2. Семантическое влияние индейцев - коренных народов Америки

3.Существование социокультурных явлений, традиций, обрядов и обычаев, которые имеют свои собственные названия

4.Влияние английского языка

5.Влияние революционного процесса последних 20 лет и появление новых политических терминов.

Самое популярное слово, которое встречается в речи венесуэльцев это без сомнения «chévere». Оно означает все, что является хорошим - настроение, погоду, еду, приятную внешность, доброжелательное обращение и т.д. Оно настолько характерно для Венесуэлы, что, встречая венесуэльца даже за пределами его страны, ему обычно задают вопрос: «¿Qué tal, todo chévere?» (Как дела, всё хорошо?). На самом деле, это слово является неологизмом, происходящим из африканского языка, который был привнесен в Венесуэлу в начале XIX века африканскими иммигрантами из Нигерии. В настоящее время это слово принято Королевской академией испанского языка и распространено в испаноязычной Америке. Известный венесуэльский академик Анхель Розенблат в своей книге «Хорошие и плохие слова» пишет: «Путешественник, прибывающий на земли Венесуэлы с багажом «официального» испанского языка, может столкнуться с множеством сюрпризов. Его автомобиль опускается до скромной категории «сагго», и если это может его раздражать, он утешится, когда, лопнувшая шина не заставит его обращаться к врачу - всегда опасное испытание - а к своей запасной «трипа» или к «parcho» (или «palcho»). И если вы не автомобилист, а домохозяйка, и вам нужно пойти на рынок, ваши мучения могут быть очень серьезными. Чтобы купить мясо, вам придется обратиться к «pesa» и «pesero» или «pesador», потому что такие слова, как «carnicería» и «carnicero», кажутся излишне грубыми. Вы увидите, что сельдерей - это не «арю», а местный клубень, и если вы настаиваете на том, чтобы получить сельдерей для ароматизации супов, вам придется воспользоваться своими знаниями французского или английского и попросить «celerí». Если вы хотите бобы или фасоль, это кечуанское название (распространенное вплоть до Аргентины), вам придется довольствоваться черными «caraotas», которые являются основой одного из самых вкусных креольских блюд. А если вы хотите тыкву, вам придется попросить «aullama. Вам также предложат okimo и ñame, чтобы вы могли приготовить вкусный венесуэльский «sancocho», грозного соперника аргентинского «puchero» и испанского «cocido». Это введение в венесуэльскую реальность открывает нам путь к изучению богатого и оригинального словарного запаса испанского языка в Венесуэле. Так, например, «morochas» - это сестры-близнецы; выражение «el invierno está muy recio» означает, что в сезон дождей выпадает много осадков (поскольку в Венесуэле нет зимы); «un palo de agua» — это сильный ливень; «voltear la esquina» означает повернуть за угол, и так далее. Трудно недооце-

нить влияние индейских языков на испанский язык в Венесуэле. Каждый регион Америки имеет свои собственные названия для флоры и фауны, кухонной посуды, одежды. Многие венесуэльские слова в испанском языке происходят от карибских индейцев, что также характерно для соседних стран, таких как Колумбия, Куба или Эквадор. Среди них можно назвать «yuca», «cazabe», «arepa», «cabuya», «саоба», «bucare», «caimito», «anón», «jején», «cocuyo», «acure», «guabina», «carite», «caimán», «tiburón», «colibrí», «morrocoyu», «guacamaya» и многие другие. Разные регионы Венесуэлы отличаются друг от друга в языковом плане. Например, банан в Каракасе называется «cambur», а «merengada de cambur» - это не что иное, как коктейль из банана с молоком. В то же время «plátano» - это овощной банан, который едят жареным или запеченным. В Андах тот же фрукт называют «guinea». Еще один фрукт, который отличает венесуэльцев, - это авокадо. Это название имеет мексиканское происхождение (в странах Южной Америки его называют «palta», что происходит из Перу). В Андах его называют «cura». Важно отметить, что в Венесуэле существуют различные монеты, такие как «puyas», «lochas», «medios», «reales», «bolívares» и «pesos» или «fuertes». Так, если у вас просят 25 центов, это означает один боливар и 25 центов. Типичные венесуэльские блюда – это «hallaca» (эмпанада, приготовленная из кукурузной муки с начинкой); «carne mechada» и «ripiada de chiguire» (маленькое животное из венесуэльских равнин); названия типичных десертов равнин, таких как «melcochosa», «coquitos», «dulces de durazno», «arañitas de lechosa», «cachapas» и другие.

История, традиции и обычаи венесуэльских льянерос отражены в словах, таких как «colector» (укротитель лошадей), типичные песни этого региона, которые называются «rancheras» и «llaneras». Интересна история выражения «Llegó Pacheco». Это классическая фраза жителей Каракаса и некоторых районов центрального региона, связанная с Рождеством и началом холодов в конце года. Имя «Pacheco» происходит от цветовода, который, согласно традиции, жил на холме Эль-Авила, горном хребте, отделяющем климат Каракаса от климата северного побережья. Каждый декабрь сеньор Пачеко приходил на площадь Боливара в Каракасе, спасаясь от холода в своем поселке Галипан в горах Авила. Пачеко приходил в Каракас, продавал цветы и отдыхал после трудного пути. Таким образом, люди начали ассоциировать его приход с самым холодным временем года, с ноября по январь. Жители Каракаса, видя этого человека, восклицали: «Вот идет Пачеко», «Спустился Пачеко» или «Пришел Пачеко», так они понимали, что температура в горах падает, и через несколько дней похолодает и в Каракасе. Что касается фонетики испанского языка в Венесуэле, разные регионы страны отличаются произношением и морфологией. В целом, по словам Анхеля Розенблата, можно выделить два региона: высокогорье и

низменности. В низменностях Венесуэлы (Каракас, центральный регион, побережье, равнины) смягчают согласные, аспирируют или «проглатывают» звук «s» например, «losj hombrej», «laj ocho», «lo fósforo» и т.д.), ослабляют или теряют «d» между гласными («toíto», «veníó», «una bofetá» и т.д.), теряют конечную «r» («voy a comé» и т.д.), путают «r» и «l» («señol», «sordao» и т.д.), слабо произносят конечную «n» в словах («corazón» и т.д.). Следует также отметить различия в формах обращения в этих двух крупных зонах Венесуэлы. В Андах до сих пор можно услышать «su merced». Житель Анд обращается на «usted» или «vuste» даже к своей жене, детям или братьям (а когда сердится, использует «vos»). В то время как житель Каракаса, восточных регионов или равнин обращается на «tú» ко всем. В целом в Венесуэле, особенно в последние годы революционного процесса, существует приятная простота в общении. Рукопожатия почти не используются: люди обнимаются или хлопают друг друга по плечу. Венесуэлец, как говорит Анхель Розенблат, «в целом, враг всякой помпезности», за исключением публичных мероприятий, посвященных лидерам страны или историческим датам. Еще одной характерной чертой является сильное влияние английского языка, точнее его североамериканского варианта. Это касается прежде всего спорта (термины бейсбола, или «pelota» в Венесуэле), такие как «catcher», «pincher», «jonrón», «strike», «doble play», «score», «centerfield», «inning», «short-stop» и т.д. Также это касается мира бизнеса, начиная с «chequear», или нефтяной промышленности, которая на протяжении многих лет находилась в руках североамериканских управляющих. Даже в повседневной жизни наблюдается наплыв англицизмов, таких как: «hall», «living», «pantry», «clóset», «seibó», «estor». Существуют также замаскированные англицизмы, например, «plumas fuentes», «fuentes de soda» или «perros calientes», известное «okey» и «picoteo» (от «pick up»). Революционный процесс, начавшийся в Венесуэле около двадцати лет назад приходом к власти Уго Чавеса, породил новые термины. Страна изменила свое официальное название и теперь называется Боливарианская Республика Венесуэла, Конституция также является боливарианской, левое движение - боливарианским, последователи Чавеса - чавистами, которые носят красные футболки («franelas») и красные береты. Выступая на Конгрессе испанского языка в Панаме представитель Венесуэлы Рафаэль Каденас говорил о слове «bochinche», которое стало очень популярным в последние годы в Венесуэле. Он объясняет, что это не совсем венесуэлизм, но это «слово американского происхождения», согласно «Историческому словарю испанского языка в Венесуэле», и добавляет, что это «одно из самых выразительных слов испанского языка». Изначально оно имело значение шумной вечеринки, затем стало означать беспорядок, шум, tumult, а позже перешло в политическую сферу. Франсиско де Миранда сделал его знаменитым, когда,

потерпев поражение в начале войны за независимость, воскликнул о своих войсках: «Bochinche, bochinche, esta gente no es capaz sino de bochinche» («Шум, шум, эти люди способны только на шум»). А «bochinchero» применяется к тому, кто безответственен и несерьезен. Анхель Розенблат в своей книге «Хорошие и плохие слова» отмечает: «Тот, кто изучает испанский только по словарям и грамматикам, может столкнуться с сюрпризами. Но тот, кто знаком с разговорным и народным языком других частей Америки или с испанским языком, на котором говорят в Мадриде или Севилье, почувствует себя как дома. Потому что в Венесуэле говорят на достойной разновидности испанского языка. На каждом шагу в разговорной речи поражает необычайное богатство оборотов, остроумных сравнений, красочных и метафорических выражений, словесная образность, обилие оттенков. А пресса и литература в целом представляют испанский язык, который может сравниться по достоинству и красоте с языком любой другой страны Америки».

Каждый латиноамериканский диалект имеет свой национальный колорит, богатство этих диалектов – это напоминание о том что языковое разнообразие – это сокровище, которое нужно ценить и сохранять.

Библиографический список:

1. Ángel Rosenblat, Buenas y malas palabras en el castellano de Venezuela. Prólogo de Mariano Picón-Salas. Ediciones Edime, Caracas-Madrid, 1956. 488 p.
2. Степанов Г.В. «Испанский язык в странах Латинской Америки», 2022.

Reference

1. Angel Rosenblat, Good and Bad Languages in Venezuelan Castellano. Prologue of Mariano Picón-Salas. Edited by Edime, Caracas-Madrid, 1956. 488 p.
2. Stepanov G.V. "Spanish Language in Latin American Countries", 2022.

Синкина А.В.

Ассистент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Шаламова О.О.

Кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Смешанное обучение как способ развития иноязычной речевой компетенции среди студентов языкового ВУЗа*

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования смешанного обучения, являющимся объектом данного исследования, для формирования иноязычной речевой компетенции у студентов языкового вуза. В качестве цели данного исследования авторами анализируются некоторые модели смешанного обучения с точки зрения их эффективности в формировании иноязычной речевой компетенции у студентов языкового вуза и выявляется наиболее эффективная из них для реализации этой задачи. Авторами рассматриваются недостатки обучения в формате онлайн и приводятся доводы в пользу использования смешанного обучения в современных реалиях образования, а также обосновывается вывод о выделении модели Перевернутого класса как о наиболее эффективной в применении на занятиях по иностранному языку для развития иноязычной речевой компетенции в рамках вуза, что, в свою очередь, является новизной данного исследования.

Ключевые слова: иноязычная речевая компетенция, онлайн-обучение, смешанное обучение, модели смешанного обучения, Перевернутый класс.

Sinkina A.V.

Assistant. FSBEI HE "Pacific National University", Khabarovsk.

Shalamova O.O.

PhD of Pedagogic Sciences, Assistant professor. Pacific National University, Khabarovsk.

Blended learning as the way of developing foreign language speech competence among students of Language University

Abstract. The article is dedicated to the problem of using blended learning, which is the object of this study, for formation of foreign language speech competence among students of a language university. As the aim of the study, the authors analyze some of the models of blended learning in terms of their effectiveness in formation of foreign language speech competence among students of a language university and the most effective one of them for realization of this task is revealed. The authors consider the disadvantages of learning in online format and the arguments in favor of using blended learning in modern realities of education are given. Also, the conclusion about the selection of the Flipped Classroom model as the most effective in application at foreign language classes for developing foreign language speech competence within university is substantiated, that, in turn, is the novelty of this study.

Key words: foreign language speech competence, online learning, blended learning, models of blended learning, the Flipped Classroom.

В современных реалиях получения образования знание иностранного языка является неотъемлемым условием успешности выпускников вузов на рынке труда. В свою очередь, вузы, готовящие студентов по лингвистическим направлениям, одной из приоритетных задач ставят формирование иноязычной коммуникативной компетенции, реализация которой отражена в ФГОС от 2020 г [7]. Так, среди перечня универсальных компетенций упоминается УК-4: способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах). Кроме того, данная компетенция отражена в общепрофессиональной компетенции ОПК-4: способен осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и профессиональной сферах общения [7].

Одним из компонентов иноязычной коммуникативной компетенции является речевая компетенция – способность порождать и варьировать иноязычную речь и коммуникативно корректно интерпретировать содержание аутентичной речи на иностранном языке [4]. Иноязычная речевая компетенция предполагает владение четырьмя видами речевой деятельности (чтение, аудирование, письмо, говорение).

Тем не менее, на сегодняшний день далеко не все студенты вузов овладевают данной компетенцией в полной мере при выпуске из университета. Подтверждением этому является исследование, проведенное НИУ «Выс-

шая школа экономики», согласно которому лишь 7% выпускников российских вузов владеют иностранным языком на высоком уровне и могут свободно на нем общаться [8].

На данный результат влияет большое количество факторов – от внутренней мотивации и трудолюбия студентов до эффективности форм и методов работы преподавателя. Важно отметить, что в современной системе высшего образования широко применяются информационно-коммуникационные технологии, которые призваны не только облегчить работу студентов и преподавателей, но и увеличить долю самостоятельной работы обучающихся согласно требованиям ФГОС нового поколения [2, с. 76] и в целом сделать процесс обучения более гибким.

Однако среди исследователей и методистов вопрос использования информационно-коммуникационных технологий является весьма дискуссионным. В особенности это касается онлайн-формата обучения. Онлайн-обучение – это интерактивная организация образовательной деятельности, полностью происходящая с использованием информационно-коммуникационных технологий и Интернета через электронную информационно-образовательную среду либо вне ее и отражающая присущие учебному процессу компоненты (цель, методы, содержание обучения, формы организации и контроля и т. д.).

Действительно, анализируя онлайн-обучение в контексте формирования иноязычной речевой компетенции у студентов, можно выделить несколько факторов, негативно влияющих на итоговое качество владения иностранным языком.

В первую очередь, это отсутствие живого общения студентов с преподавателем и друг с другом, а также дефицит личной обратной связи от преподавателя. Как отмечают некоторые исследователи, многие студенты, обучающиеся онлайн в период пандемии Covid-19, негативно оценили качество онлайн-обучения именно из-за недостатка или отсутствия обратной связи от преподавателя [5, с. 121]. Отмечается, что на данный недостаток онлайн указывают 87% опрошенных студентов [1, с. 508].

Кроме этого, к негативным факторам относится и наличие самой видеосвязи: многие студенты избегают возможности говорить на иностранном языке в силу непривычности данного формата – они могут ощущать психологический дискомфорт в силу того, что не привыкли видеть себя на видеоэкране, а также переживать из-за того, как они звучат со стороны.

Безусловно, для онлайн-обучения характерен и такой недостаток, как технические сбои в работе оборудования – прерывание интернет-соединения, неполадки со звуком, качеством изображения и т. д. Особенно это касается занятий, проводимых в режиме реального времени, к примеру, через платформу Zoom – именно посредством такого формата представ-

ляется возможным проведение занятий, направленных на формирование у студентов навыков устной коммуникации.

Несомненно, что при должной подготовке со стороны преподавателя и учащихся вполне возможно свести к минимуму или даже полностью ликвидировать все перечисленные недостатки онлайн-формата. Однако очевиден тот факт, что при всей инновационности и гибкости онлайн-обучение имеет достаточно много оговорок в контексте своего применения. В то же время, учитывая те направления, которые являются приоритетными в рамках модернизации российского образования, среди которых находятся и информатизация, и создание новой образовательной среды на основе ИКТ-технологий, не вызывает сомнений и то, что все эти направления не могут быть реализованы в рамках одного лишь традиционного очного обучения [2, с. 76]. В связи с этим возникает проблема поиска такого образовательного формата, при котором все негативные стороны офлайн- и онлайн-моделей были бы нивелированы, а их преимущества, наоборот, использованы с максимальной эффективностью для формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Решением этой задачи может стать смешанный формат обучения, который в последние годы набирает популярность как в российском образовании, так и за рубежом.

Смешанное обучение – это форма обучения, совмещающая традиционное обучение в ходе личного общения лицом к лицу (face to face) с обучением посредством применения компьютерных технологий [6, с. 5]. Данный формат стимулирует студентов на самостоятельную работу и расширяет возможности преподавателя в использовании аутентичных материалов для овладения студентами иноязычной речевой компетенцией (гиперссылки на иноязычные ресурсы, интерактивные презентации, инфографика и т. д.), что делает процесс обучения более эффективным и гибким.

В настоящее время одним из наиболее авторитетных экспертных сообществ в области изучения смешанного обучения, институтом Клейтона Кристенсена, разработано более 40 моделей внедрения смешанного обучения в учебный процесс [9]. Однако важно отметить, что выбор модели для занятия должен быть обусловлен его целью и характеристикой учебной группы (уровень подготовки, мотивации, самоорганизации) [3, с. 225]. В данном исследовании мы ограничимся анализом лишь нескольких самых распространенных моделей смешанного обучения с точки зрения их соответствия возрастным особенностям студентов вуза и эффективности в формировании иноязычной речевой компетенции.

При обучении в вузе достаточно большую долю учебного времени у студентов составляет самостоятельная работа. Среди разработанных моделей смешанного обучения для анализа были отобраны те, в которых доля самостоятельной дистанционной работы является основной. К таковым отно-

сятся модель Перевернутого класса, Гибкая модель и Обогащенная Виртуальная модель.

Одной из самых распространенных и простых во внедрении в учебный процесс моделей смешанного обучения является модель «Перевернутый класс» (The Flipped Classroom Model). В рамках данной модели происходит смена ролей студентов в аудитории и дома: в качестве домашней работы они изучают материал самостоятельно, используя цифровые гаджеты и Интернет, а на очном занятии в аудитории происходит обсуждение и закрепление изученного материала. Это может проводиться в виде семинарских занятий, проектов или дискуссий [9].

Модель Перевернутого класса хороша тем, что позволяет оптимизировать учебный процесс: преподаватель не тратит время на объяснение нового учебного материала на занятии, а сразу переходит к интерактивному взаимодействию со студентами. Однако одним из условий успешной реализации данной модели является высокий уровень самоорганизации студентов: для интерактивной работы на занятии они должны предварительно изучить материал дома. Кроме этого, данная модель, хотя и экономит время преподавателя на занятии, требует временных затрат на этапе подготовки учебных материалов, с которыми планируется выстроить работу студентов вне аудитории.

Если рассматривать модель «Перевернутый класс» в контексте формирования иноязычной речевой компетенции, то можно отметить, что для внеаудиторной работы студентам целесообразно давать письменные задания различного вида, целью которых будет изучение и закрепление новой лексики и грамматики по изучаемой теме – чтение и перевод иноязычных текстов, упражнения на составление предложений и т. д. Тогда во время работы в классе студенты будут способны на интерактивное взаимодействие, поскольку у них будет база, при помощи которой они смогут учиться осуществлять коммуникативные акты. Поэтому можно сделать вывод о том, что модель «Перевернутый класс» будет способствовать эффективному формированию иноязычной речевой компетенции у студентов при соблюдении двух условий: высокий уровень самоорганизации студентов и качественная подготовка материалов со стороны преподавателя.

Еще одной моделью, имеющей потенциал для работы со студентами, является Гибкая модель (Flex). Дистанционный компонент в ней является ведущим – студенты работают преимущественно удаленно и самостоятельно выбирают темп, график обучения, а иногда и задания для освоения учебного материала. Преподаватель в этой модели выступает в роли консультанта, взаимодействуя с учащимися индивидуально, в парах или мини-группах, передавая таким образом студентам большую часть контроля за учебным процессом [9]. Данная модель, как и модель Перевернутого класса, пред-

полагает высокий уровень самоорганизации студентов, поэтому подходит преимущественно взрослым учащимся.

Для формирования иноязычной речевой компетенции Гибкая модель соответствует лишь частично, поскольку студенты, работая большую часть времени удаленно, не имеют возможности часто видеться друг с другом для решения устных коммуникативных задач. В данной модели весьма эффективным представляется формирование и совершенствование навыков письменной коммуникации, которая является одним из компонентов иноязычной речевой компетенции. Для устного же взаимодействия face to face одного онлайн-компонента, очевидно, недостаточно. Кроме того, студенты, имея больший контроль над учебным процессом, могут неверно распределить свое время и выбрать не соответствующие целям курса задания, что также не будет способствовать развитию навыков иноязычной речи. Исходя из этого, можно заключить, что Гибкая модель имеет ограниченное соответствие цели формирования иноязычной речевой компетенции у студентов вуза.

Также, отдельно стоит выделить такую модель смешанного обучения, как «Обогащенная Виртуальная модель» (Enriched Virtual model). Ее суть заключается в том, что студенты, как и в Гибкой модели, работают преимущественно дистанционно и посещают очные занятия с преподавателем по заранее определенному расписанию. Данная схема напоминает модель Перевернутого класса, но отличие состоит в том, что в Обогащенной Виртуальной модели не требуется обязательного посещения аудиторных занятий каждый день – достаточно 2-3 раз в неделю [9]. Данная модель подойдет взрослым обучающимся, студентам, но, как и в случае с вышеописанными моделями, требуется высокий уровень самоорганизации.

В рамках формирования иноязычной речевой компетенции у студентов языкового вуза возможно применение Обогащенной виртуальной модели, однако в данном случае преподавателю необходимо планировать занятия так, чтобы при очных встречах основная часть учебного времени отводилась на устную коммуникацию студентов друг с другом и с преподавателем. Такая модель отлично подойдет для изучения второго иностранного языка, поскольку на его изучение закладывается меньшее количество часов, чем на первый иностранный язык, для которого данная модель может быть не такой эффективной в связи с большей потребностью студентов в устной речевой практике.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В свете изменяющихся требований к нормам использования информационно-коммуникационных технологий при изучении иностранного языка возникает проблема их гармоничного интегрирования в образовательный процесс. Смешанное обучение, соединяя в себе сильные стороны

онлайн- и офлайн-обучения, является эффективным способом в решении этой задачи, однако конечный результат зависит в том числе и от выбранной модели. Наиболее подходящей моделью смешанного обучения для формирования речевой компетенции у студентов языкового вуза является модель Перевернутого класса при должном уровне самоорганизации студентов и подготовки материалов, адаптированных под дистанционный формат.

Библиографический список:

1. Абабкова М.Ю. Психологические аспекты онлайн обучения // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXV международной научной и учебно-практ. конф. – Санкт-Петербург. 2021. Ч. 1. С. 505-511. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=axsdzd> (Дата обращения: 3.04.2025).
2. Баканова И.Г. Формирование коммуникативной компетентности студентов технических специальностей на основе модели смешанного обучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 75-81. // URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27215659_71608254.pdf (Дата обращения: 5.04.2025).
3. Макарова Е.В. Модели смешанного обучения в подготовке студентов языкового вуза // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 222-230. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-19.
4. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. 238 с.
5. Сороколетова А.В. «Онлайн» против «офлайн» в период пандемии Covid-19 (из опыта применения онлайн-обучения в вузе) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 118-123. // URL: <http://doi.org/10.24158/spp.2021.12.16>
6. Graham Ch.R., Bonk Curtis J. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / Ch.R. Graham, Curtis J. Bonk. – John Wiley & Sons, Inc. Pfeiffer. 2006. 624 p.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования: официальный сайт. // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> (Дата обращения: 10.04.2025).
8. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. // URL: <https://memo.hse.ru/news/788663680.html> (Дата обращения: 13.04.2025).
9. Институт Клейтона Кристенсена: официальный сайт. // URL: <https://www.blendedlearning.org/models/> (Дата обращения: 12.04.2025).

Reference

1. Ababkova M.Yu. Psychological aspects of online learning // Systems analysis in design and management: collection of scientific papers of the XXV international scientific and educational-practical. conf. - St. Petersburg. 2021. Part 1. P. 505-511. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=axsdzd> (04.03.2025).
2. Bakanova I.G. Formation of communicative competence of students of technical specialties based on the blended learning model // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2016. № 1. P. 75-81. // URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27215659_71608254.pdf (04.05.2025).
3. Makarova E.V. Models of blended learning in the preparation of students of a language university // Philological class. 2021. Vol. 26. № 3. P. 222-230. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-19.
4. Safonova V.V. Study of languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations / V.V. Safonova. – Voronezh: Istoki, 1996. 238 p.
5. Sorokoletova A.V. "Online" versus "offline" during the Covid-19 pandemic (from the experience of using online learning at a university) // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. № 12. P. 118-123. // URL: <http://doi.org/10.24158/spp.2021.12.16>
6. Graham Ch.R., Bonk Curtis J. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / Ch.R. Graham, Curtis J. Bonk. - John Wiley & Sons, Inc. Pfeiffer. 2006. 624 p.
7. Federal state educational standard of higher education: official website. // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> (10.04.2025).
8. National Research University Higher School of Economics: official website. // URL: <https://memo.hse.ru/news/788663680.html> (13.04.2025).
9. Clayton Christensen Institute: official website. // URL: <https://www.blendedlearning.org/models/> (12.04.2025).

Чжан Мо

Аспирант. Дальневосточный федеральный университет.

Философское происхождение семантической категории «каузативности» и её родовой категории «причинность» в русском и китайском языках: общее и различия*

Аннотация. Для сопоставительного анализа разных языков важнее всего является правильный выбор инварианта, что позволило бы успешно проводить всё дальнейший анализ. Такого особенно трудно найти именно при сопоставлении таких существенно различающихся по структурированию языков как русский и китайский. Семантическая категория в таком случае представляет собой заметно удобнее вариант в сравнении с каким-нибудь грамматическим (формальным) – ведь языки как инструмент человека передать мысль на основе его наблюдения мира, содержание должны быть идентичны друг другу по тому, что объект наблюдения – реальный материальный мир один и тот же. Но несмотря на то, что объект языков является идентичным, воспринимания и обобщения его расходятся по внутренним различиям мышления и ментальностей разных людей, в связи с чем процесс и результат абстракции какого-либо отношения или явления тоже будут более или менее отличаться друг от друга. В следствие этого, во-первых, стали бы мелкие различия при интерпретации и определении какой-то семантической или концептуальной модели, и такие различия наиболее очевидно именно в таком понятии как причинность, так как такое не является материальным и осязаемым в самом деле, а нечто абстрактное, выделение чего в некоей степени уже не полностью принадлежит реальному миру; и во-вторых, в зависимости от мировоззрения у разных языков также будут разные свои предпочтения (экспликации либо импликации каких-то определённых элементов) при выражении даже одной и той же семантической категории.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, семантическая категория, причинность, инвариант, русский язык, китайский язык, картина мира, абстракция.

Zhang Mo

PhD student. Far Eastern Federal University.

The philosophical origins of the semantic category of “causativity” and its generic category “causality” in Russian and Chinese: commonalities and differences

---

* © Чжан Мо, 2025.

Abstract. For a comparative analysis of different languages, the correct choice of an invariant is of primary importance, as it enables a coherent and consistent analysis. This task becomes particularly challenging when comparing languages that differ significantly in their structure, such as Russian and Chinese. In such cases, the semantic category proves to be a more practical choice than a grammatical (formal) one. Since languages serve as tools for expressing human thought based on the observation of the world, they should, in essence, convey the same meanings—after all, the object of observation, the material world, remains the same. However, even though the object of language is identical, the perception and generalization of this object differ due to internal variations in thinking and mentality among people. As a result, the process and outcome of abstracting a particular relation or phenomenon will inevitably differ. Consequently, (1) minor discrepancies arise in interpreting and defining a given semantic or conceptual model—particularly evident in the concept of causality, as it is abstract and intangible, and thus not entirely grounded in the material world; and (2) depending on the worldview encoded in a language, there will be differences in preferences (such as explicating or implicating certain elements) even when expressing the same semantic category.

Key words: comparative linguistics, semantic category, causality, invariant, Russian language, Chinese language, worldview, abstraction.

Причинность с первого взгляда предполагает ничего кроме такого типичного порождающего отношения: нечто «А» (причина) является причинной, по чему другой нечто «Б» (результат) имело бы место. И тогда бесспорен тот факт, что причинность – необходимая концепция в логическом анализе любого вопроса, так как именно эта «причинная связь» подразумевает существование начальной точки («начала») для логического анализа. Кроме того, определена и универсальность такая категория в языке как причинно-следственное отношение, так как без не имело бы никакое явление, которое не привело бы к какому-то следствию каким бы ни образом. Тогда именно данное отношение, по Ю.В. Баклагове [2], фиксирует «закрепление в языке важнейшей ступени человеческого мышления – логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению, умозаключению». И концепт «причины» при этом представляет собой весьма активно изучаемый предмет в логическом анализе языка.

Так, причинность в философски-семантическом исследовании также занимает весьма важную позицию как один из способов определения истинности/ложности предложения. Причинность в таком случае рассматривается Н.Д. Арутюновой как важное качество языкового выражения, какое представляет собой «истинное». Если предложение сообщает о реальности так, чтобы сообщаемый фрагмент получил такое представление, которое представляется возможно поставленным обратно в ту же событийную цепь по своей причинной связи с другими фрагментами, из которой сообщаемый был выделен как объект речи [1, с. 164-167]. Ведь как сказано выше,

нет ничего объективно существует просто так, без никакой причины. При этом, тоже невозможно то, что нечто смогло бы произойти и закончиться прямо так, не причиняя никакого за собой следствия. Такое мнение проявляется наиболее ярко в классическом китайском философском мышлении (подробно см. позже).

Ю.С. Степанов [14, с. 5], соединяя и выработывая работы учёных, выделил в своей работе следующие типы концепта причинности:

1) Вещь как причина вещи; 2) Вещь как причина события; 3) Свойство как причина события; 4) Свойство как причина свойства; 5) Состояние как причина состояния; 6) Событие как причина события; 7) Факт как причина события.

Среди вышеупомянутых вариантов именно типы 6) и 7) представляет собой достаточно характерные и наиболее соответствует концепту так называемого прототипической (что касается прототипичности рассмотрим подробно позже) причинности в нашем понимании. А в других типах причинная связь представлена все в некой степени слишком мутной и обобщённой для чисто «языкового» исследования, тем более и для сопоставительной работы. (Напр.: тип 1) предполагает такое отношение как «Отец – причина, по чему стал сын.») [14, с. 5-7]. При этом появился тогда вопрос о том, какой из типов 6) и 7), двух достаточно близко, почти одинаковых концепций представляет более присущее характеризование данного отношения.

Для выяснения заданного выше вопроса нужно прежде всего различить некоторые фундаментальные в философском и семантическом анализе понятия – «факт», «событие» и «пропозиция». «Событие» представляется достаточно понятным в сравнении с другими двумя понятиями – слово здесь относится прямо к объективной реальности, т.е. какой-то определённый фрагмент из внешнего мира. Понятие факта в лингвистическом исследовании как общепринято рассматривается как демонстрация отношения выражения к реальной действительности. Или согласно З. Вендлеру, факт в изучении языкового отражения мира должен рассматриваться как результат того, что существующее в реальном мире нечто подвергается номинации человека языковым средством, и когда что-то действительно получилось в языковой системе, насколько бы ни была пряма и примитивна эта единица выражения, она уже не является тем же фрагментом, а достижением человеческой деятельности. (Кстати, такое мнение давно уже известно классической китайской философии. Достаточно ясное выявление можно наблюдать в известной цитате Лао-цзы «道德经»: «道可道, 非常道; 名可名, 非常名.» (Буквально: Закономерность рассказываема, но беспрерменно не рассказана; Имени именуется, но беспрерменно не именуемы.)

А пропозиция, в сравнении с «фактом» представлено гораздо яснее. Н.Д. Арутюнова [1, с.163], сопоставляя с ней факт, замечает, что два понятия, одинаково указывая соотношение сообщаемого языковым средством

содержания с объективным в мире фрагментом, различаются тем, что факт определяется своей экстенциональной эквивалентностью, тогда как пропозиция – интенциональной. Другим словом, когда речь идёт о факте, то попытка в определении и совпадении сообщаемого с внешним объективным миром, т.е. каковым должен являться объективный мир, а пропозиция – с онтологическим, т.е. каким рассматривает говорящий сообщаемый фрагмент в объективном мире.

Таким образом, чётко наблюдается, что существенно отличаются заданные Ю.С. Степановым два варианта концепции – одна из них предполагает абсолютную объективность существования в мире такого отношения, а другая утверждает, что оно ан самом деле тоже является неким результатом познания человеком реального внешнего мира.

Из этого следует одна из существенных разниц между чисто «философским» и «лингвистическим» рассмотрением над понятием причинности. Ведь в реальном мире все существующие и происходящие как-нибудь обязательно смогут найти между собой связь, непосредственную или посредственную, не только по пространству, но и по времени, что представляется нам как последовательность событий. Именно за этим сохраняется «причинность» как природное объективное существо в мире. Но при этом нельзя выделить её отдельно от остальных сопровождающих и привязанных отношениями между всеми элементами. Так, как заметил Ю.И. Левин [7, с. 102-107], универсальная (т.е. «универсам») структура реальных отношений всех разных реальных фрагментов выстроена как единая целая система. А выделенную из этого как раздельная репрезентируемая категория называет автор «идеалом», характеризуя его как регулятивная программа [7, с. 106].

Подобным мнением делится и Ю.С. Степанов, заметив в свою работу, что причинность, входя в семантическое изучение, превращается в модель релятивизованную, и не является «коллективным к всему универсаму», а лишь «референционно истинной пропозицией» [14, с. 7-8]. Таким образом, причинность рассматривается автором как основа, по которой фрагмент последовательный интерпретируется как причинённый предыдущего. Разъясним примером:

для рассказа такого события: *Брат Саши – преступник. Саша его убил и был награждён за это.* Предложены такие два выражения: 1) *Саша убил своего брата. Саша был награждён.* 2) *Полисмен убил преступника, и был награждён.*

Обычно пример 1) ни в коем случае не может быть ситуацией логичной, когда 2), наоборот, представляет собой весьма нормальное или даже правильное положение. Но на самом деле, обо предложения представляются собой истинные и сообщают об одном же событии, тогда обе ситуации, характеризовали выше высказывания, представляет «факт». Но из 1), явно не была выявлена никакая причинность ни говорящим, ни слушающим. А

в предложении 2), при иных референциях наблюдается сразу же именно причинность между сообщёнными двумя фрагментами.

Причинность, при этом, как заметила Ю.В. Баклагова [2] входит в лингвистические исследования как универсальная категория по своей философской сущности – «Причинно-следственные отношения – отношения универсальные, поскольку не существует явлений, которые не имели бы своих причин, и нет явлений, которые не порождали бы тех или иных следствий. Данные отношения фиксируют закрепление в языке важнейшей ступени человеческого мышления – логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению, умозаключению.»

Для лингвистического исследования данная категория получает явно более дифференцированное описание – почти все элементы на данной цепи найдут своё соотнесение в языковой системе. Например, как заметил А.А. Потебня, действия не может быть без причины, сопровождает его обязательно такие элементы как причиняющее, причинение и причинённое и т.п. Причинность в включающей её и описываемой языковым средством ситуации «слагается из действия субъекта и одновременности или последовательности этого действия с состоянием объекта» [11, с. 7]. И именно таким образом была построена в лингвистике семантическая категория «причинность», отличающаяся от философской. Причинность в лингвистике представляет собой, согласно К.А. Переверзеву [10], абстрактную ситуацию, что является результатом наблюдения и концептуализации ситуаций реального мира, но не принадлежащей ему математической и абстрактной моделью, репрезентированной на правах реального мира.

Прямо замечая статус причинности одной из важнейших и активно используемых концептуальных моделей человеческого мышления при организации внешнего материального или внутреннего культурного мира, Д. Лакофф называл следующие черты данной базовой для человеческого мышления категории, которые, в сравнении с характеристикой Ю.С. Степанова более близки к знакомее нам «лингвистической» категории «каузативность», и зафиксировал данное понятие в более узкой сфере, что представляется более адекватным удобным для чисто лингвистического описания [6, с. 105]:

- 1) Чёткая целенаправленность агенса;
- 2) Получение реального физического изменения;
- 3) Агенса должен быть тот, кто начинает всё событие;
- 4) Для выполнения цели агенса требуется достижения какого-то условия;
- 5) Сам агенса должен отвечать за достижения требуемого условия;
- 6) Процесс достижения условия должен быть контролируемым агенсом;
- 7) Агенса должен исполнять ту роль в ситуации, кто прилагает усилия для достижения изменения;

- 8) Усилия, предложенные агенсом направлены на пациенса;
- 9) Изменение в действительности получается в пациенсе;
- 10) Агенса в силах управлять всем процессом при наблюдении развития ситуации;
- 11) Агенса и пациенса в такой ситуации могут быть назначенными.

Сужение и закрепление понятия причинности (или точнее, здесь лучше называть категорию каузативностью уже) в лингвистическом аспекте достигли характеристики Д. Лакоффа замечанием двух различающих черт в определённой им модели: целенаправленность участника и его управление всей ситуацией. Другим словом – при этом выделяется из причинности более узкое понятие – каузативность, которое указывает среди всех причинных отношений только те, завершение которых стимулировал человек сознательно, а не все спонтанно происходящие, что, в некоей степени показывает попытку человека сознательно выделять себя из природы и отличать себя от всех прочих. (Такая ментальность на самом деле более чётко проявляется в классической китайской философской мысли, подробно см. позже.)

Так, по сказанному выше, можно привести к такому выводу по сопоставительному анализу каузативов в русском и китайском языках: чтобы определить инвариант для сопоставления лучше вариантами безусловно являются онтологический подход (представитель такого подхода можно рассматривать именно Санкт-Петербургская школа) и концептуальная модель по Дж. Лакоффу – над общностью семантической категорией нет спора ведь. А что касается различающих предпочтений при реализации одной и той же категории в двух языках – это и является отражением расхождения в мировоззрениях, глубоко покрываемых под поверхностной общностью, которая хотя уже определена единым образом материального мира двух народов.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений // Оценка, событие, факт; Отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. 338 с.
2. Баклагова Ю.В. К вопросу о каузальности и каузативности в системе языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 22-25.
3. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции, Москва, 01 января – 31 2001 года / Московский государственный областной педагогический университет им. М.А. Шолохова; Редакционная коллегия: О.А. Давыдова, Е.И. Диброва (отв. ред.), Е.А. Ерофеева, В.Н. Светлышева (зам. отв. ред.), Н.В. Смирнова, М.И. Новожилова. – Москва: Редакция «Спортивная жизнь», ЗАО «СпортАкадемПресс», 2001. 385 с., С. 4-13.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. I–XII. – М.: 1999. С. 12-17.
5. Ибрагимова Э.Р. Валентность и семантика предиката как фактор детерминации референциального потенциала наименования лица (на материале английского и татарского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 521-525.
6. Лакофф Джордж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). 252 с.
7. Левин Ю.И. Структурный инвариант философии Вл. Соловьёва // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1991. С. 102-109.
8. Летучий А.Б. Каузатив в языке без каузатива: о некоторых свойствах русских каузативных глаголов //

- Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7. № 3. С. 115-121.
9. Неядяков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: Морфол. каузатив / А.А. Холодович; АН СССР. Ин-т языкознания. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 311 с., С. 5-19.
10. Переверзев К.А. Вопросы языкознания. Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологии // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 107-118.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: 1968. Т. 3.
12. Романова О.В. Понятие аналитического каузатива в английском языке: the problem of definition Revisited // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей / Под ред. Е.А. Нильсен, А.С. Персиной. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 37-42.
13. Соседова В.С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 275-279.
14. Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1991. С. 5-14.
15. Шуленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
17. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
18. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть (№ 32). С. 585-595.
20. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пограничная река: ее лимнологические преимущества, геополитические водовороты и омуты // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
25. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
26. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 1. (№ 36). С. 126-137.
27. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество», 2023. № 66 (1). С. 11-18.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
30. Чапкин Н.С. Современные педагогические технологии и методы // Альманах «Казачество», 2024. № 75 (2). С. 137-144.
31. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.

Reference

1. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings // Evaluation, event, fact; Ed. G.V. Stepanov; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. – Moscow: Nauka, 1988. 338 p.
2. Baklagova Yu.V. On the issue of causality and causativity in the language system // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2008. № 10. P. 22-25.
3. Bondarko A.V. Text linguistics in the system of functional grammar // Text. Structure and semantics: Reports of the VIII International Conference, Moscow, January 01 – 31, 2001 / Moscow State Regional Pedagogical University named after M.A. Sholokhov; Editorial board: O.A. Davydova, E.I. Dibrova (editor), E.A. Erofeeva, V.N. Svetysheva (deputy editor),

- N.V. Smirnova, M.I. Novozhilova. – Moscow: Editorial Board “Sport Life”, ZAO “SportAcademPress”, 2001. 385 p., P. 4-13.
4. Vezhbitskaya A. Semantic universals and description of languages. I-XII. - Moscow: 1999. P. 12-17.
5. Ibragimova E.R. Valence and semantics of the predicate as a factor in determining the referential potential of a person's name (based on the English and Tatar languages) // *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2021. Vol. 14. № 2. P. 521-525.
6. Lakoff George. *Metaphors We Live By* / J. Lakoff, M. Johnson; trans. from English by A.N. Baranov and A.V. Morozova; edited and with a preface by A. N. Baranov. – Moscow: URSS, 2004 (OOO ROKHOS). 252 p.
7. Levin Yu. I. Structural invariant of V.I. Solovyov's philosophy // *Logical analysis of language. Cultural concepts*. – Moscow: Federal State Unitary Enterprise “Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center “Nauka”, 1991. P. 102-109.
8. Letuchy A.B. Causative in a language without a causative: on some properties of Russian causative verbs // *Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute of Linguistic Research*. 2011. Vol. 7. № 3. P. 115-121.
9. Nedyalkov V.P., Silnitsky G.G. Typology of causative constructions // *Typology of causative constructions: Morphological causative* / A.A. Kholodovich; USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. - Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1969. 311 p., P. 5-19.
10. Pereverzev K.A. Questions of Linguistics. Semantics of Causation against the Background of Lexical and Propositional Typologies // *Questions of Linguistics*. 1996. № 5. P. 107-118.
11. Potebnya A.A. From Notes on Russian Grammar. – Moscow: 1968. Vol. 3.
12. Romanova O.V. The Concept of Analytical Causative in English: the Problem of Definition Revisited // *Actual Problems of Modern Linguistics: Collection of Scientific Articles* / Ed. by E.A. Nielsen, A.S. Persinina. - St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2018. P. 37-42.
13. Sosedova V.S. The Relationship between the Concepts of “Language Picture of the World” and “Mentality” in Modern Linguistics // *Bulletin of MGIMO University*. 2013. № 6 (33). P. 275-279.
14. Stepanov Yu.S. The concept of “cause” and two approaches to the conceptual analysis of language - logical and sublogical // *Logical analysis of language. Cultural concepts*. - Moscow: Federal State Unitary Enterprise “Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center “Science”, 1991. P. 5-14.
15. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // *Culture of the World*. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary Cordon: From Medicine to Geopolitics // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
17. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet Communications - a Modern Tool for Dialogue // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
18. Ryabova E.L. On the Issue of the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // *Cossacks*. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // *Mission of Confessions*. 2018. Volume 7. Part (№ 32). P. 585-595.
20. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and Commercial Medical Organizations: Theoretical Aspects of Implementation of Activities // *The Power of History – History of Power*. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // *Culture of the World*. 2024. Vol. 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “Global East”: Historical Reality or Geopolitical Fiction // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of the border and the boundaries of symbols // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
25. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The Role of Non-Commercial Organizations in Strengthening Healthcare and Ensuring Accessibility of Medical Care // *Culture of Peace*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
26. Ryabova E.L. The Law of Necessary Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Prompted by the Monograph “The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management”) // *Culture of Peace*. 2024. Vol. 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.
27. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // *Almanac “Cossacks”*, 2023. № 66 (1). P. 11-18.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // *Culture of Peace*. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // *Culture of Peace*. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
30. Chapkin N.S. Modern Pedagogical Technologies and Methods // *Almanac “Cossacks”*, 2024. № 75 (2). P. 137-144.
31. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection of Traditional Values with Modernization // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 2 (188). P. 9-17.

Иванов А.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент. Высшая Школа Востоковедения, ТОГУ (Тихоокеанский государственный университет), г. Хабаровск.

Каллаур В.С.

Кандидат филологических наук, доцент. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан.

Выбор лексических единиц и методы перевода общественно-политических корейских текстов на русский язык*

Аннотация. Статья посвящена проблемам выбора лексических единиц и эффективным приемам перевода корейских общественно-политических текстов на русский язык. Анализируются трудности, возникающие при передаче смыслов, характерных именно для корейской культуры и политико-правового устройства Южной Кореи, а также предлагаются конкретные рекомендации по преодолению сложностей перевода. Авторы выделяют характерные черты стиля официальных документов, особенности употребления терминов и идиоматических выражений, обращая внимание на нюансы передачи субъективно-модальной оценки и эмоционально-экспрессивных оттенков оригинального текста. Исследуются вопросы эквивалентности, сохранения стилистической окраски оригинала и адаптации содержания текста к особенностям восприятия русскоязычного читателя. Статья адресована специалистам-практикам, занимающимся переводом общественно-политических текстов, а также исследователям в области сравнительного языкознания и переводоведения.

Ключевые слова: корейский язык, русский язык, перевод, общественно-политические тексты.

Ivanov A.Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Higher School of Oriental Studies, Pacific National University, Khabarovsk.

Kallaur V.S.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Sholem Aleichem Primorsky State University, Birobidzhan.

---

* © Иванов А.Ю., Каллаур В.С., 2025.

Selection of lexical units and methods of translation of socio-political Korean texts into Russian

Abstract. The article is devoted to the problems of choosing lexical units and effective methods of translating Korean socio-political texts into Russian. The difficulties arising in conveying meanings characteristic of Korean culture and the political and legal system of South Korea are analyzed, and specific recommendations for overcoming translation difficulties are offered. The authors highlight the characteristic features of the style of official documents, the peculiarities of the use of terms and idiomatic expressions, paying attention to the nuances of conveying the subjective-modal assessment and emotional-expressive shades of the original text. The issues of equivalence, preserving the stylistic coloring of the original and adapting the content of the text to the peculiarities of perception of the Russian-speaking reader are studied. The article is addressed to practitioners involved in the translation of socio-political texts, as well as researchers in the field of comparative linguistics and translation studies.

Key words: Korean language, Russian language, translation, socio-political texts.

Потенциально заложенное в слове как единице языка лексическое значение реализуется в конкретном акте речи, т.е. в контексте, который и является определяющим фактором для понимания этого значения. Однако понять – еще не значит перевести. Процесс перевода в целом распадается на два этапа: 1) понимание смысла высказывания на иностранном языке (ИЯ) и 2) оформление перевода на переводимый язык (ПЯ).

На первом этапе переводчик идет от формы высказывания к его смыслу, а на втором, наоборот, от смысла к форме. Для переводчика должно быть непреложным правило: пока не понял – не переводит. В результате переводчик получает форму ПЯ, элементы которой в совокупности функционально соответствуют элементам иноязычного высказывания и поэтому являются их эквивалентами в данном контексте. На этом основании можно сделать вывод, что при выборе слова переводчик в процессе перевода должен учитывать различные факторы. В первую очередь, это компоненты значения исходного слова: денотат (обозначаемый предмет), способ его описания, категориальная принадлежность слова, его экспрессивно-стилистическая характеристика, содержание отдельных морфем слова, его образные и ассоциативные связи. Кроме того, при переводе следует учитывать такие факторы, как многозначность и широта значения слова, а также особенности функционирования слова в контексте: фразеологически связанное и свободное употребление слова, использование слова в прямом и переносном смысле, самостоятельное и служебное значение слова [6, с. 173]. Наконец, при оформлении перевода нельзя не

учитывать лексико-статистической сочетаемости единиц ПЯ и прагматического аспекта перевода. Совершенно очевидно, что никакой словарь не может в полной мере отразить ни все компоненты значения слова, ни особенности функционирования его в контексте, не говоря уже о прагматическом значении, т.к. все конкретные сочетания, в которые попадает слово и которые разнообразят его смысловое содержание, не могут быть охвачены ни одним двуязычным словарем. Словарь фиксирует в лучшем случае достаточно полно только результат, продукт речевой деятельности, тогда как переводчик имеет дело с живым развивающимся языком.

Таким образом, на практике процесс перевода довольно редко сводится к более или менее простому выбору из числа зафиксированных словарем соответствий. Гораздо чаще словарь лишь помогает выбрать правильный путь к цели, но предлагает готовый продукт.

Вместе с тем необходимо отметить, что степень различия в системах двух языков – величина непостоянная, различия эти могут быть очень глубокими, а иногда почти не ощущаются (даже в таких далеких системах как корейский и русский языки). Поэтому и степень трудностей, с которыми переводчик сталкивается при выборе слова, постоянно меняется в зависимости от того, насколько разнятся единицы двух языков в каждом конкретном случае [5; с. 54].

Если разговор идет только о передаче денотативного компонента слова и другие факторы не мешают переводчику, то при переводе можно ограничиться субституцией (подстановкой, замещением). Идентификация одного и того же денотата, теоретически всегда осуществима при переводе. Даже если в языке перевода отсутствуют названия для определенных предметов и явлений окружающего мира, многие из которых могут быть не зафиксированы в словаре, их идентификацию можно осуществить при помощи сочетания нескольких знаков, либо путем создания нового знака.

Однако при воспроизведении в переводе указания на денотат все же возможны некоторые отклонения от равнозначности [4; 125].

Отношения эквивалентности могут устанавливаться между неодинаковыми способами идентификации денотата. Денотат может быть указан путем индивидуального обозначения (имя собственное), обозначения класса предметов, к которому он принадлежит (имя нарицательное), или отнесением его к обозначению, данному в другом месте текста (местоимение). Изменение способа идентификации денотата часто связано с правилами построения высказывания в ПЯ или особенностями передачи прагматического значения.

Указание на денотат в оригинале и переводе может осуществляться путем приведения понятий разного объема. В каждом языке существуют свои правила употребления названий разнообъемных множеств для ука-

зания на определенные денотаты, а также особый набор слов с очень широким значением, способным называть почти любой денотат типа: вещь, штука, существо, предмет, дело и т.д. Поэтому отношения эквивалентности при переводе могут устанавливаться между классами денотатов различного объема. В данном случае переводчик прибегает к приемам генерализации или конкретизации. В корейском языке к словам с широкой семантикой можно отнести: *문제*, *조직*, *방면*, *환경*

<p>한국 대통령은 확대정상회담후 진행된 공동 기자회견에서 한일 두 나라는 UN 안보리에서의 협조 등을 포함하여 북핵문제의 조속한 해결을 위해 양국간 긴밀한 상호이해를 강화하기로 했다면서 북한이 지금이라도 태도를 바꾼다면 그에 상응하는 조치를 취해 나갈 수 있을 것이라고 밝혔다.</p>	<p>На совместной пресс-конференции, состоявшейся после расширенной встречи в верхах, южнокорейский президент отметил, что два государства – Республика Корея и Япония, включая в себя сотрудничество, исходящее из принципов ООН сохранения безопасности, договорились укреплять тесное взаимопонимание между соседними государствами с деле скорейшего решения северо-корейской ядерной проблемы, и добавил к этому, что если бы КНДР ныне изменила свою позицию, можно было бы предпринять меры к сближению с Севером.</p>
--	--

При переводе следует учитывать информацию, указывающую на способ описания денотата. Поскольку для описания одних и тех же денотатов разные языки выбирают нередко неодинаковые их свойства или стороны, установление переводческой эквивалентности в отношении описания денотата может сопровождаться некоторой потерей или изменением информации. Однако имеются достаточные возможности для достижения эквивалентности либо путем нейтрализации различия, либо путем использованием контекста и дополнительных знаков [1, С. 230-235.].

Например, в определенном контексте переводчик может перевести слово *밝히다* «освещать» как «заявить», считая, что дополнительная информация («давать пояснения, освещать») нерелевантна (неадекватна): *이 문제에 대한 자기 입장을 밝혔다.* – *заявить о своей позиции по этому вопросу.*

Очевидно, что проблема передачи подобной информации часто возникает при необходимости различия в значениях синонимов типа: *밝히다*, *환하게 하다*, *밝게 하다*, *명백(明白)하게 하다*, *분명히 하다*, *극명(克明)*

하다, 규명(糾明)하다, 신백(申白)하다, 석명(釋明)하다, 창명(彰明)하다. Поэтому особенно важной эта проблема является при переводе с русского языка на корейский.

Вышеразобранный вопрос в определенной мере соотносится с проблемой учета информации, указывающей на содержание морфем, из которых состоит слово.

В корейском слове китайского происхождения внутренняя форма в большинстве случаев прозрачна. Это позволяет видеть морфемный состав и определять элементарные смыслы в синонимических рядах:

실행(實行) - 실시(實施) - 실천(實踐) - 실현(實現)
 기도(企圖) - 시도(試圖) - 계도(計圖) - 도모(圖謀)
 설명(說明) - 해설(解說) - 해석(解釋) - 해명(解明)

Это совсем не означает, что переводчик всегда должен расчленять слово на составляющие морфемы, однако творческий подход в этом плане часто бывает необходим. В корейском языке много существительных, образованных с помощью суффикса 화(化). Образованные с помощью этого суффикса существительные обычно на русский язык переводятся как «-зация». Например: 민주화 «демократизация». Однако механическое перенесение такого приема на все случаи может привести к переводческой ошибке. Например, в выражении 동남아 지역의 중립화 перевод слова 중립화(中立化) как «нейтрализация» вызывает ложные ассоциации и даже ведет к искажению. Зная значение иероглифа 化 («превращение») можно дать следующий вариант: превращение Юго-Восточной Азии в нейтральную зону.

Значение слова в целом редко сводится к значению его морфем. Как правило, определенное сочетание морфем приобретает особое значение, выступая в качестве единого знака; поэтому словарные значения, как правило, даются исходя из целого. Однако переводчик должен помнить, что значения составляющих морфем всегда присутствуют в содержании слова в целом и при желании могут быть выдвинуты на первый план. В таких случаях использование словарного соответствия может привести к бессмыслице. Словарное значение слова 미묘(微妙)하다 «тонкий, деликатный». Использование любого из этих двух соответствий приводит к бессмыслице: «незначительный, мелкий, но прекрасный, восхитительный».

Очевидно, что учет содержания морфем слова очень важен при переводе с русского языка на корейский. Часты случаи, когда одно русское слово (даже не многозначное и не обладающее широтой значения) при переводе на корейский язык требует дифференциации, например: 번역원 (как

правило, официальный переводчик, переводящий письменный материал) и 통역원 (устный переводчик).

При выборе слова в ПЯ необходимо учитывать категориальную принадлежность слова ИЯ. Категориальные элементы, с которыми связан знак, подразделяется на 3 основных вида:

а) лексико-грамматические категории – классы слов, на которые полностью подразделялись бы все слова языка (предмет, признак, действие) или хотя бы слово, принадлежащее к одной и той же части речи.

б) лексико-грамматические категории – общее содержание, на основе которого все слова языка разбиваются на части речи.

в) грамматические категории – общее содержание, репрезентируемое рядом формальных признаков, на основе которых разбиваются на разряды формы слов, входящих в определенный класс – часть речи. К ним относятся, например, категория залога в глаголе и т.п. [3, с. 110].

Степень и характер эквивалентности при передаче категориального значения слова различны в зависимости от типа категории.

а) Прежде всего лексические категории в отличие от лексико-грамматических не носят обязательного характера. Обычно значение лексической коммуникативно релевантно и должно быть переведено. Такие понятия, как размера, начала действия, побуждения к действию, направления движения и т.д., несомненно, являются общечеловеческими. Поэтому информацию, составляющую определенную лексическую категорию, можно передать средствами любого языка. Некоторые отклонения от полной эквивалентности возникают тогда, когда способы передачи данного содержания различны в ИЯ и ПЯ. Так, значение каузативности, выраженное в корейском языке конструкцией - 계 하다 или рядом суффиксов, в русском языке передается при помощи соответствующего переходного глагола, например: «Эта новость всех обрадовала». В этом случае переводчик прибегает к интерпретации. Причем, выбранный глагол по своей внутренней форме может отличаться от исходного. Однако различия в способах выражения лексических категорий не играют существенной роли при переводе.

б) Для многих языков представляется возможным выделить основные категории – «части речи»: слова-предметы, слова-события, слова-определители. Поэтому установление эквивалентности на уровне лексико-грамматической категории не представляет особой трудности. Однако в подавляющем большинстве случаев эквивалентность на уровне категориального значения части речи коммуникативно нерелевантна поэтому нередко имеется возможность добиться адекватного перевода за счет замены части речи при переводе.

Словарь не всегда отражает грамматическое значение (например, глагола или существительного). В подобных случаях для переводчика очень важно путем грамматического анализа определить функционирование слова в предложении, т.к. ошибки, связанные с определением лексико-грамматической категории слова, часто ведут к искажению смысла.

в) Категории грамматического строя языка составляют специфику его структуры и принципиально различны в разных языках. Поэтому эквивалентные отношения, устанавливаемые между грамматическими категориями двух языков в процессе перевода, не предполагают равнозначности этих категорий. Неравнозначность содержания грамматических категорий определяется:

- 1) неравноценностью аналогичных категорий разных языков;
- 2) наличием в языке оригинала категорий, отсутствующих в ПЯ;
- 3) употреблением в оригинале коммуникативно нерелевантных категорий, содержание которых не может быть передано в переводе;
- 4) вынужденным употреблением в переводе категорий, отсутствующих в оригинале.

Особое внимание следует обращать на поиски способов передачи коммуникативно релевантных грамматических категорий и конструкций, отсутствующих в ПЯ. Неполная эквивалентность грамматических категорий оригинала и перевода может быть компенсирована путем использования соответствующих лексических единиц [2].

Слово обладает определенной эмоционально-стилистической характеристикой: нейтральной, положительной или отрицательной. Передача коннотативного значения слова необходима при переводе текстов, посвященных вопросам политической борьбы. Между тем, стилистическая окраска сходных по значению слов в разных языках не всегда совпадает. Часто одному корейскому слову в русском языке соответствует несколько слов с различной стилистической окраской:

추종자 (追從者) – 1) последователь (положительный оттенок); 2) пришепник, лизоблюд, подголосок (отрицательный оттенок).

비호자 (庇護者), 변호자 (辯護者) – 1) защитник, покровитель (положительный оттенок); 2) апологет (отрицательный оттенок).

Встречаются и обратные случаи. Так, русскому «план, замысел» в корейском языке соответствует нейтральные 계획, 구상 и отрицательные 음모, 간계. При переводе нередко стилистическая характеристика слова уточняется в соответствии с общей стилистической направленностью контекста.

При передаче коннотативного (сопутствующего) значения необходимо иметь в виду, что для корейского газетно-публицистического стиля характерно использование большого количества слов с эмоционально-экс-

прессивной окраской. Однако следует учитывать, что подобные эпитеты-стереотипы имеют высокую частотность, а поэтому и воспринимаются читателями как привычное и характерное для данного стиля. К таким словам относятся: *악독하다* – бесчеловечный, безжалостный, *잔학하다* – зверский, свирепый, *교활하다* – коварный, ухищренный, *끔찍하다* – ужасный, жуткий, *열망* – горячее стремление и др.

Переводчик должен стремиться к тому, чтобы вызвать у читателя перевода примерно ту же реакцию, что и у читателя оригинала. Поэтому следует иметь в виду, что эпитет, привычный для носителя одного языка, может оказаться сильным для носителя другого языка. Кроме того, корейский газетно-публицистический стиль обнаруживает большее соединение разностилевых элементов, чем русский, и поэтому дословный перевод стилистически окрашенного слова может привести к нарушению норм русского языка. В связи с этим переводчик вправе прибегать к экспрессивно-стилистическим адаптациям, например, путем использования синонима слова ПЯ. Например:

승리를 쟁취하다 – добиться победы, *정책을 실현하다* – проводить политику. Однако часто приходится к лексическим заменам, поскольку варианты соответствия, данные в словаре, не обеспечивают стилистически правильного перевода. В таких случаях переводчик может использовать слово, которое непосредственно вытекает из указанных в словаре соответствий (контекстуальный эквивалент), например: *강경한 입장을 취하다* – занимать твердую позицию, или методом смыслового развития прийти к использованию контекстуального синонима, например: *성과를 이룩하다* (*거두다*) – добиться успехов.

Как известно, для газеты характерно использование довольно большого количества штампов, клише, т.е. устойчивых оборотов, которые в той или иной степени обладают фразеологичностью. Иногда для перевода таких оборотов достаточно простой подстановки основных значений, входящих в них слов. Например: *승리를 쟁취하다* (букв. завоёвывать победу) – добиться победы, *정책을 실현하다* (букв. осуществлять на практике) – проводить политику. Однако часто приходится к лексическим заменам, поскольку варианты соответствия, данные в словаре, не обеспечивают стилистически правильного перевода. В таких случаях переводчик может использовать слово, которое непосредственно вытекает из указанных в словаре соответствий (контекстуальный эквивалент), например: *강경한 입장을 취하다* – занимать твердую позицию, или методом смыслового развития прийти к использованию контекстуального синонима, например: *성과를 이룩하다* (*거두다*) – добиться успехов. Смысловое развитие заключается в замене предмета, процесса или признака, выраженного определенным иноязычным словом (или сочетанием слов),

другим предметом, процессом или признаком, логически связанным с заменяемым. При этом возможна замена любой их этих трех категорий любой другой категорией. В глагольных словосочетаниях подобные замены могут проводиться по схеме: причина – процесс – следствие.

В подобных случаях переводчик имеет дело с разной сочетаемостью слов в двух языках. Бывают случаи, когда в корейском предложении к одному сказуемому могут относиться два дополнения, которые в равной степени сочетаются с глаголом, например, 입장을 취하다 и 대책을 취하다; при переводе такой сочетаемости добиться нельзя, и приходится прибегать к добавлениям. Например: 입장을 확정하고 대책을 취하다.

При переводе с русского языка на корейский также очень важно учитывать возможность фразеологически связанного употребления слова и лексико-синтаксическую сочетаемость в корейском языке. Например, 영향을 주다 – оказывать влияние, 압력을 가하다 – оказывать давление, 관심을 돌리다 – оказывать интерес.

В общественно-политической речи имеются слова и устойчивые выражения, в основе которых лежит определенный образ. Примером образных и ассоциативных связей, заключенных в слове, могут быть слова и выражения, содержащие морфему 담 (膽) «желчный пузырь»; «печень»: 담력 (膽力) «смелость», 대담성 (大膽性) «мужество», 소담 (小膽) «малодушие», 낙담 (落膽) «уныние». В таких случаях мы говорим, что слово (выражение) использовано в переносном значении. Это значение может быть отражено в словаре, но может быть и результатом окказионального использования данного слова в метафорическом плане.

Правда, многие слова, употребляемые в переносном смысле, не требуют специальных пометок в словаре, т.к. нужный эквивалент легко находится по контексту словосочетания, например, словарные значения 광휘 (光輝)하다 – «сверкать», «ярко сиять», «блестеть», например, 광휘로운 태양 «сияющее солнце» могут быть экстраполированы на случаи употребления этого в переносном значении, например, 광휘로운 희망 «лучезарные надежды».

Бывает, словарь дает переносное значение, но раскрывает его однопланово, без учета вероятных сочетаний. Естественно, что употребление в переносном значении слово становится фразеологически связанным, что ставит и переводчика в определенные рамки. Примерами целых выражений и словосочетаний, употребленных в переносном смысле могут быть следующие штампы: 전쟁의 피해 «раны войны», 역사를 역행시키다 «вернуть назад колесо истории» и т.д.

Из-за частого употребления образность может стираться. При переводе не следует стремиться дословно восстанавливать образные выражения, если это приводит к появлению словосочетаний, не употребляемых в языке

перевода. В практике перевода обычно отмечают следующие возможности образного выражения:

а) оба выражения (в русском и корейском языках) построены на языковом образе и при этом совершенно подобны по синтаксической структуре и лексическому составу. Например: 보수주의자들이 역사의 수레바퀴를 뒤로 돌리려고 애쓰다 – Консерваторы пытаются повернуть колесо истории вспять.

б) эквиваленты двух языков построены на сходном образе (при переводе используется метод смыслового развития) или различаются в лексико-синтаксическом отношении. Например: UN 의 가면을 쓰고 – под вывеской ООН.

в) в языке перевода нет соответствующего эквивалента. В таком случае можно использовать устойчивые сочетания, построенные на другом образе и достаточно точно передающие соответствующее значение, например: 돌아가다 (досл. возвращаться) – умирать, погибать. Этот пример также показывает, что дословный перевод не всегда дает точное понимание его смысла и может вести к искажению. Иногда приходится прибегать к описательному переводу, т.е. к передаче смысла данного выражения свободным сочетанием слов. Например: 성과를 거두다 (букв. собирать успехи) – добиваться успехов. Конечно, в переводе образность утрачена, хотя нельзя сказать, что в оригинале степень образности большая, т.к. это сочетание очень ходовое, что привело к снижению образности. Желая в какой-то степени восстановить утраченную информацию, в определенном контексте можно прибегнуть к приему компенсации, т.е. перенести эту информацию в другую единицу текста языка перевода.

У знаменательных слов нередко ослабляется их основное значение, и они превращаются в полуслужебные элементы, определяющие или связующие другие слова. В этом случае они могут в переводе опускаться. Например, 러시아주재 한국대사관 Посольство Республики Корея в России.

Особенно часто ослабляется собственное значение у глаголов. В русском языке к ним относятся: «выступить» в сочетаниях «выступить с протестом, заявлением», «оказать сопротивление, предпочтение, доверие» и др.

Аналогичное явление наблюдается и в корейском языке, где слова «выступить», «оказаться» часто опускаются и заменяются служебным глаголом 하다.

Поскольку слова в служебном значении не несут значительной информации, они могут быть использованы в переводе, т.е. добавляться в целях правильного построения высказывания на ПЯ. Это позволяет лучше связывать слова и отдельные части предложения, тем более что в корейском сложном предложении связи между его членами могут не иметь формальных выразителей и присутствовать имплицитно (скрытно, неявно), напри-

мер: UN 은 나라의 평화통일을 방해하는 장애를 제거하는데에 대한 대책을 세워야 한다 – ООН обязана принять меры, направленные на устранение препятствий, мешающих мирному объединению страны.

В переводе опущено 데 «состояние», «обстоятельство», «положение», играющее полуслужебную роль, и добавлено «направленных на...», позволяющее полнее эксплицировать (выразить) информацию.

Таким образом, прагматически адекватный перевод достигается посредством прагматических адаптаций, т.е. путем изменения обозначения денотата, включения в текст дополнительных элементов, опущения элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получения, и даже трансформации целых выражений.

Библиографический список:

1. Брыкина С.В., Широкова Д.А. Эквивалентность перевода: лексематический аспект // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 230-235.
2. Вине Ж.П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: 2002.
3. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. – М.: «ЧеРо» совместно с «Юрайт», 2000. 136 с.
4. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: 2000. 250 с.
5. Нечаева В.М. Методика обучения переводческой деятельности. – М.: «Русский язык», 1999. 150 с.
6. Ретскер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

Reference

1. Brykina S.V., Shirokova D.A. Translation equivalence: lexical aspect // Bulletin of the Perm State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. 2012. № 27. P. 230-235.
2. Vinay J.P., Darbelnet J. Technical methods of translation. // Issues of translation theory in foreign linguistics. – М.: 2002.
3. Komissarov V.N. General theory of translation. Study guide. – М.: “CheRo” together with “Yurait”, 2000. 136 p.
4. Latyshev L.K. Translation technology. – М.: 2000. 250 p.
5. Nechaeva V.M. Methodology of teaching translation activity. – М.: “Russian language”, 1999. 150 p.
6. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation. – М.: R. Valent, 2007. 244 p.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Мартирисян В.Б.М.

Студент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Особенности франко-русских отношений: Наполеон и Александр (1801-1805)*

Аннотация. Данная научная статья посвящена особенностям развития франко-русских отношений в конце XVIII – начале XIX вв. Объектом исследования являются русско-французские отношения на рубеже XVIII–XIX вв. Предметом исследования служат противоречия в русско-французских отношениях в конце XVIII – начале XIX вв. Данное исследование строится на теории марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются выводы о значимости роли личного конфликта между Наполеоном Бонапартом и Александром I.

Ключевые слова: Третья Коалиция, Наполеон Бонапарт, Александр I, Ульм, Аустерлиц.

Martirosyan V.B.M.

Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Features of Franco-Russian relations: Napoleon and Alexander (1801-1805)

Abstract. This article is devoted to the study of peculiarities of the development of Franco-Russian relations in the late XVIII - early XIX centuries. The object of this study is Russian-French relations at the turn of the XVIII-XIX centuries. The subject of this study is contradictions in Russian-French relations in the late XVIII - early XIX centuries. The main conclusions of the study are the conclusions about the importance of the role of the personal conflict between Napoleon Bonaparte and Alexander I.

Key words: Third Coalition, Napoleon Bonaparte, Alexander I, Ulm, Austerlitz.

---

* © Мартирисян В.Б.М., 2025.

Резкий разворот в отношениях России и Франции

Конечно, невозможно было бы говорить о причинах резкого похолодания франко-русских отношений в первые же годы правления царя Александра, оперируя только объективными предпосылками подобных изменений.

Безусловно, в первую очередь мы должны учитывать, экономическую связь русского дворянства и их британских партнёров. Как известно многие представители российской аристократии были заинтересованы в дружественных отношениях Российской империи с Британией, поскольку серьёзнейшую статью их доходов составляла торговля русским лесом, основным покупателем которого и являлся Туманный Альбион. Невозможно было нарушать эту торговлю, не наткнувшись на ожесточённейшее сопротивление дворянских кругов. В этой ситуации необходимо помнить, что любой правитель является лишь волеизъявителем правящего класса, коим в Российской империи являлось дворянство. И стоит отметить, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, этот самый правящий класс, наглядно продемонстрировал, насколько далеко он способен зайти, ради защиты своих интересов. Очевидно, император Александр это осознавал и не стремился повторить участь своего отца, а потому был вынужден наладить отношения с Англией.

Но вынужден ли? Не совпадал ли интерес правящего класса с мнением самого царя? Исходя из многочисленных свидетельств современников, из того с каким неумолимым жаром и энергией Александр I выступал противником Наполеона и его политики и из анализа всех тех действий, которые сделали возможными, совершенно абсурдную по своей сути вражду между Россией и Францией можно сказать, что да, царь вёл такую политику не столько по принуждению, сколько по собственной воле.

Как собирали Третью коалицию

В промежутке между 1801 и 1805 годами в отношениях Франции и Англии происходит множество изменений. В 1802 году страны наконец-то заключают долгожданный мир, в историю он вошёл под названием - Амьенского мира. Этот мирный договор должен был стать началом новой эпохи мирного сосуществования двух давних стран соперниц, разделённых одним проливом. Нескончаемая война, непрерывно выкачивавшая людские жизни и деньги была прекращена, Бонапарт стал на какое-то время героем-миротворцем в глазах населения туманного Альбиона! Но подобное положение дел не могло сохраняться вечно. Оказалось, что перешедшая благодаря революции, в новую экономическую формацию Франция, будучи предоставленной сама себе и находящаяся под руководством крайне энергичного, честного и абсолютно неподкупного человека, развивалась семимильными шагами. Экономический рост во Франции был поистине неописуем, освобождённая от пут феодальной эпохи французская промышленность и

торговля росла как на дрожжах. Всё это подкреплялось политикой протекционизма и меркантилизма, которые активно продвигал Бонапарт, захватывая для французской буржуазии всё новые рынки и ограничивая завоёво Францию английской продукции. Не стоит забывать и про французскую колониальную политику, французы вновь заняли Мартинику и Гваделупу, а также подавили мятеж негров-невольников под предводительством Туссен-Луверюра на Сан-Доминго. Из-за этих действий цены на сахар, какао и кофе в Париже снизились чуть ли не в два раза.

Английские коммерсанты, поначалу столь радовавшиеся прекращению бессмысленной войны, осознали, что мир с Францией сулит им только разорение. Громко раздавались в стенах английского парламента возмущения относительно незаконной оккупации французами Пьемонта и Швейцарии, но за этими высокими и полными благородной ярости словами, стояли вполне приземлённые и прозаические интересы английской буржуазии.

После разрыва мирного договора в 1803 году и начала очередной войны с Англией, Бонапарт собирает свои войска в знаменитом Булонском лагере, откуда планировалась, поражающая своей авантюризмом и смелостью идея десанта французских войска на британскую землю. Но, хоть подготовка к этой дерзкой операции была проведена серьёзнейшая и хоть и были затрачены не менее серьёзные средства на реализацию оной, войскам Булонского лагеря не суждено было переплыть Ла-Манш, ведь слава ожидала их в совсем другом месте, на просторных полях Моравии¹.

Пока французы готовили свою десантную операцию, английские власти всячески пытались втянуть в войну на своей стороне другие европейские страны. Активнее всех поддержат Англию в деле создания Третьей коалиции в Петербурге². Император Александр с усердием достойным лучшего применения пытался включить в этот союз, как можно больше стран. Точкой невозврата для него в отношении Наполеона и его власти стало дело герцога Энгиенского. Убийство члена королевской династии, Луи Антуана Энгиенского, нигде больше в Европе не вызвало такой ожесточённой реакции, как в Петербурге. «Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять долее отношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников», – заявил князь Чарторыйский на открытии заседания Государственного совета 5 апреля 1804 года.

1 *Мартенс Ф.Ф.* Трактаты с Францией. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения, 1902. Т. 13. 338 с.

2 *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805-1815 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.

Когда возмущения российского царя и отправленные им ноты протеста переполнили чашу терпения первого консула, по его приказу министром иностранных дел Талейраном было написано следующее послание в адрес русского правительства: «Жалоба, которую она [Россия] предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы, когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не поспешили бы их арестовать?». В этом завуалированном послании скрывалась самая настоящая пощёчина царю, сокрушения которого, об убийстве герцога Энгиенского выглядели весьма странно, когда во всех дворах Европы было известно, что сам Александр был замешан в убийстве своего отца³.

Ход войны - путь к Аустерлицу

В данной работе мы не будем сильно углубляться во все тонкости войны Третьей коалиции и лишь обозначим основные события этой кампании.

В этой войне, союзницей России выступала Австрийская империя⁴, основная часть войск которой была разбита в самом начале после того, как командующий основными силами австрийцев фельдмаршал Макк завёл свои войска в Ульмскую ловушку⁵. Войска Наполеона окружили австрийцев и вынудили их капитулировать, почти вся австрийская армия оказалась в плену и дорога на Вену была открыта⁶.

Войска Кутузова, узнав об этом начали своё поспешное отступление, дав по пути несколько арьергардных боёв французам. Кутузов и его войско шли на соединение с армией Буксгевдена и следует отметить, что опытному полководцу удалось отступить, сохраняя полный порядок и он даже смог нанести французам контрудар под Кремсом.

Возможно, что и исход Аустерлицкого сражения 2 декабря 1805 года, был бы несколько иным, если бы армией руководил сам Михаил Илларионович Кутузов, однако командование на себя принял царь Александр I, ну или по крайней мере, так принято утверждать, потому как на самом деле, как можно судить исходя из хода развития битвы⁷, централизованное командование со стороны союзников попросту отсутствовало⁸.

Будет излишним, на страницах этой статьи, описывать все перипетии ле-

3 Васильев А.А. Бой при Шёнграберне // Император. 2006. № 1(9). С. 41-48.

4 *Stutterheim K.V.* La Bataille D'austerlitz. Paris: Legare Street Press, 2023. 136 с.

5 Мезенцев Е.В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году: (Действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). – М.: ИРИ РАН, 2008. 366 с.

6 *Colin J.* La Surprise Des Ponts de Vienne En 1805. Paris: Chapelot, 1905. 80 с.

7 Васильев А.А. Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин. 2001. № 3. С. 38-49.

8 Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. М.: Русский импульс, 2006. 320 с.

гендарного Аустерлицкого сражения, в очередной раз отмечая военный гений Наполеона, сделавший возможным победу для французской стороны в этой битве. Достаточно будет лишь отметить, что войска коалиции были разгромлены и Российской империи потребуется ещё год, чтобы быть способной продолжить войну с империей Бонапарта, но уже плечом к плечу с новым союзником - Пруссией⁹. Так как, Австрия была более неспособна принимать участие в подобных военных предприятиях и для неё война Третьей коалиции окончилась подписанием Прессбургского мира 26 декабря 1805 года¹⁰.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что личный конфликт Александра I и Наполеона Бонапарта, сыграл ключевую роль в развитии русско-французских отношений в рассматриваемый период. Как можно судить из всех действий им совершавшихся за описанный в данной работе период, Его Императорское Величество по собственной инициативе вовлёл Российскую империю в эту бессмысленную войну, когда того не требовали ни действительные интересы страны, ни общественное мнение кругов правящего класса. Безусловно, не следует забывать о некоторой экономической связи русского дворянства с английскими коммерсантами, но всё же, она связь не имела столь высокого значения, которое ей впоследствии будет приписывать многие историки современности.

Охарактеризовывая состояние Французской империи по итогам войны 1805 года, можно сказать, что империя Бонапарта находилась не только в зените своей славы, достигнутой в ходе блестящих военных побед, но и в состоянии сильнейшего экономического подъёма и развития.

Оценивая состояние Российского государства по итогам войны 1805 года, нельзя не отметить изменения, произошедшие в среде русского дворянства. Если ранее, российские дворянские круги были настроены к фигуре Бонапарта и его политике скорее положительно, или хотя бы нейтрально, ведь во многом именно он обуздал революционный пыл Франции, то поражение при Аустерлице пробудило в российском обществе, и в особенности в среде офицерского корпуса, желание реванша: «Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте,

9 Соколов О. В. *Битва двух империй. 1805-1812.* – М.: Астрель, 2012. 734 с.

10 *Traité de paix de Pressburg* // Le site d'histoire de la Fondation Napoléon [Электронный ресурс] // URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/document-traite-de-paix-de-vienne-14-octobre-1809/> (Дата обращения: 20.03.2025)

11 Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. 307 с.

как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавит-ся, окаянный».

Рассматривая Прессбургский мирный договор с позиций французской империи, его выгоды и последствия для Франции, нужно отметить, что этот мир имел для Франции диалектически, свои позитивные последствия, а конкретно увеличение территорий союзных государств, таких как Бавария, Баден-Баден и вассальных государств, таких как королевство Италия. Тем самым Франции удалось ещё больше обезопасить свои рубежи. Но вместе с этим, подобное расширение сферы влияния французской империи, нарушало баланс сил в Европе. С подобным раскладом не могли долго мириться другие европейские державы, а потому негативным последствием Прессбургского мира для Франции стало то, что по сути условия этого мира втянули Францию в многолетнюю цепочку кровопролитнейших войн.

Библиографический список:

1. Мартенс Ф.Ф. Трактаты с Францией. – СПб: Типография Министерства Путей Сообщения, 1902. Т. 13. 338 с.
2. Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805-1815 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.
3. Васильев А.А. Бой при Шёнграберне // Император. 2006. № 1(9). С. 41-48.
4. Stutterheim K.V. La Bataille D'austerlitz. Paris: Legare Street Press, 2023. 136 с.
5. Мезенцев Е.В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году: (Действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М.: ИРИ РАН, 2008. 366 с.
6. Colin J. La Surprise Des Ponts de Vienne En 1805. Paris: Chapelot, 1905. 80 с.
7. Васильев А.А. Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин. 2001. № 3. С. 38-49.
8. Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799-1805 гг. – М.: Русский импульс, 2006. 320 с.
9. Соколов О. В. Битва двух империй. 1805-1812. – М.: Астрель, 2012. 734 с.
10. Traité de paix de Pressburg // Le site d'histoire de la Fondation Napoléon [Электронный ресурс] // URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/document-traité-de-paix-de-vienne-14-octobre-1809/> (Дата обращения: 20.03.2025)
11. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. – СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. 307 с.

Reference

1. Martens F.F. Treatise with France. - SPb: Printing House of the Ministry of Railways, 1902. Vol. 13. 338 p.
2. Bezotosny V.M. Russia in the Napoleonic Wars of 1805-1815. - Moscow: Political Encyclopedia, 2014. 664 p.
3. Vasiliev A.A. Battle of Schönggrabern // Emperor. 2006. № 1 (9). P. 41-48.
4. Stutterheim K.V. La Bataille D'austerlitz. Paris: Legare Street Press, 2023. 136 p.
5. Mezentsev E.V. The war between Russia and Napoleonic France in 1805: (Actions of the Russian army as part of the 3rd anti-French coalition). Moscow: Institute of Russian History, RAS, 2008. 366 p.
6. Colin J. La Surprise Des Ponts de Vienne En 1805. Paris: Chapelot, 1905. 80 p.
7. Vasiliev A.A. Russian Guard in the Battle of Austerlitz on November 20 (December 2), 1805 // Voin. 2001. № 3. P. 38-49.
8. Sokolov O.V. Austerlitz. Napoleon, Russia and Europe, 1799-1805. - Moscow: Russian Impulse, 2006. 320 p.
9. Sokolov O.V. Battle of Two Empires. 1805-1812. - M.: Astrel, 2012. 734 p.
10. Traité de paix de Pressburg // Le site d'histoire de la Fondation Napoléon [Electronic resource] // URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/document-traité-de-paix-de-vienne-14-octobre-1809/> (20.03.2025)
11. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Description of the first war of Emperor Alexander with Napoleon in 1805, by the highest order composed by Lieutenant General and member of the Military Council Mikhailovsky-Danilevsky. - St. Petersburg: Type. Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard, 1844. 307 p.

Итса Окура Профит Мель Жюстис

Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Проблемы и вызовы миротворческих миссий: Обсуждение основных проблем, с которыми сталкиваются миротворцы ООН в ЦАР, включая безопасность, финансирование и политическую поддержку*

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность ООН в рамках обеспечения безопасности в конфликтных регионах Африканского континента. На примере Центральноафриканской Республики рассмотрен генезис одного из жестоких вооруженных конфликтов, создавших условия к проведению миротворческой миссии. Процесс реализации миротворческого процесса представлен как комплексная и многопрофильная задача. Автором представлены проблемные аспекты деятельности наблюдателей ООН. Рассмотрены вопросы обеспечения безопасности и финансирования миссий, а также условия их политической поддержки от мирового сообщества государств.

Ключевые слова: Центральноафриканская Республика, Совет Безопасности ООН, наблюдательная миссия, вооруженный конфликт, миротворческий контингент, африканский континент.

Itsa Okoura Profith Mell Justice

Postgraduate student. Peoples' Friendship University of Russia.

Problems and challenges of peacekeeping missions: Discussion of the main problems faced by UN peacekeepers in the Central African Republic, including security, financing and political support

Abstract. The article examines the activities of the United Nations in the framework of ensuring security in conflict regions of the African continent. Using the example of the Central African Republic, the genesis of one of the violent armed conflicts that created the conditions for a peacekeeping mission is considered. The process of implementing the

---

* © Итса Окура Профит Мель Жюстис, 2025.

peacekeeping process is presented as a complex and multidisciplinary task. The author presents the problematic aspects of the activities of UN observers. The issues of ensuring the security and financing of missions, as well as the conditions for their political support from the international community of states, were considered.

Key words: Central African Republic, UN Security Council, observation mission, armed conflict, peacekeeping contingent, African continent.

Современный мир сложен и многообразен. Нестабильности в области политики и экономики, внутренние противоречия, внешние причины приводят государства мира, как к внутренним, так и к внешним конфликтам. В ходе таких противостояний страдает гражданская инфраструктура, и формируются условия к гуманитарному кризису. В подобных условиях роль Организации Объединенных Наций, как независимого внешнего полюса силы чрезвычайно важна. Используемый Советом Безопасности ООН в качестве инструмента контроля и регулирования институт военных наблюдателей ООН призван обеспечить поддержание мира и не допустить появления новых вооруженных конфликтов.

Впервые в истории миротворческая деятельность в рамках основной деятельности Организации Объединенных Наций получила начало в период 1948 года. Тогда группа военных представителей ООН, выполняя миссию в условиях Ближнего Востока, осуществляла контроль над соблюдением перемирия между арабскими государствами и Израилем. С этого момента до настоящего времени под контролем ООН было развернуто более 70 миссий в рамках поддержания мира. К работе в миссиях из более 120 стран мирового сообщества в разное время привлекалось более чем сто тысяч военнослужащих, представителей правоохранительных органов, гражданских лиц, других представителей ООН [1, с.37]. Основанием к направлению в место возможного вооруженного конфликта наблюдательной миссии ООН осуществляется на основании полномочий (мандата) предоставляемых Советом Безопасности ООН. С учетом особенностей мандат ООН позволяет успешно достигать решения следующих задач:

- развертывание сил с целью предотвращения возникновения конфликта или расширения его границ на другие территории;
- стабилизация ситуации после прекращения боевых действий, в целях создания условий к достижению долгосрочного мирного соглашения между конфликтующими сторонами;
- поддержка реализации мирных соглашений;
- помощь странам или регионам в переходе к стабильному управлению на основе демократических принципов, эффективного управления и устойчивого экономического развития [2, с. 742].

По данным ООН в настоящее время в миротворческих миссиях всего задействовано 68574 человек. Из них 52525 военнослужащих [3]. При этом представители Совета Безопасности ООН уделяют значительное внимание поддержанию мира на территории Африканского континента. Так в настоящее время на его территории развернуты и осуществляют деятельность в рамках мандата ООН пять из общего количества (всего одиннадцать) миссий по поддержанию мира [4]. Так общая численность миротворцев в пяти миссиях ООН по странам Африки на начало 2024 году составила:

- Западная Сахара – 1178 чел.;
- Демократическая Республика Конго – 17761 чел.;
- Республика Южный Судан – 18125 чел.;
- район Абьей в Судане – 3473 чел.;
- Центральноафриканская Республика – 22573 чел. Из них 14400 военнослужащих [5].

На основании статистической информации ООН можно сделать вывод, что наибольшего усилия требует поддержание мира именно на территории Африканского континента. При этом в Центральноафриканской Республике (далее ЦАР) задействовано наибольшее число миротворческих сил. Подобное не случайно и вытекает из масштаба и особенностей кризиса.

Территория Центральноафриканской Республики богата природными ископаемыми, такими как: медь, марганец, графит, железная руда, бурый уголь, известняк, уран и др. Однако основу экономики составляет добыча золота и алмазов. В таких условиях данный сектор экономики привлекает преступные группировки, что ведет к политической нестабильности. До 1 декабря 1958 года страна, имела название Убанги-Шари, являлась французской колонией и организационно входила состав Французской Экваториальной Африки. Государственная независимость в качестве суверенной Центральноафриканской Республики была провозглашена 13 августа 1960 года. С этого момента начинается период политической нестабильности. До настоящего времени смена власти в стране происходила в основном путем вооруженных переворотов. Так в период 1966 года Ж. Б. Бокасса сместил первого руководителя ЦАР Д. Дако. Уже в 1979 году с участием французских военнослужащих к власти во второй раз приходит Д. Дако. Проведенный военный переворот 1981 года привел к власти генерала А. Колинмбу. В 1993 году к власти приходит А. Ф. Патассе. Его в свою очередь в период 2003 года сменил Ф. Бозизе. Сам Ф. Бозизе находился у власти два раза в течение 10 лет, в 2005 и 2011 году.

Стоит отметить, что впервые миротворческие силы, имеющие название: «Многонациональные войска ЦАР» были введены на территорию Республики на основании решения «Экономического и монетарного сообщества Центральноафриканской Республики (Force Multinationale en

Centrafrique, FOMUC). Уже во второй декаде 2008 года миротворческая инициатива трансформировалась в «Миссию по поддержанию мира в ЦАР» (The Mission for the consolidation of peace in Central African Republic, MICORAX). Процесс организации деятельности 400 миротворцев был возложен на Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС, Economic Community of Central African States, ECCAS). В период 2010 года инициативы ЭКОЦАС позволили привлечь к миротворческой деятельности до 150 дипломатических специалистов. К июлю 2010 года на территории Центральноафриканской Республики проживало около 4,6 млн. человек при этом до половины от численности представляли дети. Такое состояние демографии позволяло говорить о государстве как об одном из самых малочисленных на африканском континенте. В марте 2013 года мусульманская повстанческая группа «Селека» (на местном языке санго – объединение) совершает вооруженный переворот и приводит к власти своего лидера, М. Джотодия. Данное событие точно определило основные стороны конфликта. С одной стороны, правительство, возглавляемое смещенным президентом Ф.Бозизе. С другой стороны, вооруженные мятежники группы «Селека». Мятежные группировки фактически сформировались в период с 2007 по 2012 год, и включали в себя представителей Чада, Судана, Дарфура, ЦАР и др. Общая численность «Селеки» достигала около 5000 человек. После смещения Ф.Бозизе в течение более года власть в Республике принадлежала мятежникам. Этот период незаконной власти привел к тому, что более 290 тысяч граждан ЦАР были вынуждены покинуть Республику, а около 1000 были убиты. Несогласные с подобными действиями христианские группы самообороны, объединившись в формирование имеющее название «Антибалака» уже к декабрю 2013 года предприняли попытку совершить наступление в направлении столицы страны города Банги. Наступление увенчалось успехом. В период января 2014 года, в условиях международного давления подразделения «Антибалаки» вынудили М. Джотодия уйти в отставку. Ситуация привела к тому, что «Селека» фактически распалась, её разрозненные вооруженные группы стали называться «экс-Селека». В январе 2014 года в стране формируется временное правительство во главе с бывшим мэром столицы К. Самба-Панза. Проведенные в феврале 2016 года выборы президента ЦАР принесли победу бывшему руководителю столичного университета Ф.А. Туадера. Под его управлением вооруженные силы ЦАР проходят подготовку с помощью военных специалистов из России. Действительно, в период декабря 2017 года в виде исключения ООН изменила условия эмбарго в отношении ЦАР. Тогда Российская Федерация, получив разрешение ООН осуществила поставку стрелкового вооружения и боеприпасов к ним. Уже в начале 2018 года в республику было направлено до 170 военных инструкторов

и 5 военных советников. Основная задача, которых заключалась в организации обучения контингента местных военнослужащих. В конце лета 2018 года между ЦАР и Российской Федерацией был подписан договор о военном сотрудничестве. Соглашение предусматривало увеличение числа российских военных инструкторов, а также возможность военнослужащим ЦАР обучаться в военно-учебных учреждениях России [6].

Стоит отметить, что под управлением Ф.А. Туадера вооруженный конфликт перешел в более спокойную фазу. Между тем нестабильность в политической сфере сохранилась, что на фоне межконфессиональных разногласий представляет собой острую проблему. Попытки заключения мирных договоров руководством ЦАР предпринимались:

- в 2014 году (г. Браззавиль);
- в 2015 году (г. Найроби, г. Банги);
- в 2017 году (г. Рим);
- при содействии Российской Федерации в 2019 году (г. Хартум).

Усилия ООН по развертыванию ширококомасштабной программы демобилизации, разоружения незаконных вооруженных формирований в целях стабилизации ситуации в ЦАР осуществлялись на основании Главы VII Устава Организации Объединенных Наций (Резолюция СБ ООН 2149 (S/RES/2149 от 10 апреля 2014 г.) [7]. Такое решение позволило перейти к реорганизации миротворческих сил под руководством Африканского союза. Уже к 15 сентября 2014 года ООН смогла обеспечить работу переходной группы для формирования «Многопрофильной комплексной миротворческой миссии «MINUSCA»». Основным результатом деятельности переходной группы стала передача властных и силовых полномочий от АФИСМ-ЦАР к «MINUSCA». Структурно в состав миссии вошли:

- «Объединенное представительство ООН по миру строительству ЦАР (ОПООНМЦАР). Данная структура была создана как преемник «Отделения ООН по поддержке «миростроительства» в ЦАР»;
- «Международная миссия под африканским руководством по поддержке в ЦАР» – (АФИСМЦАР была учреждена 5 декабря 2013 г. резолюцией СБ ООН 2127).

Численность АФИСМЦАР на тот период достигала 6000 человек [8]. Однако деятельность АФИСМЦАР не смогла стать эффективной. Причинами стали низкий институциональный потенциал, сложная многоуровневая структура управления вооруженным контингентом, серьёзная зависимость от поддержки международного сообщества. Реорганизация позволила привлечь в распоряжение миссии ООН до десяти тысяч военнослужащих и около 1,8 тысячи полицейских [9, с.354]. Уже в сентябре 2021 года численность миротворческого контингента полицейских, военнослужащих и лиц гражданского персонала миссии составляла более

15000 человек. Стоит отметить, что мандат миротворческой миссии ООН в ЦАР включал более широкие полномочия, чем обычно и позволял осуществлять следующие основные функции:

- защита гражданского населения;
- содействие распространению государственной власти;
- развертывание сил безопасности;
- сохранение территориальной целостности;
- поддержка мирного процесса;
- содействие незамедлительной, безопасной и беспрепятственной доставке гуманитарной помощи в полном объеме;
- защита ООН;
- поощрение и защита прав человека;
- оказание помощи властям ЦАР в организации выборов 2024-2025 годов;
- реформирование сектора безопасности;
- разоружение, демобилизация, реинтеграция и репатриации членов вооруженных групп;
- поддержка усилий в области правосудия, борьбы с безнаказанностью и обеспечения верховенства права.

В целях реализации полномочий миротворческого мандата вооруженными силами республики совместно с силами «MINUSCA» в апреле 2018 года в пригороде столицы городе Банги была проведена силовая акция по принудительному разоружению незаконной мусульманской группы боевиков. Однако это создало условия к увеличению числа вооруженных столкновений, в ходе которых было ранено до 150 и убито до 20 человек. При этом тела убитых были разложены перед штабом «MINUSCA», что в свою очередь привело к обвинению сотрудников миссии ООН в уничтожении невиновных гражданских лиц [10]. В этом же 2018 году в ходе вооруженной террористической атаки на христианскую церковь в г. Банги было убито 16 человек. Межэтнические акты терроризма происходили в Бамбари что привело к разрушению объектов инфраструктуры [11]. В июне 2018 года в пригороде Бамбари в ходе нападения на патруль «MINUSCA» был убит миротворец из числа контингента государства Бурунди. В ноябре того же года в ходе террористической акции был убит миротворец, военнослужащий Танзании. В конце июля 2018 года были убиты трое российских журналистов [12]. По итогам 2018 года число жертв террористических актов превысило несколько сотен человек [13].

В настоящее время численность миротворцев в ЦАР с учетом военных наблюдателей, военных штабных офицеров, сотрудников исправительных учреждений, сотрудников полиции достигает 17420 человек. Стоит отметить, что незаконные вооруженные группировки поддерживают воору-

женные столкновения между собой. Так «Антибалака» преследует цели, связанные с вытеснением этнического мусульманского населения из центральных и западных регионов республики. Кроме того, многочисленные группы «экс-Селека» продолжают насильственные попытки поддержания контроля, над районами республики, имеющие полезные ископаемые и имеющие связи с поддерживающими «Антибалаку» мусульманами. Действующее правительство Ф. А. Туадера не имеет достаточных сил и средств способных обеспечить защиту граждан за границами столичной агломерации. В условиях, когда незаконные вооруженные группировки контролируют значительную часть территории республики, нерешаемая проблема безнаказанности вооруженных преступников не может способствовать повышению уровня доверия к правительству. С учетом заинтересованности руководителей незаконных группировок осуществлять контроль над природными ресурсами возможность достижения какого-либо консенсуса маловероятна. Такая ситуация с учетом экономической деградации формирует благоприятные условия к поддержанию и развитию вооруженного конфликта в республике и в значительной степени усложняла работу миротворческой миссии.

Отдельного внимания в рамках реализации миротворческих функций ООН требует вопрос финансирования миротворческих миссий. Действительно бюджет всех миротворческих инициатив в период «холодной войны» колебался в интервале 150 – 180 млн. долларов США. Уже в постсоветский период эти показатели значительно увеличиваются. Так финансирование в разные периоды составляло:

- с 1 ноября 2004 года мирные инициативы в Центральноафриканской Республике финансировались «Африканским обеспечением мира» (African Peace Facility, APF), что включало финансовую помощь более чем 100 млн. евро [9];

- период с 2016 по 2017 гг. – 7,316 млрд. долларов США;

- период с 2018 по 2019 гг. – 6,7 млрд. долларов США.

К числу самых затратных миротворческих операций ООН относятся миссии на территории Африканского континента. Подобное обусловлено числом миссий и их уникальными особенностями. Действительно финансирование Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации мира в Центральноафриканской Республике осуществляется в строгом соответствии с регламентирующими документами ООН. Так резолюция 78/298 принятая Генеральной Ассамблеей 28 июня 2024 года продлевает действие мандата миротворческой миссии в ЦАР до 15 ноября 2024 года. Наряду с этим в этой же резолюцией утверждается бюджетная смета миссии на период с 1 июля 2024 года по 30 июня 2025 года. На этот период времени финансовое сопровождение миссии в Центральноаф-

риканской Республике составляет сумму в размере 1283314000 долларов США. Финансовая нагрузка распределяется на государства пропорционально, что составляет 4812427000 долларов США. Подобные соотношения соответствуют уровням, установленным в рамках резолюции 76/239 от 24 декабря 2021 года. И шкале взносов на 2024 год (резолюция 76/238 от 24 декабря 2021 года). Такое финансирование миротворческой миссии позволяет говорить о важности для стран членов ООН поддержания мира в данном регионе.

Традиционное отношение ООН к вопросу реализации миротворческих миссий позволяет говорить о трансляции желания либерально устроенных обществ мирно сосуществовать со своими соседями. Тогда сам процесс миротворчества становится попыткой формирования такого политического устройства, в стране принимающей миссию ООН, которая другими странами – участниками мирного процесса будет считаться правильным направлением развития. Подобный подход в миротворческой практике ООН, который не может выбирать сторону конфликта, на территории Центральноафриканской Республики ведет к обострению внутренних вооруженных конфликтов. Действительно, желание ООН повысить влияние международных структур за счет целенаправленного уравнивания в правах законной гражданской власти и мятежных вооруженных группировок только усиливают вектор внутренней вооруженной эскалации конфликта. Что приводит к тому, что члены миссии «MINUSCA» перестают пресекать попытки вооруженных банд нападать на мирное население и сохраняют возможность для раненных боевиков избежать правосудия со стороны законных властей. Кроме того не стоит забывать о наличии оставшегося влияния на руководство Республики страны – метрополии, которая не попытается расставаться с колониальным прошлым.

Библиографический список:

1. Лямзин А.В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции / А.В. Лямзин, Н.С. Еланцева, Ю.В. Николаев // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 37-46.
2. United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines / International Peacekeeping, Volume 15, Issue 5 (2008) // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13533310802396475> (29.09.2024).
3. United Nations Peacekeeping. Global peacekeeping date (as of 31 July 2024) // URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/data> (29.09.2024)
4. Where We Operate // United Nations Peacekeeping. // URL: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (29.09.2024)
5. MISCA Establishment // MISCA. // URL: <http://misca.peaceau.org/en/page/110-about-misca> (29.09.2024).
6. Березовский, Г. Выгодный плацдарм: кому нужна российская база в Африке // Газета.ру. 10.01.2019. // URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/01/10/12123589.shtml>. (Дата обращения: 29.09.2024).
7. Резолюция 2149 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7153-м заседании 10 апреля 2014 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/295/83/PDF/N1429583.pdf?OpenElement> (Дата обращения: 29.09.2024)
8. Violence in the Central African Republic. February. 2019 // URL: <https://www.cfr.org/interactives/global-conflict-tracker#!/conflict/violence-in-the-central-african-republic> (23.02.2019).

9. Худайкулова А.В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза / Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. № 2. 2023. С.339-357. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357
10. Central African Republic: Renewed violence and Conflict. 2019 // URL: <https://www.doctorswithoutborders.ca/country/central-african-republic-renewed-violence-and-conflict> (29.09.2024).
11. Chronology of Events revised on 4 January 2019 // URL: <https://www.securitycouncilreport.org/chronology/central-african-republic.php> (29.09.2024).
12. В ЦАР направлены дополнительные запросы по делу об убийстве журналистов РФ. 12 февраля 2019. (Additional inquiries about the murder case of Russian journalists were sent to the CAR. February 12, 2019) // <https://regnum.ru/news/polit/2571178.html> (29.09.2024).

Reference

1. Lyamzin A.V. UN peacekeeping operations: main directions of evolution / A.V. Lyamzin, N.S. Elantseva, Yu.V. Nikolaev // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2019. № 1. P. 37-46.
2. United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines / International Peacekeeping, Volume 15, Issue 5 (2008) // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13533310802396475> (29.09.2024).
3. United Nations Peacekeeping. Global peacekeeping date (as of 31 July 2024) // URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/data> (29.09.2024)
4. Where We Operate // United Nations Peacekeeping. // URL: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (29.09.2024)
5. MISCA Establishment // MISCA. // URL: <http://misca.peaceau.org/en/page/110-about-misca> (29.09.2024).
6. Berezovsky, G. A profitable springboard: who needs a Russian base in Africa // Gazeta.ru. 10.01.2019. // URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/01/10/12123589.shtml>. (29.09.2024).
7. Resolution 2149 (2014), adopted by the Security Council at its 7153rd meeting, on 10 April 2014 // Official website of the United Nations. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/295/83/PDF/N1429583.pdf?OpenElement> (Accessed: 29.09.2024)
8. Violence in the Central African Republic. February. 2019 // URL: <https://www.cfr.org/interactives/global-conflict-tracker#!/conflict/violence-in-the-central-african-republic> (23.02.2019).
9. Khudaykulova A.V. Regionalization of peacekeeping in Africa: the experience of the African Union / Bulletin of RUDN. Series: International Relations. No. 2. 2023. P.339-357. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357
10. Central African Republic: Renewed violence and Conflict. 2019 // URL: <https://www.doctorswithoutborders.ca/country/central-african-republic-renewed-violence-and-conflict> (29.09.2024).
11. Chronology of Events revised on 4 January 2019 // URL: <https://www.securitycouncilreport.org/chronology/central-african-republic.php> (29.09.2024).
12. Additional inquiries about the murder case of Russian journalists were sent to the CAR. February 12, 2019 // <https://regnum.ru/news/polit/2571178.html> (09.29.2024).

Храмов И.Ю.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Эволюция движения Black Lives Matter: от протестных акций к появлению национальной организации Black Lives Matter global network в 2013-2014 гг.*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция протестного движения Black Lives Matter (BLM) в 2013-2014 гг. от низовых уличных акций до формирования национальной организации в США Black Lives Matter Global Network (BLMGN). Для анализа автор использовал публицистические материалы периодических изданий, мемуары участников движения, статистические источники, публикации организаций, связанных с движением BLM, которые ранее не привлекались в исследованиях. В результате исследования утверждается, что протесты в городе Фергюсон в 2014 г. позволили выдвинуться в лидеры движения нескольким гражданским активистам. В публичной политике эти личности искали разные пути для укрепления лидерства, что в результате привело к формированию национальной организации BLMGN с несколькими отделениями по всем США.

Ключевые слова: движение «Жизни чернокожих имеют значение», социальные движения, расизм, движение чернокожих.

Khramov I. Yu.

Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

The evolution of the Black Lives Matter movement: from protest actions to the emergence of the national Black Lives Matter global network organization in 2013-2014

Abstract. The article examines the evolution of the Black Lives Matter (BLM) protest movement in 2013-2014 from grassroots street actions to the formation of a national organization Black Lives Matter Global Network (BLMGN) in the United States. For the analysis, the author used journalistic materials of periodicals, memoirs of the movement's participants, statistical sources, and publications of organizations related to the BLM movement, which have not been previously involved in the research. The study argues that the 2014 protests in the city of Ferguson allowed several civic activists to emerge as

---

* © Храмов И.Ю., 2025.

leaders of the movement. In public policy, these individuals sought different ways to build leadership, resulting in the formation of a national BLMGN organization with several chapters across the United States.

Key words: Black Lives Matter movement, social movement, racism, black movement.

Введение.

Прежде чем перейти к подробному анализу истории движения Black Lives Matter (BLM) необходимо разобраться, что именно подразумевалось под словами «Black Lives Matter». Данная проблема уже поднималась в работе Дина Фрилона, Чарльтона Макилвейна и Мередит Кларк. Они указали, что словосочетание «Black Lives Matter» использовалось как лозунг, как название организации, лидерами которой стали А. Гарза, П. Каллорс и О. Томети, так и для обозначения всех организаций, отдельных лиц, протестов и цифровых ресурсов, которые стремились распространить информацию о полицейской жестокости в отношении чернокожих. Данные исследователи предлагали разграничить понятия: «Для уточнения наших рассуждений на следующих страницах мы будем использовать термин «Black Lives Matter» для обозначения официальной организации; «#Blacklivesmatter» для обозначения хэштега; и «BLM» для обозначения движения в целом» [1, p. 9].

Журналист Washington Post Уэсли Лоури, освещавший протесты в Фергюсоне в 2014 г. отметил, что «Black Lives Matter» могло подразумевать лозунг, широкое движения чернокожих в США и более формальную сеть союзников под руководством чернокожих активисток Алисии Гарзы, Патрисс Каллорс и Опал Томети. По словам У. Лоури, в СМИ движением BLM стали называть общенациональное движение чернокожих во время протестов в Фергюсоне в 2014 г. Это было спровоцировано отчасти потому, что журналисты и сам У. Лоури не имели ясной картины на месте событий [2].

В 2020 г. прошли самые крупные протесты в истории США с лозунгами движения BLM. Массовые демонстрации длились в течение нескольких месяцев. В них приняло участие около миллиона американцев [3, P. VIII]. Протесты распространились на Европу, Австралию и Новую Зеландию, Латинскую Америку и Азию [см., например, 4; 5; 6; 7]. Однако в исследовательских статьях практически не уделено внимание тому, как стал популярен хэштег «blacklivesmatter» и как это привело к формированию национальной организации Black Lives Matter Global Network (BLMGN).

Появление хэштега «blacklivesmatter»

Впервые хэштег «blacklivesmatter» был использован летом 2013 г. 13 июля был объявлен оправдательный приговор Джорджу Циммерману. Он

застрелил 17-летнего чернокожего Трэйвона Мартина в Санфорде, штат Флорида, 26 февраля 2012 г. [8]. Дж. Циммерман заподозрил Т. Мартина в противозаконной деятельности и начал его преследование, во время которого между ними произошел конфликт.

По данным Pew Research Center, 86% чернокожих были недовольны итогом дела, а 78% считали, что расовый вопрос был особенно важен и требовал публичного обсуждения [9]. Общественная активистка А. Гарза написала пост в социальных медиа, в котором выразила свое недовольство итогом суда над Дж. Циммерманом. Она назвала свой пост «Письмом любви к чернокожим» [2]:

«Где те люди, которые говорят, что мы находимся в пострасовой Америке? Где те люди, которые говорят, что мы перешагнули через расовую принадлежность и что чернокожим, в частности, нужно смириться с этим? Самое печальное, что часть Америки сейчас ликует и празднует.

Меня тошнит от этого. Мы должны собраться, мы все. Наши жизни висят на волоске. Молодые чернокожие мальчики в этой стране не в безопасности. Чернокожие мужчины в этой стране не в безопасности. Этот судебный вердикт создаст еще много Джорджей Циммерманов» [10].

Активистка П. Каллорс сделала репост записи с хэштегом «blacklivesmatter» [11]. Буквально лозунг переводился как «Жизни чернокожих имеют значение». Более подробное объяснение А. Гарза дала в своей статье феминистскому журналу:

«#BlackLivesMatter не означает, что ваша жизнь не важна – это означает, что жизни чернокожих, которые в мире господства белых обесцениваются, важны для вашего освобождения... Мы не говорим, что жизни чернокожих важнее остальных, или что деятельность других людей не криминализируется и другие жизни не подвергаются различным видам угнетения» [12].

Это было первое использование лозунга под видом хэштега. Однако он не был известен широкой публике [2]. Хэштег стал популярным лишь во время протестов в Фергюсоне в ноябре 2014 г. По данным Pew Research Center, «во второй половине 2013 г. хэштег появился в Twitter¹ всего 5106 раз (в среднем 30 раз в день)» [13].

Протесты в Фергюсоне начались почти сразу после смерти 18-летнего чернокожего Майкла Брауна. Он участвовал в ограблении магазина днем 9 августа 2014 г. в Фергюсоне – в одном из пригородов Сент-Луиса, штат Миссури. В процессе погони и задержания М. Браун был застрелен белым офицером полиции Дарреном Уилсоном. Тело М. Брауна оставалось лежать на земле четыре с половиной часа. Местные жители стали собираться

¹ Сайт X (ранее Twitter) заблокирован в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со статьей 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

вокруг места убийства. М. Браун был безоружен, а «его непокрытое тело на земле напоминало местным чернокожим жителям об ужасах линчевания», как писал У. Лоури. Позже люди стихийно стали создавать мемориал на месте смерти М. Брауна [1, р. 2].

Тем не менее, убийство чернокожего полицией и недовольство местного населения не привлекли внимания национальных СМИ. Среди жителей района распространились слухи, что полицию вызвали сотрудники заправочной станции. В результате, разъяренная толпа разграбила и сожгла ее. Только после этого случая события в Фергюсоне получили широкое освещение в новостях [1, р. 8].

Местные протестующие стали прибегать к использованию альтернативных источников распространения информации – социальных сетей, самой популярной из которых оказался Twitter. Как писали Д. Фрилон, Ч. Макилвейн и М. Кларк, социальные сети позволяли протестующим уравнивать свои возможности в распространении информации с возможностями официальных СМИ, преследовавших прокорпоративные, проправительственные интересы. К 2014 г. Twitter являлся особенно популярной платформой среди черных, а само понятие «черный Twitter» назвали культурным феноменом [1, р. 8]. Это способствовало тому, что новости о протестах чернокожих быстро распространялись в Twitter.

Полиция отреагировала жесткими мерами на стихийное недовольство и мобилизацию местного чернокожего сообщества. 11 августа полицейские применили слезоточивый газ и резиновые пули для разгона протестующих, что только усугубило ситуацию и вызвало большее недовольство у протестующих. В это время в Twitter стали активно распространяться хэштеги под публикациями о протестах в Фергюсоне: «#Ferguson», «#MikeBrown», «#iftheygunmedown» [2], «#HandsUpDontShoot», «#NoJusticeNoPeace», «#Justice4All» и др. [1, р. 33]. Хэштег *blacklivesmatter* использовался 10 августа 565 раз в основном в постах аккаунтов, принадлежавших правозащитникам. Он не входил даже в первую десятку наиболее часто используемых хэштегов. Активисты применяли его во время марша протеста в Фергюсоне 30 августа и во время блокировки автомагистрали в Атланте 22 октября [1, 33-34].

Этот же хэштег ранее появился в Twitter 581 раз в течение нескольких недель после смерти чернокожего Эрика Гарнера. Он скончался в больнице после задержания полицейскими в Нью-Йорке 17 июля 2014 г. [1, р. 33-34]. Случай задержания Э. Гарнера полицейским Дэниелом Панталео и другими офицерами попал на камеру мобильного телефона и был показан СМИ. На видео было видно, как Э. Гарнер предупреждал офицеров, что не может дышать (фраза «I can't breathe!» была произнесена 11 раз).

По словам одного из активистов протестов в Фергюсоне в 2014 г. Рея Маккессона, решение об использовании хэштега «*blacklivesmatter*» в каче-

стве основного хэштега для освещения событий в Фергюсоне было вызвано тем, что интернет-«тролли» активизировали свою деятельность и использовали «#Ferguson» [14, р. 172]. Сам Р. Маккессон прибыл в Фергюсон уже во время протестов [7].

Активное использование хэштега «#blacklivesmatter» в сети было 22 ноября 2014 г. из-за убийства чернокожего полицией [7]. В этот день в Кливленде, штат Огайо, 12-летний Тамир Райс был застрелен белым полицейским Тимоти Лохманном. Офицеры получили вызов с информацией о человеке с оружием. Т. Райс играл с игрушечным пистолетом в парке. Ситуация была запечатлена на камеру и позже видео было опубликовано. На записи было видно, как офицеры стреляли в сторону Т. Райса.

Хэштег «#blacklivesmatter» набрал наибольшую популярность 24 ноября 2014 г. Этот рост был вызван решением прокурора округа Сент-Луис, Роберта Маккалоу, не предъявлять обвинений Д. Уилсону в убийстве М. Брауна. Позже распространению хэштега способствовали и другие события. В декабре новые акции против жестокости полиции прошли в Нью-Йорке, в Вашингтоне, округ Колумбия, г. Окленде, штат Калифорния, и др. местах. Американские знаменитости так же стали использовать хэштег в своих публикациях [15, р. 81]. Как заключают Д. Фрилон, Ч. Макилвейн и М. Кларк, события конца ноября и начала декабря 2014 г. помогли вывести употребление лозунга и хэштега «blacklivesmatter» за узкий круг активистов движения чернокожих; хэштег, созданный изначально в онлайн пространстве, распространился среди активистов во время протестов и позже обрел более широкую популярность в интернете [1, р. 34].

Однако распространение хэштега еще не говорило об успехах движения BLM. «#blacklivesmatter» являлся единственным хэштегом, заострявшим внимание на расовой проблематике в отличие от других хэштегов. Он способствовал привлечению внимания населения страны, особенно чернокожих. Стихийный выход на демонстрации чернокожего населения в Фергюсоне сумел привлечь внимание американцев к проблеме расизма в США.

Появление лидеров протестов в Фергюсоне в 2014 г.

Протестующие в Фергюсоне отвергли традиционных религиозных лидеров черного движения. Американский историк Пеннел Джозеф писал: «...местные активисты освистали таких борцов за гражданские права, таких как Джесси Джексон и Эл Шарптон. Когда NAN [National Action Network] Шарптона организовала марш протеста в Вашингтоне, некоторые из этих же активистов вышли на сцену, чтобы выразить протест против, по их мнению, попытки более влиятельных групп захватить власть в их движении, заглушив их голоса» [16, р. 137]. По воспоминания А. Гарзы, семья М. Брауна была рада поддержке преподобных Д. Джексона и Э. Шарптона, однако

друзья погибшего юноши и вышедшие на улицы чернокожие не приняли их в качестве голосов протеста [10].

Пригород Фергюсон, населенный преимущественно черным рабочим классом, привлек внимание многих гражданских активистов по стране. В Миссури на момент протестов в 2014 г. 79,9% населения были белые и 11,6% черные. При этом был существенный разрыв в благосостоянии между белыми и чернокожими. Среди бедноты 20% чернокожие, а 66,1% составляли белые [17].

В результате освещения протестов в СМИ на месте событий появились представители различных правозащитных организаций и сообществ, а также новые лидеры. В начале протестов на месте присутствовали Organization for Black Struggle (OBS) под руководством Джамалы Роджерс, Missourians Organizing for Reform and Empowerment (MORE) – бывший филиал Association of Community Organizations for Reform Now (ACORN), занимавшейся проблемами климата [2]. Из-за распространения хэштега и лозунга «Black Lives Matter», журналисты стали называть демонстрации в Фергюсоне протестами движения Black Lives Matter. Для более броских заголовков они стали искать лидеров этого движения. Одним из них СМИ назвали Р. Маккессона.

Р. Маккессон работал учителем, а затем служащим в отделе кадров в школах в Балтиморе, штат Мэриленд, и в Миннеаполисе, штат Миннесота. По приезду в Фергюсон он познакомился с местными активистами Джонеттой Эльзи, Бриттни Пакнетт и Джастинном Хэнсфордом. Вместе они создали информационный бюллетень в Twitter, освещавший в постах соцсети ежедневные события протестов в Фергюсоне. Как пишет У. Лоури, к октябрю Р. Маккессон стал «незаменимым источником информации», поскольку внимание СМИ ослабло к волнениям в Фергюсоне и их освещение легло на плечи чернокожих активистов [2].

Еще одно убийство чернокожего белым полицейским произошло 8 октября в Сент-Луисе [18]. После этого активисты организовали ночной марш. Планы скрывались и сигнал к выходу на улицу был дан через Twitter. Марш прошел до заправки, у которой дежурили волонтеры, чтобы не было погромов. Затем началась сидячая забастовка [2]. Таким образом, активисты использовали Twitter в качестве коммуникации для организации уличной акции.

11-12 октября, в Фергюсоне состоялось мероприятие «Ferguson October». Для его организации несколько чернокожих лидеров, групп и организаций объединили свои силы. Среди них были Р. Маккессон, Д. Эльза, А. Гарза, П. Каллорс, О. Томети, Алексис Темплтон, Кайла Рид, Черрелл Браун (Justice League NYC²), Мервин Маркано (Advancement Project³), Чарльз

2 «Лига справедливости в Нью-Йорке».

3 «Проект развития».

Уэйд, национальная группа по защите гражданских прав и др. На воскресной вечерней демонстрации две группы людей разделились. Одна играла организовала уличную акцию, перекрыв движение, другая группа организовала марш к кампусу местного университета [2].

Позже Р. Маккессон пытался баллотироваться в мэры Балтимора, откуда он был родом. Этому предшествовало очередная смерть чернокожего после действий полицейских 12 апреля 2015 г. в Балтиморе. Им был 25-летний Фредди Грей. Он получил тяжелые травмы в ходе перевозки в полицейском фургоне. Задержание Ф. Грея попало на камеру телефона. Поводом для его задержания стал увиденный офицером складной нож.

Население Балтимора было недовольно очередной смертью чернокожего от рук полиции. В Балтиморе начались протесты, которые переросли в столкновения с полицией. Мэр объявил чрезвычайное положение и прибег к помощи Национальной гвардии [19, 20]. На официальном телевидении Р. Маккессон был показан как лидер протестующих в Балтиморе.

События осени 2014 г. и весны 2015 г. возвысили Р. Маккессона в глазах СМИ. Журналисты искали, кого назначить лидером протестного движения в стране. Некоторые сделали Р. Маккессона «голосом протеста». После этого он решил баллотироваться в мэры, однако кампания прошла неудачно [2].

А. Гарза, П. Каллорс и О. Томети отправились в Фергюсон во второй половине августа 2014 г. П. Каллорс совместно с публицистом Дарнеллом Муром и другими активистами организовали Black Lives Matter Freedom Ride⁴. По воспоминаниям П. Каллорс, они получили 50 тыс. долл. через CrowdRise – платформу для сбора пожертвований. П. Каллорс и Д. Мур были в постоянном контакте с активистами в Фергюсоне и наиболее тесно работали с Шерааз Горман, находившейся в центре событий с первого дня. Активисты в разных городах организовали людей через социальные медиа для совместной поездки в Фергюсон на автобусах⁵ [11]. Сама П. Каллорс и Д. Мур прибыли в Фергюсон 23 или 24 августа [21, р. 308]. В Фергюсон отправились чернокожие юристы, медики, учителя и журналисты. Всего более 500 участников со всех США присоединились к акции Black Lives Matter Freedom Ride [10].

А. Гарза, П. Каллорс и О. Томети так же, как и Р. Маккессон, стали появляться в национальных СМИ в качестве лидеров движения BLM. 8 декабря 2014 г. А. Гарза и П. Каллорс предстали перед широкой публикой на CNN [22]. Однако не все, кто идентифицировали себя с движением BLM, были членами официальной организации. А. Гарза вспоминала:

4 «Поездки свободы». П. Каллорс и Д. Мур взяли название со времен движения за гражданские права в 1950-1960 гг. «Всадники свободы» («Freedom Riders»).

5 Среди них П. Каллорс упоминает Монику Деннис, организовавшую людей в Бруклине, и Логана Коттона в Техасе.

«Black Lives Matter» действительно стала общим ярлыком в отношении людей, выступавших против насилия со стороны полиции. Отчасти это было вызвано ленью журналистов и некоторых работников СМИ, которые используют «Black Lives Matter» в отношении всего, что связано с чернокожими и протестами, но они забывают уточнить, «Black Lives Matter» – это и организация, и более широкое движение, охватившее страну и мир» [10].

Путаница, создаваемая журналистами, связанная с лидерством в BLM, порождала конфликты в черном движении. Р. Маккессон признавал ведущую роль в появлении движения за простыми протестующими в Фергюссоне [14, р. 172]. То, что ему приписывали создание движения BLM и создание хэштега в Twitter, вызывало недовольство у А. Гарзы. К тому же в своем Twitter Р. Маккессон критиковал попытки BLMGN консолидировать движение вокруг своей структуры [10].

А. Гарза упрекала Р. Маккессона в присвоении себе заслуг всего движения чернокожих. Это было связано с тем, что Р. Маккессон приходил на встречи с высокопоставленными чиновниками и представлял в новостных заголовках, как создатель хэштега «blacklivesmatter» и движения BLM. А. Гарза видела в этом «историческую динамику власти», возносившую мужчин в качестве лидеров за работу, которую выполняли женщины [10].

В 2017 г. на А. Гарзу, О. Томети, П. Каллорс, Р. Маккессона, Д. Эльзу было заведено уголовное дело за призыв к насилию. В ходе беспорядков в Батон-Руж, штат Луизиана, один из офицеров был ранен. Официальная организация BLMGN не была задействована в данных протестах [10]. Однако в них принимал участие и даже был арестован Р. Маккессон [14, р. 124]. Позже суд отклонил иск.

Протесты в Фергюссоне в 2014 г. способствовали встрече наиболее харизматичных и мотивированных черных активистов. На официальном сайте организации BLMGN было написано, что после событий в Фергюссоне у них стали появляться отделения в разных городах:

«Когда пришло время нам уезжать, вдохновленные нашими друзьями в Фергюссоне, организаторы из 18 разных городов вернулись домой и создали отделения Black Lives Matter в своих сообществах и городах... Вскоре мы создали Black Lives Matter Global Network» [23].

Заключение

Лозунг «Black Lives Matter» и одноименный хэштег стал наиболее узнаваемым. Он символично заострял внимание американцев на расовом вопросе. За счет работы СМИ новые лидеры сумели возвыситься во время протестов и найти себе путь в политику. Одним из них стал Р. Маккессон, попытавшийся войти в американский истеблишмент через выборы в мэры Балтимора. Другие, А. Гарза, П. Каллорс, О. Томети, сплотили активистов в

единую организацию чернокожих, чье внимание привлекли СМИ и публикации в Twitter.

Таким образом, протесты чернокожих в Фергюсоне в 2014 г. способствовали выдвижению новых лидеров. Создание официальной структуры под руководством А. Гарзы, П. Каллорс и О. Томети привело к эволюции движения в национальную организацию с отделениями в городах США, которое стало носить название BLMGN.

Библиографический список / Reference

1. Freelon D., McIlwain C., Clark M. Beyond the Hashtags: #Ferguson, #Blacklivesmatter, and the online struggle for online justice (Research Report) / D. Freelon, C. McIlwain, M. Clark. – Washington, DC: Center for Media & Social Impact, 2016. 92 p.
2. Lowery W. They Can't Kill Us All: Ferguson, Baltimore, and a New Era in America's Racial Justice Movement / W. Lowery. – NY: Little, Brown and Company, 2016. Электронное издание.
3. Get Your Knees Off Our Necks. From Slavery to Black Lives Matter / Ed. by B. Johansen, A. Akande. – Cham: Springer, 2022. 346 p.
4. Abrams B. Mobilisation without opportunity: The UK's 2020 Black Lives Matter protests // European Journal of Cultural and Political Sociology. 2023. Vol. 10. № 4. P. 603-631.
5. Shahin S., Nakahara J., Sanchez M. Black Lives Matter goes global: connective action meets cultural hybridity in Brazil, India, and Japan / S. Shahin., J. Nakahara., M. Sanchez // New Media & Society. 2024. Vol. 26. №1. P. 216-235.
6. Dejmancee T. [et al.]. #Aboriginallivesmater: mapping Black Lives Matter discourse in Australia / T. Dejmancee, M. Lorenz, J. Millar, K. Weber, Z. Zaher // Media International Australia. 2022. Vol. 184. № 1. P. 6-20.
7. Black Lives Matter in Europe. Transnational diffusion, local translation and resonance of anti-racist protest in Germany, Italy, Denmark and Poland / N. Milman [et al] // DeZIM Research Notes. 2021. № 6. 41 p.
8. Purnell D. 10 Years Since Trayvon. The Story of the First Decade of Black Lives Matter / D. Purnell // New York Magazine. – 2022. Jan., 31. // URL: <https://nymag.com/article/black-lives-matter-2022.html> (Дата обращения: 09.02.2025).
9. Big Racial Divide over Zimmerman Verdict // Pew Research Center. – 2013. July, 22. // URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2013/07/22/big-racial-divide-over-zimmerman-verdict/7-22-2013-1/> (Дата обращения: 09.02.2025).
10. Garza A. The Purpose of Power: How We Come Together When We Fall Apart / A. Garza. – NY: Penguin Random House, 2020. Электронное издание.
11. Khan-Cullors P., Bandle A. When They Call You a Terrorist: A Black Lives Matter Memoir / P. Khan-Cullors, A. Bandle. – NY: St. Martin's Press, 2018. Электронное издание.
12. Garza A. A Herstory of the #BlackLivesMatter Movement // The Feminist Wire. 2014. Oct., 7. // URL: <https://thefeministwire.com/2014/10/blacklivesmatter-2/> (Дата обращения: 13.02.2025).
13. Anderson M. The Hashtag #BlackLivesMatter Emerges: Social Activism on Twitter // Pew Research Center. – 2016. Aug., 15. // URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2016/08/15/the-hashtag-blacklivesmatter-emerges-social-activism-on-twitter/> (Дата обращения: 09.02.2025).
14. Mckesson R. On the Other Side of Freedom: Race and Justice in a Divided America. London: OneWorld, 2019. 220 p.
15. Langford C., Speight M. #BlackLivesMatter: Epistemic Positioning, Challenges, and Possibilities / C. Langford, M. Speight // Journal of Contemporary Rhetoric. 2015. Vol. 5. № 3/4. P. 78-89.
16. The Presidency of Barack Obama. A First Historical Assessment / Ed. by J. Zelizer. – Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2018. 346 p.
17. Missouri // DataUSA. // URL: <https://datausa.io/profile/geo/missouri> (Дата обращения: 15.05.2025).
18. Madhani A. No charges in VonDerrit Myers shooting in St. Louis / A. Madhani // USA Today. – 2015. May, 18. // URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2015/05/18/no-charges-vonderrit-myers-shooting-st-louis/27550017/> (Дата обращения: 12.02.2025).
19. Freddie Gray's Death in Police Custody – What We Know // BBC News. 2016. May, 23. // URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-32400497> (Дата обращения: 12.02.2025);
20. Bacon J., Welch W. Baltimore Police, Protesters Clash; 15 Officers Hurt / J. Bacon // USA Today. – 2015. April, 27. // URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2015/04/27/baltimore-credible-threat/26454875/> (Дата обращения: 12.02.2025).
21. Olusoga D. Black History Book. Big Ideas Simply Explained / D. Olusoga. – London: DK, 2021. 336 p.
22. CNN Newsroom. President Obama Says Racism Issue Is Progressing; The Duke and Duchess of Cambridge Stay Busy During U.S. Visit; Exclusive Interviews with Bill Cosby Accusers // CNN. – 2014. Dec., 8. // URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1412/08/cnr.08.html> (Дата обращения: 18.02.2025).
23. Herstory // Black Lives Matter. // URL: <https://blacklivesmatter.com/herstory/> (Дата обращения: 09.02.2025).

Ворожцова А.А.

Магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

«Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию топонима «Венесуэла» в контексте этнополитического развития страны в XV – первой половине XVI в. Применяя междисциплинарный подход, автор сочетает лингвистический и исторический анализ, чтобы проследить взаимосвязь между изменением названий территории и зарождением национальной идентичности. Особое внимание уделяется дискуссии о генезисе самого топонима, где рассматриваются две основные версии: «венецианская» и автохтонная. На материале документов колониального периода показано, когда и как термин «Венесуэла» был административно закреплён.

Ключевые слова: Латинская Америка, Венесуэла, конкиста, Великие географические открытия.

Vorozhtsova A.A.

Master's Degree Student, Moscow State Institute of International Relations (University).

‘Little Venice’ on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym ‘Venezuela’

Abstract. This article is devoted to the study of the toponym ‘Venezuela’ as a reflection of the country’s ethnopolitical development in the 15th and first half of the 16th centuries. Using an interdisciplinary approach, the author combines linguistic and historical analysis to trace the relationship between changes in the names of territories and the emergence of national identity. Particular attention is paid to the discussion of the genesis of the toponym itself, where two main versions are considered: the ‘Venetian’ and the indigenous. Based on documents from the colonial period, the article shows when and how the term ‘Venezuela’ was administratively established.

Key words: Latin America, Venezuela, Conquest, Great Geographical Discoveries.

Вопрос о названии любой страны – один из ключевых факторов ее этнополитического самоопределения. Венесуэла – колыбель национально-освободительного движения народов Латинской Америки против испанского владычества – не исключение. В «истоках» имени Венесуэлы тесно переплелись мифы конкистадоров о золоте Эльдорадо, колониальные притязания Испании и память о сопротивлении им со стороны аборигенов.

Настоящая статья посвящена проблеме происхождения названия «Венесуэла» в эпоху утверждения колониального режима Испании в конце XV – середине XVI в. На первый взгляд «узость» указанной проблемы очевидна: как будто она касается только сферы топонимики. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это далеко не так: наименование страны неразрывно связано с формированием государства и общественного самосознания. Данное обстоятельство выводит поставленную проблему далеко за сугубо топонимические рамки: в сущности, речь идет о рождении Венесуэлы как территориально-политического феномена. Это требует пристального изучения версий о происхождении названия «Венесуэла», выяснения момента его окончательного закрепления и выявления альтернативных наименований региона в бассейне Ориноко. Иными словами, чтобы адекватно ответить на вопрос о генезисе топонима Венесуэла, необходимо вписать его в широкий исторический контекст, чему прежде почти не уделялось должного внимания [6; 14; 15].

***

Христофор Колумб «подарил» Венесуэле сразу несколько имен. Как известно, в мае 1498 г. он отправился в свое **третье путешествие**. На этот раз, взяв курс **южнее**, он 31 июля 1498 г. открыл **остров Тринидад**. Остановившись набрать воды на острове, Колумб увидел вдали другой остров, который назвал святым (Isla Santa) [2, с. 37]. Впоследствии выяснилось, что на деле это – часть континента, а именно устье Ориноко, т.е. территория теперешней Венесуэлы.

После Тринидада Колумб двинулся на запад вдоль южного побережья острова, вскоре обнаружив новые земли. 5 августа 1498 г. экспедиция вошла в залив Пария, где моряки высадились в районе реки Ориноко. Будучи убежденным, что исследует восточные окраины Азии, Колумб так и не осознал, что перед ним – неизведанный доселе материк. Мореплаватель назвал эту территорию Земля Грасия (исп. Tierra de Gracia – «Земля Благодарности») [17, р. 14], ведь где-то здесь, по его мнению, должен скрываться потерянный «земной рай» [2, с. 395-396].

Испанцы активно искали материк: эту цель преследовали участники экспедиции 1499 г. под командованием конкистадора Алонсо де Охеды, которого сопровождали картограф, автор первой карты мира с изображе-

нием американского континента Хуан де ла Коса и итальянский торговец и мореплаватель Америго Веспуччи. Прочесывая побережье от пролива Бокас-дель-Драгон на востоке до мыса Вела на полуострове Гуахира, они обнаружили туземную деревню у входа в Венесуэльский залив.

Как писал сам Веспуччи **4 сентября 1504 г. тогдашнему гонфалоньеру (фактическому главе) республики Флоренции Пьетро Содерини**: «Мы высадились в этой гавани, где увидели деревню, построенную, подобно Венеции, на воде. Там было около 44 больших жилищ, наподобие хижин, возведенных на очень толстых сваях. У них были двери или вход в виде разводных мостов. Из одного дома можно было пройти в другой при помощи этих мостов, тянувшихся от дома к дому» [1, с. 350]. Близость к Венеции Веспуччи выразил в уменьшительно-уничижительной форме – Венесуэла, т.е. «маленькая Венеция». Аналогию с Венецией, вероятно, усиливало то, что она, играя важную роль в организации исследовательских и торговых предприятий, обладала значительными человеческими и финансовыми ресурсами [2, с. 470]. Богатство венецианской торговой буржуазии было столь огромным, что сам город именовали «золотым» [5, с. 143]. Ассоциация с великолепием и роскошью Венеции способствовала распространению названия «Венесуэла» среди конкистадоров. Их поиски золота и драгоценностей, надо полагать, вызывали в памяти образ легендарного города на воде, что и воплотилось в этом топониме.

Данная версия происхождения названия Венесуэлы долгое время считалась общепризнанной: в ее пользу высказывались как советские [6, с. 47; 8, с. 79; 9, с. 93], так и зарубежные ученые [13, р. 1343; 18, р. 34]. Однако сегодня среди латиноамериканских специалистов все более популярна точка зрения о том, что сравнение с Венецией беспочвенно, а корни происхождения названия Венесуэлы стоит искать в языках туземного населения. Так, К.А. Гомес указывает, что наименование происходит от индейской деревни Венечиуэла (Veneciuela) и связано с фонемами парауханцев, общавшихся на языке анью [14, р. 111]. Далее Р. Эрнандес Вильория отмечает, что автохтонное название означает «Большая вода» и отсылает к лагуне Маракайбо [15]. Это подтверждает Мартин Фернандес де Энсисо – испанский картограф и конкистадор, путешествовавший вместе с Охедой и де ла Косой в 1502 г. В книге «Сумма географии, посвященная всем частям и провинциям мира, особенно Индии», опубликованной в 1519 г., де Энсисо пишет: «А на краю земли есть большая скала, плоская на вершине. А на ее вершине находится место или дома индейцев под названием Венесиуэла» («... que se llama Veneciuela») [4, р. 144].

По-видимому, не исключая друг друга, справедливы обе версии: созвучие индейских топонимов испанской «маленькой Венеции» стало решающим фактором закрепления названия «Венесуэла» за регионом в бассейне Ориноко. Впервые на карте Венесуэла появилась в описании де ла Косы

1500 г. [18, р. 40-41], а в более поздних документах местность часто именовалась «Venezuela» или «Benezuela» [10, р. 6].

Между тем, когда де Охеда, де ла Коса и Веспуччи высадились на полуострове Гуахира, они не были уверены, что нашли материк и назвали это место остров **Кокибакоа** (Isla de Coquibacoa) [17, р. 39]. Чуть позже другой конкистадор Родриго де Бастидас в ходе экспедиции 1502 г. назвал побережье от Мараканы на востоке страны до Дарьена на западе «Тьерра Фирме» (Tierra firme – от исп. «материк», «букв материковая провинция») или полностью «Материковая часть Атлантического океана» («Tierra firme de las Indias del Mar Océano») [18, р. 45]. Изучение внутренних районов материка, особенно из города Коро, расположенного на западе Венесуэлы, привело к тому, что «маленькая Венеция» обрела новое имя – «Эльдорадо» [3, р. 8] (от исп. el dorado – «Золотая страна»). Это название отражало чаяния конкистадоров о несметных богатствах, скрытых в глубинах континента. Конкистадоры превратили Венесуэлу в гигантский золотоискательный лагерь, где каждый клочок земли тщательно прочесывали в погоне за мифическим Эльдорадо.

Хотя в процессе колонизации названия завоеванным территориям присваивали именно испанцы, аборигены Венесуэлы обладали собственными обозначениями для своих земель. В частности, араваки – группа индейских народов в Южной Америке, говорящих на аравакских языках – именовали обширную область от Касанаре до Апуре, от Ориноко до Андского хребта, словом «Эйрико» (Airico), и это название сохранялось вплоть до XVIII в. [11, р. 52]. При сопротивлении колонизаторам новые топонимы возникали не из географических реалий, а из боевых кличей и песен коренных жителей. Так, карибы дали своей земле имя, связанное с воинственным лозунгом: «Ана Карина Роте» (Ana Carina Rote), т.е. «Только мы – люди» [17, р. 49].

С другой стороны, вклад в топонимику внесли африканцы, привезенные в Америку в качестве рабов. В ходе восстания Мигеля де Бурья – африканского раба с золотых приисков долины реки Бурья, близ Баркисмето – объединились индейцы и черные невольники, образовавшие свободные поселения. Одно из них – Кумбе (в переводе «Поселение восставших рабов») – к 1552 г. разрослось в целое королевство Бурия, располагавшееся неподалеку от реки Сан-Педро [16, р. 161]. В нем возникли свои общественно-политические институты: церковь с епископом, королевский двор с офицерами, министры и государственные советники [12]. Правда, королевство просуществовало недолго: в 1555 г. оно было ликвидировано испанской военной экспедицией Диего де Лосады.

Нередко и сами конкистадоры давали наименования территориям в знак протеста против метрополии. Яркий пример – мятеж Лопе де Агирре. Его восстание началось как бунт участников экспедиции Педро де Урсуа в поисках Эльдорадо и быстро переросло в антиколониальный протест. После

устранения Урсуа в 1560 г. Агирре провозгласил себя «Князем Свободы», сформировал параллельные структуры власти и вступил в открытое противостояние с испанской монархией [12]. Во время своего перехода через Амазонку из Перу Агирре назвал эти земли **Мараньонией** (La Marañonia) Ла-Мараньония [7, с. 185] – по наименованию реки Амазонки, которую он окрестил **Рио-Мараньон**. Это название – от слова «**maraña**», что означает «густой кустарник», «запутанные заросли» или «труднопроходимая местность» [12]. Так Агирре метафорически подчеркивал и непроходимость этих земель, и, вероятно, сложность своего мятежного пути против испанской короны.

Возвращаясь к Венесуэле, отметим, что ее «торжество» как топонима произошло на рубеже 1520-х – 1530-х гг. В 1528 г. король Испании Карл I (он же Карл V как глава Священной Римской империи) предоставил Вельзерам – крупному банкирскому дому из Аугсбурга – исключительное право на освоение и колонизацию Венесуэлы. В капитуляциях (документах о передаче прав) император уступил Вельзерам территорию от Маракапаны до мыса Вела, обозначив ее как «земли Венесуэлы и ее провинции» [16, р. 49]. Окончательное закрепление названия «Венесуэла» относится к 1531 г., когда папа Климент VII учредил епископство Коро, используя в булле термин «земли Венесуэлы» [18, р. 49-50]. Таким образом, к середине XVI в. название страны утвердилось и в административных, и в церковных актах, что содействовало его повсеместному признанию.

Завершая, подведем некоторые итоги. Период с конца XV до середины XVI в. явился для Венесуэлы по сути начальным (первым) этапом складывания этнополитической идентичности. Этот этап, рассмотренный сквозь призму топонимики, можно охарактеризовать, как «мифологический», когда названия в основном несли в себе мечты и ожидания первооткрывателей («Земля Грасия», «Эльдорадо» и др.). В данной связи дискуссия о происхождении топонима «Венесуэла», где, как мы говорили, сталкиваются европоцентристская и автохтонная версии, весьма показательна. Данный спор воплощает одно из коренных противоречий, свойственных, пожалуй, всем постколониальным обществам: поиск баланса между наследием колонизации и аутентичной культурной традицией, ради национального самоопределения. Сегодня это противоречие в Венесуэле удастся снять «двойным способом»: апелляции к образу лидера борьбы за независимость – Симона Боливара – и в целом к опыту национально-государственного строительства XVIII – XIX в. Влияние упомянутого «фактора Боливара» на топонимику Венесуэлы в контексте ее общественно-политического развития будет разобрано в следующей статье.

Библиографический список:

1. Письма Америго Веспуччи / Пер. лат. и ит. текстов, комм. М.Н. Цетлина // Бригантина: Сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях / Сост. В. Стеценко. – М.: Молодая гвардия, 1971. С. 339-381.

2. Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Пер. с исп. и комм. Я.М. Света; вступ. ст. И.П. Магидовича. Изд. 2-е. – М.: Географгиз, 1952. 528 с.
3. Crónicas de El Dorado. Colección Claves de América. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2003. 144 p.
4. de Enciso M.F. Suma de geographia, que trata de todas las partidas e provincias del mundo en especial de las indias e trata largamente del arte del marcar etc. Sevilla, 1519. 159 p.
5. Акройд П. Венеция. Прекрасный город / Пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой и др. – М.: Издательство Ольги Морозовой, 2016. 490 с.
6. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т.: Т. II: Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1983. 399 с.
7. Низовский А.Ю. Сокровища конкистадоров. – М.: Вече, 2007. 400 с.
8. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. 509 с.
9. Пospelов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Отв. ред. Р.А. Агеева. 2-е изд., стереот. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. 512 с.
10. de Cisneros J.L. Descripción exacta de la provincia de Benezuela. Madrid: V. Suárez, 1912. 220 p.
11. Del Rey Fajardo J. Una utopía sofocada: reducciones jesuíticas en la Orinoquía. Caracas: Universidad Católica Andrés Bello, 1998. 115 p.
12. Diccionario de Historia de Venezuela: En 4 tomos. 2ª ed. Caracas: Fundación Polar, 1997 // URL: <https://bibliofep.fundacionempresaspolarg.org/dhv> (09.05.2025).
13. Everett-Heath J. The Concise Dictionary of World Place-Names. Oxford: University Press, 2018.
14. Gómez C.A. El nombre de Venezuela y la venezolanidad. Consciencia y Diálogo // Anales sobre temas de Ciencias Humanas, del Giscsval. Universidad de Los Andes, Mérida. 2011. № 2. P. 111-114.
15. Hernández Villoria R. El origen del vocablo de Venezuela es indígena, y quiere decir agua grande // Simón Bolívar, el hombre // URL: http://simon-bolivar.org/Principal/bolivar/numero_vzla.html (12.05.2025).
16. de Oviedo y Baños J. Historia de la conquista y población de la Provincia de Venezuela. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2004. 519 p.
17. Pardo I.J. Esta tierra de gracia. Colección El Dorado. Caracas: Editores Monte Ávila, 2007. 281 p.
18. Rodríguez Díaz A.J., Escamilla Vera F. 500 años del nombre de Venezuela // Biblio 3W. Revista Bibliográfica de Geografía y Ciencias Sociales. Universidad de Barcelona. 1999. № 152. P. 32-65.

Reference

1. Letters of Amerigo Vespucci / Transl. from Latin and Italian texts, commentary by M.N. Tsetlin // Brigantina: Collection of stories about travels, searches, discoveries / Comp. by V. Stetsenko. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1971. P. 339-381.
2. Travels of Christopher Columbus. Diaries, letters, documents / Transl. from Spanish and commentary by Ya.M. Svetá; introduction by I.P. Magidovich. 2nd ed. – Moscow: Geografiz, 1952. 528 p.
3. Crónicas de El Dorado. Collection of Claves of America. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2003. 144 p.
4. de Enciso M.F. Suma de geografiya, ke sto das las parts e protégécias del mundi en especial de las indias e bol'sha sto ka sto ka, etc. Seville, 1519. 159 p.
5. Ackroyd P. Venice. The Beautiful City / Translated from English by V. Kulagina-Yartseva et al. – M.: Olga Morozova Publishing House, 2016. 490 p.
6. Magidovich I.P., Magidovich V.I. Essays on the history of geographical discoveries. In 5 volumes: Vol. II: Great geographical discoveries (late 15th – mid 17th century). 3rd ed., revised and enlarged. – M.: Prosvshchenie, 1983. 399 p.
7. Nizovsky A.Yu. Treasures of the Conquistadors. – M.: Veché, 2007. 400 p.
8. Nikonov V.A. Brief Toponymic Dictionary. – M.: Mysl, 1966. 509 p.
9. Pospelov E.M. Geographical Names of the World. Toponymic Dictionary / Ed. R.A. Ageeva. 2nd ed., stereot. – M.: Russian Dictionaries; Astrel; AST, 2002. 512 p.
10. de Cisneros J.L. Descripción exacta de la provincia de Benezuela. Madrid: V. Suárez, 1912. 220 p.
11. Del Rey Fajardo J. Una utopía sofocada: reducciones jesuíticas en la Orinoquía. Caracas: Universidad Católica Andrés Bello, 1998. 115 p.
12. Diccionario de Historia de Venezuela: En 4 tomos. 2ª ed. Caracas: Fundación Polar, 1997 // URL: <https://bibliofep.fundacionempresaspolarg.org/dhv> (09.05.2025).
13. Everett-Heath J. The Concise Dictionary of World Place-Names. Oxford: University Press, 2018.
14. Gómez C.A. El nombre de Venezuela y la venezolanidad. Consciencia y Diálogo // Anales sobre temas de Ciencias Humanas, del Giscsval. Universidad de Los Andes, Mérida. 2011. № 2. P. 111-114.
15. Hernández Villoria R. El origen del vocablo de Venezuela es indígena, y quiere decir agua grande // Simón Bolívar, el hombre // URL: http://simon-bolivar.org/Principal/bolivar/numero_vzla.html (12.05.2025).
16. de Oviedo y Baños J. Historia de la conquista y población de la Provincia de Venezuela. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2004. 519 p.
17. Pardo I.J. Esta tierra de gracia. Colección El Dorado. Caracas: Editores Monte Ávila, 2007. 281 p.
18. Rodríguez Díaz A.J., Escamilla Vera F. 500 años del nombre de Venezuela // Biblio 3W. Revista Bibliográfica de Geografía y Ciencias Sociales. Universidad de Barcelona. 1999. № 152. P. 32-65.

Мартirosян В.Б.М.

Студент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Английский контрудар и завершение войны*

Аннотация. Данная научная статья посвящена событиям последовавшим за разгромом «непобедимой армады» в августе 1588 года. Объектом исследования являются отношения Британии и Испанской империи Габсбургов в период с 1588 по 1604 гг. Предметом исследования служат действия английского и испанского флотов на последнем этапе англо-испанской войны 1585-1604гг. Данное исследование строится на теории классического марксизма. Основными выводами проведенного исследования является переосмысление положений дел испанской и английской короны по итогам войны 1585-1604гг, которые принято изображать однозначно в ключе превосходства английской раннекапиталистической системы над регрессивным феодализмом испанской империи.

Ключевые слова: Испанская империя, Англия, Армада, Норис, Сантадер, Ла-Корунья, экспедиция Дрейка.

Martirosyan V.B.M.

Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Anglo-Spanish War 1585-1604 - English counterstrike and end of the war

Abstract. This article is devoted to the study of events following the defeat of the “invincible armada” in August 1588. The object of this study is relations between Britain and the Spanish Habsburg Empire in the period from 1588 to 1604. The subject of this study is actions of the English and Spanish fleets in the last stage of the Anglo-Spanish War of 1585-1604. The main conclusions of the study are the rethinking the states of affairs of the Spanish and English crown following the war of 1585-1604, which are usually depicted unequivocally in the key of the superiority of the English early capitalist system over the regressive feudalism of the Spanish Empire.

Key words: Spanish Empire, England, Armada, Noris, Santader, La Coruña, Drake's expedition.

---

* © Мартirosян В.Б.М., 2025.

Задачи стоявшие перед английским флотом

Это именно тот случай, когда вся мировая история могла бы сложиться по абсолютно по иному сценарию, если бы Английское королевство имело средства для нанесения молниеносного удара по ослабленному испанскому флоту после разгрома Непобедимой армады, однако средств для продолжения военных действий у Англии не было. И тогда, чтобы раздобыть эти самые средства для снаряжения кораблей, снабжения их провиантом и найма войска, королева Елизавета и её министр Фрэнсис Уолсингем создают финансовую концессию, куда привлекли английскую буржуазию, голландцев, а также государственные и собственные капиталы королевского дома. В том числе, членами концессии также стали, уже упоминавшиеся ранее, Дрейк, Хокинс и Норис¹.

На собранные средства удалось организовать экспедицию, перед которой ставилось три цели:

Уничтожить испанский флот в гаванях Сантадер и Сан-Себастьян;

Произвести перехват испанского серебряного каравана, шедшего из Южной Америки через Азорские острова;

Отбить недавно присоединённую испанцами Португалию от империи.

Португалия была присоединена к Испанской империи совсем недавно, но был жив ближайший родственник португальской королевской династии, приор ордена госпитальеров дон Антонио и если бы королева Елизавета могла посадить его на португальский престол, тем самым отторгнув Португалию от Испании, то Англия получила бы огромный дружественный плацдарм и удобнейшую гавань в виде Лиссабона на Пиренеях². Кроме того, Лондон не просто так делал ставку на Португалию – Елизавета использовала Виндзорский договор, подписанный еще в 1386 г.³, и закрепляющий союз между государствами.

Голландцами была выдвинута четвёртая задача, а именно захват Азорских островов. Поскольку голландские капиталовложения в английские концессии были весьма значительными, то и попросить о таком они могли⁴.

Однако изначально данный план столкнулся с рядом проблем. Помимо нехватки финансовых средств на его проведение, можно отметить еще два момента. Во-первых, это твердая уверенность в то, что удастся повторить

1 Мухеев Д.В. Развитие испанской оборонительной системы в Новом Свете накануне Англо-испанской войны // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. С. 158.

2 Antonio, prior of Crato // *Britannica* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/biography/Antonio-prior-of-Crato> (Дата обращения: 15.03.2023)

3 Аганов Г.А. Союз Англии и Португалии в период каролинской войны (1369–1396) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2014. № 3 (44). С. 43.

4 Wernham R.B. *After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588–1595* // Clarendon Press, Oxford. 1984. №16 (3). С. 291–293.

успех налёта Фрэнсиса Дрейка на Кадис в 1587 г. Испанцы же, напротив, извлекли уроки из предыдущей атаки, и как сам Ф. Дрейк писал в своих мемуарах в дальнейшем, что успех налета 1687 г. вряд ли удастся повторить еще раз, т.к. испанцы являются грозным и опытным противником⁵. Во-вторых, это вера в то, что португальская аристократия и духовенство поддержат дона Антонио. Однако он был внебрачным сыном деда последнего короля Португалии – Мануэла I, что уже делало его незаконным претендентом на португальский трон. Кроме того, еще в 1581 г. он, находясь на Азорских о-вах, обратился за помощью к французам⁶. Но эта попытка противостоять испанцам закончилась ничем, и он бежал в Париж. Поэтому португальская элита признала Филиппа II своим королем.

Осада Ла-Корунья и Лиссабона

С самого начала англичане утратили своё преимущество в виде эффекта неожиданности, потому как выйти до осенних штормов они не успели, а Испания в свою очередь, уже во всю силу развернула процесс восстановления флота. Английский эскадра представляла собой шесть галеонов, шестьдесят зафрахтованных и вооружённых торговых судов, шестьдесят голландских каперских судов, двадцать пинасов. На кораблях было 16 275 солдат, 1100 английских мушкетёров в качестве морской пехоты, а также около 5000 моряков в экипажах.

Итак, 19 апреля 1589 г «английская армада» вышла в море. Осознавая невозможность выполнить все поставленные перед ними задачи, Дрейк и Норрис должны были определиться с дальнейшими действиями. В итоге Дрейк принимает решение не идти ни на Азорские острова, ни в Сан-Себастьян и Сантадер, ни за серебряным караваном, а отправиться к Ла-Корунье, богатому испанскому городу, столице Галисии, где англичане смогли бы пограбить, поскольку там в это время стоял крайне немногочисленный гарнизон. 4 мая 1589 года англичане были замечены испанскими наблюдателями. У губернатора Ла-Коруньи в гарнизоне было около 1000 человек, также удалось набрать около 500 человек городского ополчения, а также ещё около 500 местного дворянского ополчения⁷. На море он мог противопоставить лишь 2 галеры и ещё два мелких зафрахтованных корабля. Будучи человеком, решительным губернатор отправляет свои небольшие морские силы на встречу англичанам, и испанским галерам удаётся

---

5 Barrow J. *The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State*. London: John Murray. 1844. 113 p.

6 Wernham R.B. *Queen Elizabeth and the Portugal Expedition of 1589* // *The English Historical Review*. 1951. Т. 66. №. 258. С. 14.

7 *Anglo-Spanish War (1585)* // COVE Editions [Электронный ресурс] // URL: <https://editions.covecollective.org/chronologies/anglo-spanish-war-1585> (Дата обращения: 18.04.2023).

потопить один вражеский пинас и уйти⁸. Дрейк и Норрис, десантируют около 8000 солдат около Ла-Коруньи, а солдаты в свою очередь немедленно приступают к разбою и грабежам. 12 мая англичане предприняли штурм Ла-Коруньи, который окончился абсолютным провалом, английские войска потеряли около 700 человек убитыми и ранеными, около 1300 умерли от болезней, а также в ходе артиллерийской перестрелки с крепостными батареями, английский флот потерял 3 пинаса и 4 мелких судна. После неудавшегося штурма в рядах английского командования начались разногласия, в ходе которых группа недовольных развитием событий командиров удалась из войска, уведа с собой ещё 10 кораблей. Сразу после неудачи при Ла-Корунье, Фрэнсис Дрейк решаетея идти на Лиссабон. 26 мая 1589 г. английский флот появился около местечка Пенеша в Португалии. Уже при высадке на сушу, у англичан потонуло 14 барж.

В это время эрцгерцогом Альбертом, племянником Филиппа II и по совместительству генерал-губернатором Португалии, была организована партизанская война в зоне высадки англичан. Была применена тактика выжженной земли, чтобы врагу не досталось ничего, а португальские власти, в свою очередь, не выказали англичанам никакой поддержки, увидев тот разбой и разорение, которые им сулила близость с английскими войсками. Тогда же на рейде речки Тахо стояло 40 испанских кораблей и 14 португальских галер под командованием адмирала Матиаса де-Альбукерке, которые на протяжении всего пути английских войск от Пенеша до Лиссабона обстреливали их, не давая возможности англичанам фуражироваться у берега. Последняя попытку поставить войска на отдых, от постоянных корабельных обстрелов и партизанских налётов, англичане предприняли после взятия монастыря Санта-Каталина в 15 верстах от Лиссабона, однако и там испанская корабельная артиллерия смогла их достать⁹. После этого англичане осуществили попытку штурма Лиссабона, которая оказалась неудачной, и по итогу изнурительного марша от Пенеша и неудачного штурма города английская армия потеряла ещё 2000 человек. А после того, как 11 июня в лиссабонскую гавань зашло 9 кораблей дона Мартина де Падильи с подкреплением испанцам в виде 1000 солдат, соотношение сил сложилось не в пользу англичан: 8000 свежих и готовых к обороне Лиссабона испано-португальских войск, против 8000 изнурённых солдат Норриса, которые ещё и находились в заведомо более сложном положении наступающих. Дрейк и Норрис приняли решение отступить от Лиссабона, а при отступлении была утрачена часть обозов, в которых оказалась дипломатическая переписка,

8 Wernham R.B. Queen Elizabeth and the Portugal Expedition of 1589, Part II // The English Historical Review. 1951. № 66 (259). С. 194-218.

9 Wernham R.B. The Expedition of Sir John Norris and Sir Francis Drake to Spain and Portugal, 1589 // Navy Records Society, Brookfield. 1988. С. 258.

по которой испанцы смогли вычислить и ликвидировать всех сторонников претендента на португальский престол – Антонио Португальского. По итогу, Сантадер и Сан-Себастьян английские войска не штурмовали, Ла-Корунья взята не была, Лиссабон взят не был, таким образом по поставленным задачам оставался только серебряный караван у Азорских островов.

Серебряный караван и Азорские острова

После неудачи у Лиссабона английский флот выдвинулся к Кадису, в числе 120 кораблей, среди которых также были крупные корабли галеонного класса. Преследовать их стал дон Мартин де Падилья, прославленный испанский флотоводец, в распоряжении которого было всего 12 галер, однако используя их преимущество в виде альтернативного двигателя, то есть вёсел, он смог доставить англичанам серьёзные неприятности. А именно, 22 июня, когда на море пал штиль и галеры получили абсолютное преимущество в манёвренности, ему удалось потопить 4 крупных английских корабля, около 20 вёсельных баркасов и 1 пинас. Также англичане потеряли 570 человек убитыми и 130 пленными, в то время как потери испанской стороны составили 2 человек убитыми и 10 ранеными. К ночи на море вновь заиграли ветра и де Падилья разорвал боевой контакт, осознавая несопоставимость сил, если английский флот придёт в движение, а англичане в свою очередь после этого направились на север. К этому моменту на место сражения подошли 20 испанских галеонов под командованием Алонсо де Базана, которые преследуя англичан в течение трёх дней смогли захватить ещё около трёх кораблей. Дрейку же удалось добраться до Азорских островов с основной частью флота, однако не удалось совершить высадку на оных. В ходе боёв было перебито ещё около 500 англичан. И только 27 июня удалось высадиться в Виго, где Фрэнсис Дрейк учинил расправу над местным крестьянским населением, из 600 человек которого по итогу удалось спастись лишь 100. Англичане предприняли попытку отфуражироваться в Виго, однако вскоре против них выступило местное ополчение в количестве 1000 человек и вынудило, к тому моменту уже сильно деморализованных англичан, покинуть их земли. Капитан Фрэнсис Дрейк принял решение не дожидаться серебряного каравана, последней надежды, которой хоть как-то можно было бы оправдать их бесславную экспедицию, и направился к берегам Британии, по пути потерпев очередное поражение от 30, вышедших после ремонта из Сантадера и Сан-Себастьяна, испанских кораблей. Этот случай наглядно демонстрирует нам несостоятельность английских морских сил в ту эпоху, против созданного по единому образцу и профессионально обученного испанского флота, при прочих равных условиях. И к 10 июля, в Плимут удалось вернуться лишь 70 кораблям и 8000 человек, в то время как уходило оттуда, напомним, 146 кораблей и 22 375 человек.

Подводя итог, мы можем сказать, что экспедиция Дрейка и Норриса ока-

залась провальной, ни одна из поставленных перед экспедицией задач выполнена не была. Все вкладчики концессии понесли серьёзные убытки в том числе и английская королева.

Английское правительство осознало, что на море они ещё не способны противостоять Испании, а этот факт является весьма важным для нас в рамках написания данной работы, так как мы видим, что упрощённая схема «прогрессивной Англии с нарождающимся капитализмом, против регрессивной Испании с её отжившим феодализмом» на деле совсем не так однозначна и объективна, потому как по итогам войны испанский флот по программе восстановления 1589–1590 гг. был полностью обновлён, реорганизован и стал гораздо сильнее чем раньше и Испания ещё на долгое время сохранила своё положение ведущей военно-морской державы.

Библиографический список:

1. Михеев Д.В. Развитие испанской оборонительной системы в Новом Свете накануне Англо-испанской войны // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. С. 149-162.
2. Antonio, prior of Crato // *Britannica* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/biography/Antonio-prior-of-Crato> (Дата обращения: 15.03.2023)
3. Агапов Г.А. Союз Англии и Португалии в период каролинской войны (1369–1396) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2014. № 3 (44). С. 43-51.
4. Wernham R.B. *After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588–1595* // Clarendon Press, Oxford. 1984. 634 p.
5. Barrow J. *The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State*. London: John Murray. 1844. 386 p.
6. Wernham R.B. Queen Elizabeth and the Portugal Expedition of 1589 // *The English Historical Review*. 1951. Vol. 66. № 258. P. 1-26.
7. Anglo-Spanish War (1585) // COVE Editions [Электронный ресурс] // URL: <https://editions.covecollective.org/chronologies/anglo-spanish-war-1585> (Дата обращения: 18.04.2023).
8. Wernham R.B. Queen Elizabeth and the Portugal Expedition of 1589, Part II // *The English Historical Review*. 1951. № 66 (259). С. 194-218.
9. Wernham R.B. *The Expedition of Sir John Norris and Sir Francis Drake to Spain and Portugal, 1589* // Navy Records Society, Brookfield. 1988. 454 c.

Reference

1. Mikheev D.V. Development of the Spanish defensive system in the New World on the eve of the Anglo-Spanish War // *Metamorphoses of History*. 2017. № 9. P. 149-162.
2. Antonio, prior of Crato // *Britannica* // URL: <https://www.britannica.com/biography/Antonio-prior-of-Crato> (15.03.2023)
3. Agapov G.A. The alliance of England and Portugal during the Caroline War (1369-1396) // *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*. 2014. № 3 (44). P. 43-51.
4. Wernham R.B. *After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588–1595* // Clarendon Press, Oxford. 1984. 634 p.
5. Barrow J. *The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State*. London: John Murray. 1844. 386 p.
6. Wernham R.B. Queen Elizabeth and the Portuguese Expedition of 1589 // *The English Historical Review*. 1951. Vol. 66. № 258. P. 1-26.
7. Anglo-Spanish War (1585) // COVE Editions // URL: <https://editions.covecollective.org/chronologies/anglo-spanish-war-1585> (04.18.2023).
8. Wernham R.B. Queen Elizabeth and the Portuguese Expedition of 1589, Part II // *The English Historical Review*. 1951. № 66 (259). P. 194-218.
9. Wernham R.B. *The Expedition of Sir John Norris and Sir Francis Drake to Spain and Portugal, 1589* // Navy Records Society, Brookfield. 1988. 454 p.

Фаттахов Д.А.

Студент-магистр. Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань.

Фаттахов А.З.

Учитель. МАОУ «Многопрофильный лицей №148 г. Челябинска», г. Челябинск.

Энергетические стратегии СССР и третьего рейха во Второй Мировой войне*

Аннотация. Энергетические ресурсы сыграли ключевую роль во Второй мировой войне, формируя военные стратегии и определяя результаты многих операций. Доступ к топливу стал фактором, от которого зависела боеспособность армий Германии и СССР. Их подходы к обеспечению горючим показывают, как ресурсы влияли на успех или неудачу в конфликте. Германия, не имевшая крупных нефтяных запасов, сделала ставку на производство синтетического топлива из угля по технологии Фишера-Тропша. Данный метод был новаторским, но крайне дорогим: стоимость синтетической нефти в несколько раз превышала цену природной. Процесс требовал огромных объемов угля, сложных заводов и квалифицированных специалистов. К тому же, предприятия часто подвергались атакам авиации союзников, что к 1944 году вызвало острую нехватку горючего. Хотя синтетика обеспечивала до 90% потребностей авиации, она не могла полностью покрыть нужды вермахта, что снижало его маневренность. СССР, напротив, опирался на нефтяные месторождения Кавказа — Баку и Грозного, которые давали более 70% всей нефти страны. Даже в условиях риска захвата этих территорий советская система сумела наладить стабильное снабжение армии, сохранив преимущество в мобильности. Потеря Баку, обеспечивавшего 80% топлива, могла привести к краху, однако грамотная эвакуация оборудования и удержание региона предотвратили кризис. Сравнение показывает, что успех СССР во многом объясняется умелым использованием природных богатств, тогда как Германия, несмотря на инженерные достижения, столкнулась с ограничениями синтетического производства. Данный анализ показывает, что в затяжных войнах доступ к энергоресурсам часто перевешивает технологические инновации. Похожие тенденции наблюдались в Первой мировой войне и более поздних конфликтах, подтверждающая значимость контроля над ресурсами для военной стратегии.

Ключевые слова: Третий Рейх, СССР, энергетические ресурсы, синтетическое топливо, обеспечение горючим.

Fattakhov D.A.

Master's degree student. Kazan National Research Technological University, Kazan.

---

* © Фаттахов Д.А., Фаттахов А.З., 2025.

Fattakhov A.Z.

Teacher. Multidisciplinary Lyceum № 148 in Chelyabinsk, Chelyabinsk.

Conceptual model of innovative control instruments in the financial sphere

Abstract. Energy resources played a key role in World War II, shaping military strategies and determining the outcome of many operations. Access to fuel became a factor on which the combat capability of the armies of Germany and the USSR depended. Their approaches to fuel supply show how resources influenced success or failure in conflict. Germany, which had no major oil reserves, relied on the Fischer-Tropsch process to produce synthetic fuel from coal. This method was innovative but extremely expensive: the cost of synthetic oil was several times the price of natural oil. The process required huge amounts of coal, complex plants and skilled labour. In addition, the plants were frequently attacked by Allied aircraft, which by 1944 caused severe fuel shortages. Although synthetics provided up to 90% of the aviation needs, they could not fully cover the Wehrmacht's needs, which reduced its manoeuvrability. The USSR, on the other hand, relied on the oil fields of the Caucasus - Baku and Grozny - which provided more than 70% of the country's oil. Even at the risk of capturing these territories, the Soviet system was able to establish a stable supply for the army while maintaining an advantage in mobility. The loss of Baku, which provided 80% of the fuel, could have led to a collapse, but the competent evacuation of equipment and the retention of the region prevented a crisis. The comparison shows that the USSR's success was largely due to skilful use of natural resources, while Germany, despite its engineering advances, faced the limitations of synthetic production. This lesson emphasises that in protracted wars, access to energy resources often outweighs technological innovation. Similar trends were observed in World War I and later conflicts, confirming the importance of resource control to military strategy.

Key words: Third Reich, USSR, energy resources, synthetic fuels, fuel supply.

Введение

Вторая мировая война, охватившая весь мир, стала не только полем сражений армий, но и ареной борьбы за ресурсы, необходимые для продолжения боевых действий. Среди таких ресурсов ключевую роль играли энергетические, особенно нефть и её производные, которые обеспечивали работу военной техники, авиации и флота. Энергетические ресурсы, такие как нефть и её синтетические аналоги, оказались в центре внимания военных стратегов. Обеспечение армии и промышленности топливом стало одной из ключевых задач для Германии и СССР. Германия, находясь в условиях блокады, разработала процесс Фишера-Тропша для синтеза жидкого топлива из угля, что позволило частично компенсировать нехватку природной нефти. Однако это решение имело свои ограничения, связанные

с высокой стоимостью и сложностью производства. СССР, напротив, обладал значительными запасами нефти, но столкнулся с угрозой их утраты в результате немецкого наступления.

Изучение роли энергетических ресурсов в военных конфликтах остаётся актуальной темой, так как позволяет понять, как доступ к ресурсам влияет на стратегию и исход войны. Вторую мировую войну можно рассматривать как пример, когда борьба за ресурсы определяла ход событий и влияла на планы сторон.

Производство синтетического топлива в Третьем рейхе

Производство синтетического топлива в Германии основывалось на переработке угля, что требовало значительных промышленных мощностей и ресурсов. Основным процессом был метод Фишера-Тропша, включающий несколько стадий: газификацию угля, синтез газа из угарного газа и водорода, а затем преобразование этого газа в жидкое топливо. В результате реакций окиси углерода и водорода, в зависимости от параметров и используемого катализатора, образовывался широкий набор углеводородов и кислородосодержащих соединений [1, с. 24-25]. Эти процессы требовали сложного оборудования и квалифицированного персонала, что создавало дополнительные вызовы для немецкой промышленности.

Производство синтетического топлива, несмотря на достигнутые успехи, сталкивалось с серьёзными проблемами масштабирования. Высокая себестоимость, значительная потребность в угле и сложность процессов ограничивали возможности увеличения объёмов выпуска. Эти ограничения усугублялись бомбардировками союзников, которые разрушали заводы и нарушали логистику, что в конечном итоге привело к топливному кризису и существенно ослабило немецкие военные возможности. В то же время поставки авиационных бензинов по ленд-лизу из США обеспечивали высокое октановое число, в то время как отечественная промышленность производила топливо с низким октановым числом, что ограничивало возможности советской авиации [2, с. 13].

Экономическая эффективность синтетического бензина

Производство синтетического бензина в Германии представляло собой затратный процесс. Исследования показывают, что себестоимость одного барреля синтетического топлива была в 3-4 раза выше, чем цена импортной нефти. Это объясняется сложностью технологического процесса, включающего переработку угля в жидкое топливо, а также необходимостью поддержания сложной инфраструктуры. Высокие затраты на производство ограничивали возможность масштабного увеличения выпуска топлива, что негативно сказывалось на экономической устойчивости страны.

При этом синтетические топлива отличаются низким содержанием серы и других вредных компонентов, что позволяет им превосходить природные нефти по ряду важных показателей.

Роль синтетического топлива в военной стратегии Германии

Синтетическое топливо играло ключевую роль в обеспечении энергетических потребностей Германии во время Второй мировой войны. В условиях блокады и ограниченного доступа к традиционным источникам нефти страна была вынуждена искать альтернативные способы обеспечения своих вооружённых сил топливом. Производство синтетического топлива позволило частично компенсировать нехватку природных ресурсов, что сделало его стратегически важным элементом военной экономики. Особенно это касалось авиации, где синтетическое топливо составляло до 90% от общего объёма используемого топлива [3, с. 135].

В период с 1940 по 1943 годы в стране наблюдался наибольший подъём в производстве синтетического жидкого топлива, однако его стоимость была в 3-5 раз выше, чем у добываемого естественного топлива из нефти [4, с. 9]. Технология Фишера-Тропша, на основе которой базировалось производство, требовала больших объёмов угля, что увеличивало нагрузку на угледобывающую промышленность. Кроме того, заводы по производству синтетического топлива становились приоритетными целями для союзных бомбардировок, что значительно сокращало их производственные мощности и усугубляло топливный кризис в Германии [5, с. 117-130]. Синтетическое топливо, обладая стратегической важностью, имело значительно более высокую стоимость по сравнению с природной нефтью, что снижало его экономическую эффективность [6, с. 80-84].

Нефтяные ресурсы СССР: Баку и Грозный

В то же время нефтяные месторождения СССР играли ключевую роль в экономике и военной стратегии страны в период Второй мировой войны. В 1940 году СССР производил около 31 миллиона тонн нефти, из которых более 70% добывалось в Баку. Эти ресурсы обеспечивали значительную часть энергетических потребностей страны, включая снабжение топливом Красной армии. Нефть использовалась для производства бензина, дизельного топлива и других нефтепродуктов, необходимых для работы танков, авиации и другой военной техники. Таким образом, нефтяные месторождения стали основой для поддержания боеспособности СССР в условиях войны.

Баку, столица Азербайджанской ССР, был крупнейшим центром нефтедобычи в СССР, обеспечивая около 80% потребностей страны в топливе до начала войны. Его стратегическое значение заключалось в значительных объёмах добычи нефти, что делало город важнейшим источником энерго-

обеспечения. Развитая инфраструктура Баку поддерживала не только процесс добычи, но и переработку нефти в необходимые нефтепродукты. Контроль над этим регионом имел решающее значение для Советского Союза, поскольку потеря Баку могла вызвать серьезные последствия для экономики и военной мощи страны [7, с. 46-50].

Грозненский нефтяной район, хотя и уступал Баку по объемам добычи, играл ключевую роль в энергоснабжении СССР. С ежегодной добычей около 2 миллионов тонн нефти, Грозный значительно способствовал обеспечению фронта топливом. Этот регион был критически важен для стабильной работы военной и транспортной техники, особенно в условиях войны, когда потребности в нефтепродуктах значительно возросли. Месторождения Грозного стали важным резервом для страны, позволяя компенсировать возможные потери других источников нефти [8, с. 4]. Таким образом, нефтяные месторождения стали не только источником энергии, но и важным элементом военной стратегии СССР.

Сравнительный анализ стратегий Германии и СССР

Энергетические ресурсы играли ключевую роль в проведении военных операций обеими сторонами. Для Германии синтетическое топливо обеспечивало её механизированные войска и авиацию, что было критически важно для ведения современной войны. Однако ограниченные объемы производства и трудности с транспортировкой топлива к фронту часто ограничивали возможности немецкой армии. В то же время СССР, благодаря своим нефтяным ресурсам, мог поддерживать высокий уровень моторизации своих войск, что обеспечивало мобильность и оперативность действий. Таким образом, энергетические ресурсы определяли эффективность военных операций и стратегий обеих сторон [9, с. 48-49].

Сравнение стратегий Германии и СССР в использовании энергетических ресурсов показывает кардинальные различия в их подходах. Германия, лишённая доступа к богатым нефтяным месторождениям, была вынуждена полагаться на сложное и дорогостоящее производство синтетического топлива, которое, несмотря на свои достижения, не могло полностью удовлетворить её потребности. В то же время СССР, обладая значительными запасами нефти, смог эффективно организовать её добычу и использование для нужд фронта и тыла.

Влияние на исход военных действий

Нефтяные месторождения Баку и Грозного были ключевыми для обеспечения Советского Союза энергоресурсами в годы Второй мировой войны. Контроль над нефтяными ресурсами в Баку и Грозном играл ключевую роль в обеспечении советских войск топливом, что способствовало их

успехам на фронте. Это обстоятельство стало одним из факторов успешного противостояния немецкому наступлению.

Германия, не обладая значительными запасами природной нефти, была вынуждена развивать производство синтетического топлива для удовлетворения потребностей своей армии, используя уголь в качестве сырья, ежегодно производить около 6 миллионов тонн синтетического топлива, что составляло значительную часть её потребностей. Вместе с тем, объемы производства не могли полностью покрыть нужды страны, особенно в условиях затяжной войны. Ограниченные технологии и ресурсы, затрачиваемые на производство, создавали дополнительные трудности для немецкой экономики и военной машины [10, с. 620-653].

Сравнение с другими конфликтами в истории

Энергетические ресурсы всегда играли ключевую роль в военных конфликтах, определяя их стратегическое направление и исход. Например, во время Первой мировой войны Германия столкнулась с дефицитом природных ресурсов, что вынудило её искать альтернативные источники энергии, такие как использование угля для производства синтетического топлива. Этот опыт подчеркнул важность обеспечения доступа к ресурсам для поддержания военной мощи. Аналогичным образом, в более поздние периоды, такие как Война в Персидском заливе в 1990–1991 годах, стремление Ирака контролировать нефтяные ресурсы Кувейта стало ключевым фактором, определившим ход конфликта. Эти примеры демонстрируют неизменную значимость энергетических ресурсов в истории войн и их влияние на стратегические решения.

Заключение

Энергетические ресурсы играли ключевую роль в стратегии военных действий обеих сторон во Второй мировой войне. Германия, лишённая доступа к крупным нефтяным месторождениям, была вынуждена полагаться на производство синтетического топлива, что стало важным элементом её военной экономики. СССР, напротив, обладал значительными запасами нефти, что обеспечивало устойчивость его военной машины. Сравнительный анализ стратегий использования ресурсов выявил преимущества и недостатки обеих сторон. Германия, несмотря на технологические достижения в производстве синтетического топлива, испытывала значительные трудности в обеспечении своих войск топливом из-за высокой себестоимости и уязвимости производственных мощностей. СССР, контролируя богатые нефтяные месторождения, смог организовать эффективное снабжение фронта.

Роль энергетических ресурсов в военных конфликтах трудно пере-

оценить. Наличие или отсутствие доступа к ним определяет возможности сторон в оперативном и стратегическом плане. В ходе Второй мировой войны это проявилось особенно ярко, когда Германия и СССР использовали различные подходы к обеспечению своих войск топливом. Энергетические ресурсы формировали не только тактические решения, но и стратегические планы сторон. Контроль над ресурсами остаётся важным фактором в обеспечении национальной безопасности и ведении военных действий.

Библиографический список:

1. Михеев В.А., Ворсина Е.В., Москаленко Т.В. Традиционные методы получения синтетического жидкого топлива из твердых горючих ископаемых // Тенденции развития науки и образования. 2017. С. 23-27.
2. Ведрученко В.Р., Крайнов В.В., Жданов Н.В., Кокшаров М.В., Воропаева Е.С. О производстве и перспективах использования в дизелях жидких синтетических топлив из угля как альтернативных нефтяным // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8. С. 12-13.
3. Матвейчук А.А. Нефтяная составляющая ленд-лиза // Центр экономической истории. 2005. 157-е заседание. С. 135-136.
4. Захарова Н.Я. Методическая разработка открытого урока по учебной дисциплине «Материаловедение» на тему: «Наука ковала победу» / Н. Я. Захарова. – Ростов-на-Дону, 2020.
5. Хайэм Ч. Торговля с врагом: экономическое сотрудничество США и Германии во время Второй мировой войны / пер. с англ. А.С. Цыпенкова. – М.: Прогресс, 2010. 320 с.
6. Супрунова Е.В. Экономическая политика нацистской Германии в области синтетического топлива // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2017. № 3. С. 78-86.
7. Зубкова Е.Ю. Нефть и война: роль Бакинского нефтяного региона в Великой Отечественной войне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История. 2015. № 4. С. 45-53.
8. Матвеева Л.Д., Ишбулатов Р.Ф. Из истории нефтяного образования в России // URL: <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9599-2019-3-3>.
9. Шубин А.В. Нефтяной фактор в стратегии Второй мировой войны // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 34-49.
10. Тузе А. Цена разрушения: создание и разрушение нацистской экономики. – London: Penguin Books, 2006. 828 с.

Reference

1. Mikheev V.A., Vorsina E.V., Moskalenko T.V. Traditional methods of obtaining synthetic liquid fuel from solid fossil fuels // Trends in the development of science and education. 2017. P. 23-27.
2. Vedruchenko V.R., Krainov V.V., Zhdanov N.V., Koksharov M.V., Voropaeva E.S. On the production and prospects of using liquid synthetic fuels from coal in diesel engines as an alternative to oil // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2013. № 8. P. 12-13.
3. Matveychuk A.A. Oil component of Lend-Lease // Center for Economic History. 2005. 157th meeting. P. 135-136.
4. Zakharova N.Ya. Methodological development of an open lesson on the academic discipline "Materials Science" on the topic: "Science forged victory" / N. Ya. Zakharova. - Rostov-on-Don, 2020.
5. Higham C. Trading with the enemy: economic cooperation between the USA and Germany during World War II / trans. from English by A.S. Tsypenko. – M.: Progress, 2010. 320 p.
6. Suprunova E.V. Economic policy of Nazi Germany in the field of synthetic fuel // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. 2017. № 3. P. 78-86.
7. Zubkova E.Yu. Oil and war: the role of the Baku oil region in the Great Patriotic War // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History. 2015. № 4. P. 45-53.
8. Matveeva L.D., Ishbulatov R.F. From the history of oil education in Russia // URL: <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9599-2019-3-3>.
9. Shubin A.V. The oil factor in the strategy of World War II // Questions of History. 2018. № 5. P. 34-49.
10. Tuzé A. The Price of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. – London: Penguin Books, 2006. 828 p.

Тимохова Е.Г.

Аспирант, Московский государственный лингвистический университет.

Япония как глобальный актер: восприятие «своего» и «чужого» на международной арене*

Аннотация. Япония является одним из крупных политических и экономических игроков мира. Она стремится укрепить свой имидж как великой страны с богатой культурой и традициями. Однако из-за ее исторической изоляции и стремления к самосохранению, Япония также воспринимается как «чужая». В прошлом Япония была закрыта, но с начала 1860-х годов страна стала активно модернизироваться, однако образ «чужого» оставался неизменным. Сегодня Япония стремится к миру и сотрудничеству с другими странами, что формирует новый имидж страны «своего» государства.

Ключевые слова: Япония, инсайдер, аутсайдер, внешняя политика, дипломатия, мягкая сила, сакоку, самоизоляция, модернизация, имперская экспансия, русско-японская война, восточноазиатская сфера совместного процветания, пацифистское государство, международные отношения, баланс, культурное уважение, сотрудничество.

Timokhova E.G.

Postgraduate, Moscow State Linguistic University.

Japan as a global actor: perception of “ours” and “alien” in the international arena

Abstract. Japan is one of the major political and economic players in the world. It seeks to strengthen its image as a great country with a rich culture and tradition. However, because of its historical isolation and desire for self-preservation, Japan is also perceived as an ‘outsider’. Japan was closed in the past, but since the early 1860s the country has been actively modernising, but the image of ‘foreign’ has remained unchanged. Today, Japan seeks peace and co-operation with other countries, which forms a new image of the country as a ‘home’ state.

Key words: Japan, insider, outsider, foreign policy, diplomacy, soft power, sakoku, self-isolation, modernization, imperial expansion, Russo-Japanese War, East Asian co-prosperity sphere, pacifist state, international relations, balance, cultural respect, co-operation.

---

* © Тимохова Е.Г., 2025.

Япония является достаточно крупным экономическим и политическим игроком в мире, и ее восприятие как «своего» или «чужого» на международной арене имеет большое значение для ее внешней политики и дипломатии. С одной стороны, Япония стремится к укреплению своего образа как великой страны с богатой культурой и традициями. Японцы гордятся своей уникальной историей, искусством и наукой, и стремятся к сохранению этих ценностей на мировой арене. В том числе японское правительство активно поддерживает развитие японского языка и культуры за рубежом, чтобы укрепить свою мягкую силу и улучшить свое влияние в мире [1]. С другой стороны, Япония также сталкивается с вызовами восприятия как «чужого». Несмотря на свое влияние и богатую историю, Япония все еще остается островным и в значительной степени изолированным государством. Такое впечатление о стране сложилось в результате ряда факторов, в частности, из-за изоляции Японии с 1641 по 1853 гг.

Однако здесь следует отметить, что Япония, вопреки факторам, указанным выше, сама по себе существенно отличается от других государств в Азии. Здесь стоит отметить, что Япония, несмотря на то, что расположена в регионе СВА и ЮВА, имеет политический курс схожий с западными государствами. После Второй мировой войны Япония встала на путь развития «западного государства». Подобную идею подтверждает известный политолог, профессор Стивен Коткин. Согласно Коткину западное государство определяется не географией, а общностью ценностей и политических институтов. Так, С. Коткин считает, что Япония – западное государства, в то время как Россия – нет [2]. В этом и есть феномен Японии как государства одновременно «своего» и «чужого».

Тем не менее, нельзя отрицать, что до XX века Япония не имела общих идей и интересов с Западом. Более того, в период с 1630-х по 1853 гг. Япония и вовсе целенаправленно ограничивала отношения с внешним миром так, чтобы избежать сильного влияния на внутреннюю жизнь в стране.

История самоизоляции в Японии имеет давние корни и связана с особыми условиями развития страны. Япония, будучи архипелагом, всегда была географически изолирована от внешнего мира, что повлияло на ее историю и культуру. Термин «*сакоку*», введенный Энгельбертом Кемпфером, объясняет концепцию изоляции Японии как «страны, закрытой на замок» [3]. Самоизоляция в Японии проводилась как способ сохранения существующих порядков и ограничения влияния других государств. Одним из основных методов самоизоляции был запрет на морскую торговлю, который позволял оградить страну от влияния европейских держав.

Самоизоляция Японии в разные периоды ее истории имела как положительные, так и отрицательные последствия [4]. «*Закрытие страны*» сыграло значительную роль в формировании уникальной японской куль-

туры и идентичности, однако также препятствовала развитию и взаимодействию со странами внешнего мира. Указанные выше исторические факты, свидетельствуют о том, что Япония до XVIII века не была вовлечена в международные вопросы, а значит, воспринималась другими странами как «чужое» государство [5].

Однако, начиная с 1860-х годов Япония стала быстро модернизироваться по западному образцу, включая промышленность, бюрократию, институты и военные возможности, которые обеспечили базу для имперской экспансии в Корею, Китай, Тайвань и острова на юге страны. Япония в течение следующих 90 лет увеличивала свой потенциал и возможности, активно развивала тяжелую промышленность для того, чтобы построить значительную военную машину на суше, воде и в воздухе. Так, ввиду японских имперских идей создания единого азиатского государства во главе с Японией, и несмотря на начало взаимодействия с внешним миром, Япония все еще воспринималась как «чужая».

Однако, хоть Япония и не была «своим» государством ни для соседей, ни для остального мира, подобное развитие, тем не менее, привело Японию к существенному успеху: Япония выиграла Русско-японскую войну (1904-1905), по итогам которой Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы, и соглашалась на заключение конвенции по рыбной ловле вдоль русских берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Россия уступала Японии юг Сахалина (от 50 параллели) и все прилегающие к последней острова [6].

Далее, образ «чужого» продолжал формироваться для всех соседских государств к Японии из-за идеи создания великой восточноазиатской сферы процветания, возглавляемой Японией. Япония желала освободить Азию от западного колониализма, вместе с тем, «освобождение» сочеталось с жестокостью самих японцев по отношению к большинству стран Азии. Так, можно вспомнить создание «станций для утешения» в Китае и в Корее, начиная с 1932 г., и Нанкинскую резню 1937 г. [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что особенно отчетливо образ Японии как «чужого» сформировался для соседних государств: Китая, Южной и Северной Кореи, а также и для России. Основная причина такого образа, как было сказано выше, заключается в исторических разногласиях и территориальных спорах. Более того, имперские идеи правительства Японии вызывали опасения всех государств, которые находились рядом. Подобные настроения не могли благоприятствовать созданию образа «своего» для Японии.

Однако после поражения во Второй мировой войне, в Японии была

существенно изменена как внутренняя политика, так и внешняя. Япония была оккупирована союзническими державами, включая США, и претерпела значительные изменения в своей политической и экономической системе. В основу таких изменений легли Потсдамское соглашение 1945 г., Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и договор безопасности, заключенный между Японией и США в 1951 году.

Согласно Потсдамскому соглашению, заключенному в июле 1945 года между союзниками, Япония была лишена своей военной мощи. США взяли на себя роль оккупационной державы и начали проводить широкий спектр реформ в Японии с целью демилитаризации и демократизации страны. В рамках оккупационной политики были приняты такие ключевые меры, как ликвидация военной промышленности, демилитаризация военных и военных индустриальных компаний, проведение реформ в системе образования и формирование новой Конституции, которая установила демократические принципы в японском обществе [8].

Таким образом, создание нового, «своего» образа для Японии был обусловлен американской оккупацией (1945-1951) и реформами, которые проводились под руководством США. Япония переняла многие американские элементы и улучшила их в последующие годы, чтобы достичь глобального влияния и стать одной из главных стран, которая проводит политику «мягкой силы» в мире [9]. Так, был сформирован образ Японии - пацифистского государства, которое по праву можно было бы считать «своим» для многих государств, преимущественно на Западе.

Действительно, для многих западных государств, как было указано выше, Япония до сих пор является своим другом и союзником, чего нельзя сказать о странах, которые являются соседями для Японии. Китайское и Корейское правительство до сих пор считают, что Япония может представлять угрозу.

В последние годы Япония активно увеличивает свой оборонный бюджет и проводит различные реформы для возможного пересмотра пацифистской Конституции Японии 1947 года. В частности, в 2022 году Япония пересмотрела ключевые документы оборонной политики, пересмотрела Стратегию национальной безопасности [10]. Более того, на 2024 год Япония выделила рекордный оборонный бюджет в размере 7,7 триллиона иен, и данный бюджет превысит предыдущий максимум в 6,8 триллиона иен [11].

Тем не менее, сегодня, несмотря на историческое прошлое, Япония продолжает развиваться как мирная и демократическая страна, активно участвующая в международных отношениях и сотрудничающая с другими странами для обеспечения мира и безопасности как в регионе, так и в мире в целом.

Таким образом, несмотря на различные реформы и действия, Япония

все еще сочетает в себе одновременно образы «своего» и «чужого». Это связано с историческим наследием страны, ее культурой и традициями. В то же время, Япония стремится к современному развитию и усилению своего политического влияния на мировой арене. Важно учитывать эту двойственность при анализе политической ситуации в Японии и понимании ее внешнеполитических приоритетов.

Библиографический список:

1. Японский язык как инструмент «мягкой силы» // РСМД // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponskiy-yazyk-kak-instrument-myagkoy-sily/?sphrase_id=93505119
2. The Weakness of the Despot // The New Yorker // URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/stephen-kotkin-putin-russia-ukraine-stalin>
3. Кудояров В.Н. Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1867) // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2013. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yapono-gollandskie-otnosheniya-v-epohu-edo-1603-1867>
4. Кожевников В.В. «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakoku-vo-vneshney-politike-yaponii-politika-samoizolyatsii>
5. Roesch F., Watanabe A. Modern Japanese Political Thought and International Relations. - Rowman and Littlefield, 2018. 270 с.
6. Мирный договор между Россией и Японией Портсмут, 23 августа/5 сентября 1905 г.
7. William L. O'Neill. A Democracy at War: America's Fight at Home and Abroad in World War II. Free Press, 1993. 62 p.
8. Потсдамская декларация от 26 июля 1945 г. // URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1945potsdam.php
9. Charalambous A. Japan The "Soft Power Giant" of the Far East The Cultural Diplomacy approach. - Cyprus: 2020.
10. Вопросы политики безопасности и обороны Японии // Nippon // URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a08401/>
11. Japan eyes record ¥7.7 trillion defense budget for fiscal 2024 // The Japan Times // URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/12/16/japan/politics/japan-2024-defense-budget/>

Reference

1. The Japanese Language as an Instrument of "Soft Power" // RIAC // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponskiy-yazyk-kak-instrument-myagkoy-sily/?sphrase_id=93505119
2. The Weakness of the Despot // The New Yorker // URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/stephen-kotkin-putin-russia-ukraine-stalin>
3. Kudoyarov V.N. Japanese-Dutch Relations in the Edo Period (1603–1867) // Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental Studies. African Studies. 2013. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yapono-gollandskie-otnosheniya-v-epohu-edo-1603-1867>
4. Kozhevnikov V.V. "Sakoku" in Japan's Foreign Policy (Policy of Self-Isolation) // Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 18. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakoku-vo-vneshney-politike-yaponii-politika-samoizolyatsii>
5. Roesch F., Watanabe A. Modern Japanese Political Thought and International Relations. - Rowman and Littlefield, 2018. 270 p.
6. Peace Treaty between Russia and Japan Portsmouth, August 23/September 5, 1905.
7. William L. O'Neill. A Democracy at War: America's Fight at Home and Abroad in World War II. Free Press, 1993. 62 p.
8. Potsdam Declaration of July 26, 1945 // URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1945potsdam.php
9. Charalambous A. Japan The "Soft Power Giant" of the Far East The Cultural Diplomacy approach. - Cyprus: 2020.
10. Japan's Security and Defense Policy Issues // Nippon // URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a08401/>
11. Japan eyes record ¥7.7 trillion defense budget for fiscal 2024 // The Japan Times // URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/12/16/japan/politics/japan-2024-defense-budget/>

Москальчук Д.А.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Формирование косовской национальной идентичности в 1990-2000-е годы*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ основных тенденций в развитии косовского национализма в 1990-2000е годы. Политические процессы, протекавшие на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия в 1980-е годы, подтолкнули албанских националистов к формированию собственного государственного формирования. Проблема межнациональных отношений на территории бывшей Югославии остается актуальной до сих пор. Косовский национализм, сыгравший важную роль в развитии конфликта на территории Югославии, заложил основу для формирования новой – исключительно косовской идентичности. Косовская идентичность является главным средством достижения целей независимости Косова, одновременно подтверждая свое право на суверенитет. Приштина своевременно отказалась от планов войти в состав проекта «Великой Албании», поскольку бы в таком случае потеряла экономическую и политическую поддержку со стороны европейских стран и США. Тема изучения косовской идентичности до сих пор является актуальной, поскольку демонстрирует наглядно процесс формирования идентичностей в современном мире. Кроме того, косовская идентичность представляет собой нового политического игрока на территории Западных Балкан, где политическая нестабильность продолжается с момента падения социалистической Югославии.

Ключевые слова: Косово, албанский национализм, косовский национализм, сепаратизм, Югославия.

Moskalchuk D.A.

Postgraduate Student. Saint Petersburg State University.

Formation of Kosovo national identity in 1990-2000s

Abstract. The purpose of this article is to analyse the main trends in the development of Kosovo nationalism in 1990-2000s. The political processes that took place on the territory of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in the 1980s pushed Albanian nationalists to form their own state formation. The problem of interethnic relations on the territory of the former Yugoslavia remains relevant to this day. Kosovo nationalism, which played an important role in the development of the conflict on the territory of Yugoslavia, laid the foundation for the formation of a new – exclusively Kosovo identity.

---

* © Москальчук Д.А., 2025.

ty. Kosovo identity is the main means of achieving Kosovo's independence goals, while reaffirming its right to sovereignty. Pristina timely abandoned plans to become part of the 'Greater Albania' project, as it would have lost economic and political support from European countries and the United States. The topic of studying Kosovo identity is still relevant, as it demonstrates clearly the process of formation of identities in the modern world. In addition, Kosovo identity represents a new political player in the territory of the Western Balkans, where political instability continues since the fall of socialist Yugoslavia.

Key words: Kosovo, Albanian nationalism, Kosovo nationalism, separatism, Yugoslavia.

Формирование косовской идентичности прошло несколько этапов и не имело постоянной восходящей тенденции. Исследователь Бюар Арукай в статье «Конструирование национализма в Республике Косово» выделяет несколько периодов становления косовской независимости и вместе с ней идентичности.

Первая фаза (1986-1990) приходится на период нахождения у власти Слободана Милошевича, который будучи президентом СР Сербии, поставил во главе косовской администрации лояльных сторонников. В 1989 году парламенты республики приняли новый конституционный закон. Согласно нему, Косово потеряло все атрибуты власти, указывающие на особый статус. Политическая деградация края не могла пройти незамеченной со стороны радикальных масс, которые вышли на многотысячные акции протеста [3].

Вторая фаза (1989-1991) характеризовалась периодом массовых волнений и протестных акций. Правительство СР Сербии распорядилось ввести войска на территорию края Косово. По данным Б. Арукай, в 1992 году на митингах собралось до полумиллиона албанцев, что составляло на тот момент около четверти всего населения региона [4].

В рамках третьей фазы (1991-1999) албанское население Косова заложило истоки независимости собственного государства и основы косовской идентичности. 22 сентября 1991 года косовские албанцы провели референдум, на котором проголосовали за выход из состава СФРЮ. Первым государством-членом ООН, признавшим независимость Косова, стала Албания. Это время охарактеризовалось институциональным оформлением государства косовских албанцев. Власти Косова, используя силовые и несиловые методы стремились к созданию моноэтничного государства [1].

Несмотря на отсутствие международного статуса, Косово продолжало стремиться к признанию со стороны других участников международных процессов. В тот же период Приштина столкнулась со сложным выбором – отстаивать независимость или идти по пути сближения с Албанией с последующей политической интеграцией. Именно на идею объединения всех албанцев опирались косовские националисты во время распада Югос-

лавии. Вместе с тем, когда перспектива создать независимое государство косовских албанцев стала все более реальной, политические лидеры Приштины постепенно отходили от идеи «Великой Албании» в сторону стабильного и суверенного государства и равноценного участника международных отношений.

Одним из главных атрибутов независимости стало вооруженное формирование «Армия освобождения Косова» (АОК), которое нападало на милицейские блокпосты. С момента первых вооруженных атак на представителей правоохранительных органов и вплоть до 1998 года АОК выполняла роль карательного органа. В 1998 году югославское правительство начало контртеррористическую операцию в Косово. К январю 1999 года югославские подразделения зачистили территорию Косова от террористических формирований, однако в этот момент в ситуацию вмешалось международное сообщество, при молчаливом согласии которого НАТО начало бомбардировки Югославии.

Именно вторжение НАТО сыграло важную роль в становлении косовской идентичности. Успехи сербской милиции и спецподразделений привели к тому, что активность вооруженных формирований косовских албанцев на территории Косова значительно снизилась. Однако вмешательство стран Североатлантического альянса после безуспешных переговоров в Рамбуйе заставило МВД Сербии покинуть территорию региона, которую заняли вооруженные формирования АОК.

После того, как с территории Косова ушли сербские милицейские подразделения, политическая элита косовских албанцев вошла в прямой диалог со странами ЕС и США. Основным стремлением Приштины в это время стало получение признания со стороны международного сообщества. Статус члена ООН автоматически давал защиту от возможного посягательства на целостность республики со стороны Сербии.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сделать следующие выводы. В период с 1986 года косовская интеллектуальная элита определила основные векторы развития национального движения в Косово. Воспользовавшись кризисом центральной власти и последующим развалом Социалистической Федеративной Республики Югославия, косовские албанцы стали стремиться к полной независимости от Югославии, отказавшись от прежних требований предоставления статуса седьмого субъекта федерации [2].

Политическая элита косовских албанцев, возглавляемая Ибрагимом Руговой, стала проводить политику албанизации населения, запретив на официальном уровне любые сербские общественные движения. Дестабилизирующие процессы вынудили сербское население покинуть территорию Косова, что помогло новому руководству региона успешно проводить собственную политику без сопротивления со стороны неалбанского населения.

В 2004 году после первых выборов на территории де-факто независимой Республики Косово к власти пришла партия Ибрагима Руговы, тем самым завершив процесс борьбы за независимость. Несмотря на то, что международные организации и члены ООН на тот момент не признали Косово, Приштине это не мешало проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. Благодаря всем вышеперечисленным процессам и событиям, Косово сформировало все условия для создания особой идентичности – косовской.

Формирование понятия «косовская идентичность»

Стремление к независимости Косова получило институциональное оформление благодаря проектам, предложенным со стороны представителей ООН. В 2007 году бывший президент Финляндии Марти Ахтисаари предложил План по урегулированию ситуации в Косово. Документ содержал основные положения, в соответствии с которыми Приштина получила полный карт-бланш для ведения независимой внутренней политики, в том числе и национальной. Несмотря на то, что План предусматривал создание общин неалбанского населения (например, сербских), на практики это положение до сих пор не реализовано.

План Ахтисаари, несмотря на критику со стороны радикальных элементов косовского общества, был принят. Все его положения легли в основу конституции Республики Косово. Однако другой проблемой, которую необходимо было решить, стал выбор дальнейшего пути развития. Несмотря на то, что новый статус Косова запрещал республике в ущерб собственному суверенитету входить в состав другого государства (подразумевалась Албания), часть косовской политической элиты стремилось к созданию общего политического пространства с Тираной. Однако задуманное не получилось по ряду причин.

Прежде всего, политические силы Албании ставили перед собой главной целью обретение членства в Европейском союзе. Тирана должна была выполнить ряд глав – требований со стороны ЕС. Принимая в свой состав Косово, Албания нарушала не только требования ЕС, но и ряд международных соглашений, тем самым закрывая себе дорогу в Европу. Наряду с этим некоторая часть косовских политиков не стремилась терять суверенитет, добытый довольно сложным путем. Имея поддержку со стороны международного сообщества, а главное со стороны стран с развитой экономикой, Приштина имела большие дотации, которых бы лишилась, войдя в состав одного из беднейших государств Европы [4].

В феврале 2008 года политические лидеры Косово в одностороннем порядке объявили о независимости края. Помимо того, что действия Приштины спровоцировали новый виток напряженности, внутри сообщества косовских албанцев также было неспокойно. Одной из главных проблем, которое сопровождало новое государственное образование, являлся поиск

идентичности. Национальная принадлежность должна была стать обоснованием, которое объясняло создание независимого государства.

В новом косовском государстве не упоминались ни государственные праздники, ни национальные символы, которые были присущи Албании и албанцам. Примечателен также следующий парадокс. Многие косовские албанцы, приезжая в Албанию, предпочитали называть себя «косоварами», в то время как на территории Косово они могли именовать себя «албанцами». Иными словами, за 20 лет – с 1980-х по 2000-е годы – в словосочетании «косовские албанцы» главный акцент сместился с этнической на территориальную характеристику [6].

Феномен косовской идентичности сложно описать, опираясь на методологию, описывающей процессы формирования других идентичностей на заре эпохи национализма. Гораздо проще рассмотреть косовский национализм через призму механизмов создания независимых государств на осколках бывших советских федераций – СССР и СФРЮ. Однако из 21 независимого государства, появившегося на карте мира после падения советских федераций, только Косово сначала получило независимость, а затем, стала создавать собственную идентичность, чтобы эту независимость сохранить. В каждой из ныне суверенных государств бывшего Советского Союза и Югославии сначала появились центробежные силы во главе с националистами, а затем – право на самоопределение.

В случае с Косово можно заметить, что требования отделиться как от Югославии, так и от Сербии, в частности, исходили от представителей албанского национализма – т.е. представителей идентичности, которая видит своим центром Албанию (Тирану). Албанские сепаратисты стремились отделить Косово от неалбанских идентичностей, чтобы затем собрать единую «Великую Албанию». Однако их позиции постепенно изменились и эволюционировали в форму «одно государство – один народ». Эта трансформация произошла лишь после признания независимости Косово некоторыми членами международного сообщества. И сегодня Приштина ведет международный диалог без какой-либо опоры на Тирану. В данном ключе важно понимать, что «заказчиком» идентичности косовских албанцев (косоваров) выступают именно те участники процесса, на которых ориентируется администрация частично признанного государства: ЕС, США и Турция. Именно эти три участника международных отношений являются источниками независимости Косово и, соответственно, столпами, на которых формируется косовская идентичность.

Одним из важнейших вопросов формирования косовской идентичности является языковая политика в регионе. Долгое время на территории Косова в качестве лингва фарнка использовался сербский язык, который долгое время являлся языком административных отношений. Албанский

язык в меньшей степени употреблялся на официальном уровне и использовался лишь в качестве средства внутриобщинной коммуникации. С получением независимости сербский язык ушел на второй план не только потому, что его носители в большинстве своем покинули территорию региона. Приштинская администрация стала проводить политику албанизации, чтобы понизить роль сербского языка, олицетворяющий многолетний период «угнетения». Несмотря на то, что сербский язык является государственным языком Косова, правительство игнорирует вопросы поддержания билингвального общества. Подтверждением данного тезиса является то, что с 2008 года коммуникация, осуществляемая на сербском/албанском языке, трансформировалась в коммуникацию сербский/английский и албанский/английский. Внедрение третьего языка было необходимым, чтобы лишить сербский язык статуса лингва франка и популяризировать английский среди трудовых эмигрантов [5].

Албанский язык стал языком обучения на всех ступенях образования – от дошкольной программы, до обучения в университетах и колледжах. После того, как албанский язык стал использоваться во всех сферах жизни Косова (за исключением территории с преимущественно сербским населением) встал вопрос о формировании косовского языка. В последнее время очень четко заметно, как албанский язык переживает практически те языковые процессы, что и сербский. Жители Косово обычно используют гегский (северный) диалект албанского языка. Несмотря на то, что носителей албанского языка не более 8 миллионов человек, власти Косово предпринимают попытки создать из диалекта собственный политический язык, который немногим бы отличался от албанского. Таким образом, правительство Республики Косово стремится к созданию определенных маркеров, которые бы отличали косовских албанцев (косоваров) от албанских [5].

Этот процесс наглядно иллюстрирует ход формирования косовской идентичности, которая должна отличать косоваров, прежде всего, от албанцев, проживающих в Албании и Северной Македонии. На сегодняшний день попытки внедрить гегский диалект в качестве косовского языка поддерживаются правительством Косово.

Таким образом, процесс формирования косовской идентичности, начиная с 2008 года, когда республика получила независимость, получила институциональную поддержку со стороны международного сообщества. Несмотря на то, что конституция Косова подразумевает равенство всех общин перед законом, власти республики, представленные албанским большинством, запустили программу албанизации региона.

Албанизация не получила никакого сопротивления со стороны неалбанского населения Косова, и вместе с этим стала основой для формирования отдельной – косовской идентичности. Примерно одновременно с обрете-

нием независимости правительство Косово стало поддерживать постепенное отдаление албанского населения Косова от албанцев, проживающих за рубежом. На сегодняшний день многие косовары уже не отождествляют себя с албанцами Албании. Этот процесс иллюстрирует трансформацию идентичности: албанское самосознание было необходимо для мобилизации нации в борьбе за независимость. После ее обретения албанское самосознание стало представлять опасность независимости, поскольку в таком случае Косово в перспективе могло стать частью Албании.

Чтобы уберечь Косово от вхождения в состав общего албанского политического пространства, Приштина стала стремительно развивать проект по созданию собственной идентичности, которая была бы близка к албанской ровно настолько, насколько это нужно, чтобы ее приняло албанское большинство. Подобный процесс можно сравнить с тем, что происходило и происходит в Черногории (создание черногорского самосознания).

Основой новой идентичности должны стать нормы косовского языка, который происходит из албанского диалекта. Фрагментация общеалбанского общества на основе языковых и культурных особенностей в условиях, когда на территории республики проживают другие общины, принимает общегосударственный масштаб и ведет к формированию новой идентичности на территории Западных Балкан.

Библиографический список:

1. Гузикова М.О., Нестеров А.Г. Косово на пути к суверенитету: к истории вопроса // Вестник КемГУ. 2015. №3-2 (63). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosovo-na-puti-k-suverenitetu-k-istorii-voprosa> (Дата обращения: 05.05.2025).
2. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. С. 45.
3. Никифоров К.В. Карделевская Югославия (1974-1990) // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К.В. Никифоров (отв. ред.), А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин и др. – М.: Индрик, 2011. С. 752.
4. Aruqaj B., Construction of Nationalism in the Republic of Kosovo. The Politics of Deeply Divided Societies, 2013. VIII. P. 3-21.
5. Canaj K., Language Policy and Language Planning in Kosova. International Journal of Teaching and Education, 2020. VIII (2). P. 47.
7. Oktay E.G. ve Jonilda, R., Sosyal İnşacılık Açısından Kosova'nın Kimliği: Bağımsızlık Sonrasında Ortak Bir "Kosovalı" Kimliği Oluşturmak Mümkün mü?. Uluslararası İlişkiler. Cilt 13. Sayı 49. 2016. P. 55.

Reference

1. Guzikova M.O., Nesterov A.G. Kosovo on the way to sovereignty: on the history of the issue // Bulletin of KemSU. 2015. № 3-2 (63). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosovo-na-puti-k-suverenitetu-k-istorii-voprosa> (05.05.2025).
2. Guskova E.Yu. History of the Yugoslav crisis (1990-2000). – M.: Russian law / Russian National Fund, 2001. P. 45.
3. Nikiforov K.V. Kardelevskaya Yugoslavia (1974-1990) // Yugoslavia in the 20th century: essays on political history / K.V. Nikiforov (editor-in-chief), A.I. Filimonova, A.L. Shemyakin et al. – M.: Indrik, 2011. P. 752.
4. Aruqaj B., Construction of Nationalism in the Republic of Kosovo. The Politics of Deeply Divided Societies, 2013. VIII. P. 3-21.
5. Canaj K., Language Policy and Language Planning in Kosova. International Journal of Teaching and Education, 2020. VIII (2). P. 47.
7. Oktay E.G. ve Jonilda, R., Sosyal İnşacılık Açısından Kosova'nın Kimliği: Bağımsızlık Sonrasında Ortak Bir "Kosovalı" Kimliği Oluşturmak Mümkün mü?. Uluslararası İlişkiler. Cilt 13. Sayı 49. 2016. P. 55.

Мартирисян В.Б.М.

Студент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Разгром «Непобедимой Армады»*

Аннотация. Данная научная статья посвящена разгрому непобедимой армады в августе 1588 года. Объектом исследования является этап англо-испанской войны 1585-1604, освещающий события связанные с морским сражением английского и испанского флотов в августе 1588 года в проливе Ла-Манш. Предметом исследования служат особенности военно-морского сражения и причины поражения испанской армады. Данное исследование строится на теории классического марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные стремления английского королевства завершить войну с испанской империей методом молниеносной контратаки по остаткам испанского флота.

Ключевые слова: Джон Хоккинс, Непобедимая Армада, Испанская империя Габсбургов.

Martirosyan V.B.M.

Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Anglo-Spanish War 1585-1604 - The Defeat of “Spanish Armada”

Abstract. This article is devoted to the study of the defeat of the invincible armada in August 1588. The object of this study is stage of the Anglo-Spanish War 1585-1604, covering the events related to the naval battle of the English and Spanish fleets in August 1588 in the English Channel. The subject of this study is features of the naval battle and the causes of the defeat of the Spanish armada. The main conclusions of the study are the revealed aspirations of the English kingdom to end the war with the Spanish Empire by the method of a lightning counterattack on the remnants of the Spanish fleet.

Key words: John Hawkins, Invincible Armada, Spanish Habsburg Empire.

---

* © Мартирисян В.Б.М., 2025.

Причины конфликта

Спусковым крючком, запустившим весь процесс, приведший к войне, стал инцидент, имевший место в 1562 г., когда английские аристократы во главе со знаменитым контрабандистом Джоном Хокинсом решили включиться в рабовладельческое дело, которое как известно, было абсолютной монополией Испанской империи. Предприятие Джона Хокинса было про-спонсировано такими высокопоставленными людьми как Лайонел Дакет (глава Московской торговой компании Англии), Уильям Уинтер (инспектор флота), а также сын мэра Лондона Томас Лодж¹. Уже в октябре 1562 г. Корабли «Соломон», «Сваллоу» и «Иона» смогли обойти все испанские патрули у западной Африки, отловили около трёхсот рабов и доставили их в Гвинею. Королева Елизавета, узнав об этом, публично дистанцировалась от вышеописанного мероприятия, так как не хотела открыто вступать в конфликт с Испанией, но последующие экспедиции Хокинса не запретила, поскольку перспективы и описанные Хокинсом нормы прибыли, могли послужить отличным источником финансов, для погашения тех внутренних и внешних долгов, которые накопились у Англии перед голландскими и английскими кредиторами из-за затяжной войны во Франции. Особенность экспедиций Хокинса заключалась в том, что любой, кто хотел торговать рабами, был обязан сначала зайти в какой-либо из испанских портов, заплатить там пошлину и уже после заниматься работорговлей, англичане же занимались работорговлей беспрошечно, присваивая всю прибыль себе², а значит в глазах любого испанского военно-морского начальника они представляли контрабандистами, следовательно, их нужно было отлавливать, арестовывать, а оказывающих сопротивление топить, вешать или продавать на галеры.

Экспедиции Хокинса поначалу шли весьма успешно, в них также отличился его двоюродный брат, не менее известный пират Фрэнсис Дрейк. Третий успешный рейд состоялся в 1567 г, но вот уже в 1568 г. Случился неприятный для англичан инцидент, а именно сражение при Сан-Хуан-де-Улуа. Набравшие рабов и пограбившие испанские суда, английские корабли были замечены лёгкими силами испанской эскадры, направленными на перехват испанским наместником Мартином Энрикесом, у Веракруса³. Испанская эскадра дона Франсиско де Лухана, представленная двумя галеонами «Сан-Педро» и «Санта-Клара», одним вооружённым торговым судном и лёгким пинасом встретилась с английской эскадрой Хокинса,

1 *Михеев Д.В.* Джон Хокинс – личный работорговец её Величества // *Метаморфозы истории.* 2018. № 11. С. 95.

2 *Михеев Д.В.* Образ врага: испанцы в сообщениях участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка // *Манускрипт.* 2017. № 12-3(86). С. 130.

3 *Михеев Д.В.* Английские экспедиции к Магелланову проливу накануне англо-испанской войны 1585–1604 гг. // *Genesis: исторические исследования.* 2017. № 12. С. 2-3.

представленной галеонами «Иисус из Любека» и «Миньон», флиботами «Сваллоу», «Энджел» и «Юдит» и захваченной португальской галерой «Нуэстра Сеньора». Корабли де Лухана пошли на успешный захват английской эскадры, а успешным он оказался, потому что английские корабли после долгого рейда были повреждены, нуждались в починке и соответственно не могли развивать ту скорость и ход, который развивали корабли испанские. После вопроса Франсиско де Лухана, о том, кто они и что делают в этих краях, тем более с португальским кораблём, англичане просто открыли огонь по испанцам, так как сказать напрямую что они пираты было невозможным, потому как это прямой путь на виселицу, а ответить, что они являются каперами Её Величества королевы Елизаветы и показать свои каперские патенты тоже было невозможно, так как это означало бы открытое объявление войны, которую королева Елизавета не планировала и стремилась всячески её избежать⁴.

Испанские корабли также открыли огонь по англичанам и как следствие корабль «Энджел» был потоплен, «Сваллоу» захвачен, а португальская галера «Нуэстра Сеньора» сдалась испанцам, так как капитан корабля, португалец по происхождению, решил, что лучше законные испанские власти, чем дальнейшее плаванье с английскими пиратами⁵. Бежать удалось английским кораблям «Миньон», «Юдит» и «Иисус из Любека», последний бежал ещё до начала боя. Около 400 человек англичане потеряли убитыми и ранеными, а также несколько десятков пленных. Были и те, кому удалось спастись и перебраться на «Миньон», на котором из-за переполненности экипажа вспыхнула эпидемия тифа вследствие чего с корабля уже в Англии сошло всего 15 человек.

Создалась весьма напряжённая ситуация, так как мексиканский наместник Мартин Энрикес был вынужден доложить о произошедшем королю Филиппу II, который также был вынужден положительно отреагировать на действия своего наместника, ведь за отсутствием средств коммуникации в виде телефона или телеграфа оперативно среагировать и дать указание наместнику пропустить англичан он не мог, а тот в свою очередь как служащий наделённый почти абсолютными полномочиями в регионе от имени короля, должен был по закону короля действовать и со своей стороны выполнил всё как полагалось, хотя самому Филиппу II начинать войну с Англией не хотелось, но перспектива вырисовывалась вполне очевидная, что войны этой избежать невозможно, так как уже было

4 *Михеев Д.В.* Каперская экспедиция Фрэнсиса Дрейка 1585-1586 гг. В Вест-Индию по свидетельствам испанских источников // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 240-241.

5 *Петровский В.М.* «Великая армада»: проблема эффективности действий испанского и английского флотов в войне 1585–1604 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 3. С. 68.

известно, что инцидент у Сан-Хуан-де-Улуа был инициирован каперами Её Величества Елизаветы.

Начало войны и разгром Непобедимой армады

В это же время свою роль во всей этой истории сыграли Нидерланды, когда под предводительством Вильгельма Оранского в 1570-х гг. Голландия начинает готовиться к отделению от Испанской империи. Поскольку мятеж голландцев был представлен как мятеж протестантский, Филипп II, будучи оплотом католичества, был вынужден реагировать на него, тогда как англичане, будучи протестантами и более не имея причин для дальнейших союзнических отношений с Испанией с большим интересом поддерживали голландцев в их процессе отсоединения от империи. В это же время, а именно 27 августа 1572 года, происходит знаменитая Варфоломеевская ночь во Франции, в ходе которой католиками было вырезано около 30 000 гугенотов, то стало понятно, что идеологический фон для войны между католической Испанией и протестантской Англией был окончательно оформлен⁶. Тем более, что очень «вовремя» подоспело отлучение королевы Елизаветы от церкви Папой римским Пием V, которое, по сути, ещё больше закрепило за Англией положение протестантской страны.

Поскольку у английской короны был огромный долг перед Нидерландами, голландцы в нужный для себя момент смогли обязать англичан прислать военные контингенты в помощь повстанцам. И тогда первый граф Лестер Роберт Дадли прибыл в Голландию с армией в 7000 человек, из которых 6000 пехоты и 1000 всадников⁷. Этот жест явился прямым объявлением войны. С зимы 1577 г. по весну 1578 г. Испания собирала флот в количестве 153 кораблей, чтобы наконец-то решить английский вопрос. В числе этих полутораста кораблей было 22 галеона, остальное были более маленькие суда в том числе и бывшие торговые, зафрахтованные и специально вооружённые, выступавшие на войне по частной инициативе⁸.

Стоит отметить, что англичане знали о готовящейся военно-морской экспедиции, поэтому английский капитан Ф. Дрейк предложил нанести упреждающий удар по испанцам. 29 апреля 1587 г. англичане неожиданно вошли в бухту Кадиса и сумели, как потом выразится сам Дрейк в своих мемуарах, «подпалить бороду королю Испании» (англ. *singeing the King of Spain's beard*)⁹. Удар нанес серьёзный урон по военно-морскому потенциалу Испа-

6 Koenigsberger H.G., Mosse G.L., Bowler G.Q. Europe in the Sixteenth Century. London: Longman, 1989. С. 308.

7 Махов С.П., Созаев Э.Б. Англо-испанская война, 1585–1604 гг. – М.: Вече, 2012. С. 70.

8 Martin C., Parker G. The Spanish Armada // Manchester University Press. 1999. С. 10-26.

9 Barrow J. The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State. London: John Murray. 1844. С. 113.

нии и стал причиной переноса испанской экспедиции к Британским о-вам.

Про сам разгром Непобедимой армады, который отправилась в сторону Англии в 1588 г., в нашей работе следует сказать лишь то, что испанский флот, возглавляемый Хуаном де Гусманом Медина-Сидония и сухопутные войска под командованием Алессандро Фарнезе разминутись, таким образом флот не смог оказать сухопутным войскам поддержки с моря, а сухопутные войска не смогли в свою очередь обеспечить базы оперирования флота на суше. Более того, доплыть из Испании в Англию в летний сезон было задачей не из лёгких, так как идти приходилось очень остро к ветру, что конечно же во-первых изматывало экипажи, во-вторых была вероятность попасть в серьёзные шторма, что собственно происходило весьма часто и в конце концов испанский флот разметало на несколько частей, а не проходившие через все эти тяготы англичане смогли нанести серьёзное поражение Непобедимой армаде, которая в ходе сражения потеряла около 50 судов и понесла большие потери в личном составе, несмотря на то, что основу английского флота по большей части представляли каперы на службе у английской короны¹⁰.

Благодаря грамотным действиям опытного командующего Медины-Сидонии удалось спасти большую часть флота. Именно он, вопреки всех ожиданий привёл флот в порты Сан-Себастьян и Сантадер, а не в основные порты Кадиса и Лиссабона. Это решение сыграет важную роль в последующих событиях, пока что, лишь акцентируем внимание на этом моменте¹¹.

Англии же было необходимо нанести молниеносный контрудар, по уже и без того ослабленному испанскому флоту, чтобы окончательно решить проблему соперничества с Испанией на море, поскольку Испания при всём своём огромном кораблестроительном опыте и огромном же богатстве не смогла бы восстановить флот в краткие сроки, так как создание хорошего флота и подготовка экипажей под него дело крайне трудоёмкое и очень долгое, а за это время Англия уже успела бы стать лидирующей морской державой и скорее всего Испания уже никогда бы не смогла вернуть себе былое положение на море, а значит и в колониальной гонке¹².

Библиографический список:

1. Михеев Д.В. Джон Хокинс – личный работорогвец её Величества // *Метаморфозы истории*. 2018. № 11. С. 92-107.

2. Михеев Д.В. Образ врага: испанцы в сообщениях участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 3(12). С. 10-14.

10 *Иволина Л.И.* Шотландский период жизни Якова I Стюарта // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия»*. 2014. № 3. С. 12.

11 *Lewis M.A.* *The Spanish Armada*. New York: T. Y. Crowell Co. 1968. С. 208.

12 *Fernandez-Armesto F.* *The Spanish Armada: The Experience of War in 1588*. Oxford University Press. 1988. С. 39.

- просы теории и практики. 2017. № 12-3 (86). С. 129-132.
3. Михеев Д.В. Английские экспедиции к Магелланову проливу накануне англо-испанской войны 1585–1604 гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 12. С. 1-8.
4. Михеев Д.В. Каперская экспедиция Фрэнсиса Дрейка 1585-1586 гг. В Вест-Индию по свидетельствам испанских источников // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 237-249.
5. Петровский В.М. «Великая армада»: проблема эффективности действий испанского и английского флотов в войне 1585–1604 гг. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 3. С. 63-78.
6. Koenigsberger H.G., Mosse G.L., Bowler G.Q. Europe in the Sixteenth Century. London: Longman, 1989. 544 с.
7. Махов С.П., Созаев Э.Б. Англо-испанская война, 1585–1604 гг. М.: Вече, 2012. 164 с.
8. Martin C., Parker G. The Spanish Armada // Manchester University Press. 1999. 320 p.
9. Barrow J. The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State. London: John Murray. 1844. 386 p.
10. Иволина Л.И. Шотландский период жизни Якова I Стюарта // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия». 2014. № 3. С. 7-17.
11. Lewis M.A. The Spanish Armada. New York: T.Y. Crowell Co. 1968. 216 p.
12. Fernandez-Armesto F. The Spanish Armada: The Experience of War in 1588. Oxford University Press. 1988. 312 p.

Reference

1. Mikheev D.V. John Hawkins – Her Majesty’s Personal Slave Trader // Metamorphoses of History. 2018. № 11. P. 92-107.
2. Mikheev D.V. The Image of the Enemy: the Spaniards in the Reports of Participants in Francis Drake’s Round-the-World Expedition // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2017. № 12-3 (86). P. 129-132.
3. Mikheev D.V. English Expeditions to the Strait of Magellan on the Eve of the Anglo-Spanish War of 1585-1604 // Genesis: Historical Research. 2017. № 12. P. 1-8.
4. Mikheev D.V. Francis Drake’s privateering expedition of 1585-1586 to the West Indies according to Spanish sources // Metamorphoses of history. 2015. № 6. P. 237-249.
5. Petrovsky V.M. “The Great Armada”: the problem of the effectiveness of the Spanish and English fleets in the war of 1585-1604 // Locus: people, society, cultures, meanings. 2014. № 3. P. 63-78.
6. Koenigsberger H.G., Mosse G.L., Bowler G.Q. Europe in the Sixteenth Century. London: Longman, 1989. 544 с.
7. Махов С.П., Созаев Э.Б. Англо-испанская война, 1585–1604 гг. М.: Вече, 2012. 164 с.
8. Martin C., Parker G. The Spanish Armada // Manchester University Press. 1999. 320 p.
9. Barrow J. The Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake: With Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State. London: John Murray. 1844. 386 p.
10. Иволина Л.И. Шотландский период жизни Якова I Стюарта // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия». 2014. № 3. С. 7-17.
11. Lewis M.A. The Spanish Armada. New York: T.Y. Crowell Co. 1968. 216 p.
12. Fernandez-Armesto F. The Spanish Armada: The Experience of War in 1588. Oxford University Press. 1988. 312 p.

Журба В.В.

Соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений. Северо-Кавказский федеральный университет.

Трансформация угольной промышленности Великобритании в 80-е гг. XX века: сравнительный анализ с опытом зарубежных стран*

Аннотация. Статья посвящена глубокому анализу трансформации угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы, происходившей под влиянием сложного комплекса экономических, политических и экологических факторов. Основная цель исследования заключается в выявлении ключевых сил, обусловивших реструктуризацию отрасли, а также в оценке её эффективности в контексте опыта других стран, включая Германию, США, СССР и Японию. В работе тщательно рассматриваются причины кризисного состояния угольной промышленности, такие как высокая себестоимость добычи, истощение угольных месторождений, падение мирового спроса на уголь, развитие альтернативных источников энергии и политическая решимость в проведении реформ. Особое внимание уделено социальным последствиям реструктуризации: масштабным увольнениям шахтёров, забастовке 1984–1985 годов и разрушению экономической базы шахтёрских регионов. В статье подробно описаны меры, направленные на смягчение негативных последствий, включая создание новых рабочих мест, программы переквалификации и поддержку предпринимательства. Сравнительный анализ показывает, что реструктуризация в других странах сопровождалась более развитой системой социальной поддержки и более плавным переходом к новым энергетическим моделям. В заключение делается вывод о том, что британская модель трансформации отличалась радикальным масштабом и жёсткостью, что, с одной стороны, привело к значительным социальным издержкам, но, с другой, ускорило переход к более экологически чистой энергетике.

Ключевые слова: угольная промышленность, Великобритания, реструктуризация, забастовка шахтёров, зарубежный опыт, экономические реформы, экологическая трансформация, Бритиш Коул Энтерпрайз, приватизация, социальная адаптация.

Zhurba V.V.

Applicant of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations. North Caucasus Federal University.

---

* © Журба В.В., 2025.

The transformation of the UK coal industry in the 80s of the twentieth century: comparative analysis with the experience of foreign countries

Abstract. The article provides an in-depth analysis of the transformation of the UK's coal industry in the 1980s, which occurred under the influence of a complex set of economic, political, and environmental factors. The main goal of the study is to identify the key forces that drove the restructuring of the industry, as well as to assess its effectiveness in the context of the experiences of other countries, including Germany, the United States, the USSR, and Japan. The paper carefully examines the causes of the crisis in the coal industry, such as high production costs, depletion of coal deposits, the decline in global demand for coal, the development of alternative energy sources, and the political determination to implement reforms. Particular attention is paid to the social consequences of the restructuring: large-scale layoffs of miners, the 1984–1985 miners' strike, and the destruction of the economic base of mining regions. The article describes in detail the measures aimed at mitigating the negative consequences, including the creation of new jobs, retraining programs, and support for entrepreneurship. Comparative analysis shows that restructuring in other countries was accompanied by a more developed system of social support and a smoother transition to new energy models. In conclusion, it is argued that the British model of transformation was characterized by radical scale and rigidity, which, on the one hand, led to significant social costs, but, on the other, accelerated the transition to cleaner energy.

Key words: coal industry, Great Britain, restructuring, miners' strike, foreign experience, economic reforms, environmental transformation, British Coal Enterprise, privatization, social adaptation.

Цель исследования: выявить и проанализировать ключевые факторы, определявшие трансформацию угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы, а также оценить ее эффективность в сравнении с опытом других стран, столкнувшихся с аналогичными вызовами в данной сфере.

Проблема исследования состоит в том, что реструктуризация угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы была болезненным и противоречивым процессом, сопровождавшимся массовыми увольнениями, социальной напряженностью и политическими конфликтами.

Использован комплексный подход, сочетающий исторический анализ, сравнительный анализ и методы количественной оценки для изучения трансформации угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы.

Угольная промышленность Великобритании традиционно играла ключевую роль в экономическом развитии страны, особенно с эпохи промышленной революции, когда уголь стал основным топливом и сырьём для промышленности. Однако в 1980-е годы отрасль пережила глубокую

трансформацию, вызванную экономическими, политическими и экологическими факторами. В 80-е годы XX века угольная промышленность Великобритании пережила период глубоких изменений, который привел к её практически полной свёртыванию. Данный процесс был обусловлен множеством факторов, среди которых были стремления правительства к экономическим реформам, смене энергетической политики и необходимости сокращения убыточных производств [1].

После Второй мировой войны Великобритания столкнулась с резким сокращением экспорта угля – с 82 млн тонн в 1913 году до 14 млн. тонн в 1955 году. Основными причинами стали развитие нефтяной индустрии и гидроэнергетики в странах-покупателях, а также высокая себестоимость добычи из-за низкой механизации, что делало британский уголь неконкурентоспособным по сравнению с Германией и США. В середине 1980-х годов экономический кризис, сопровождавшийся сокращением производства в черной металлургии – одном из главных потребителей угля (до 30% угля шло на нужды сталелитейной промышленности), создал предпосылки для радикальных изменений в угледобывающей сфере. Кроме того, в 1980-е годы на мировой рынок вышли такие крупные производители, как Китай, страны Латинской Америки, СССР и США, что снизило позиции Великобритании в числе лидеров по добыче угля [3, 4].

К началу 1984 года ситуация в угольной промышленности становилась все более критичной. Март 1984 года стал знаковым: Национальный угольный совет объявил о закрытии 20 нерентабельных шахт, что повлекло за собой массовые увольнения. Около 20 тысяч шахтёров потеряли работу, что вызвало гнев и недовольство среди рабочих. Эти события стали первой ласточкой перед крупнейшим трудовым конфликтом в истории страны – общенациональной забастовкой шахтёров 1984–1985 годов. В стачке, длинной в целый год, принимали участие примерно 142 тысячи горняков, включая представителей ключевых угольных регионов: Йоркшира, Южного Уэльса, Шотландии и Кента. Это был не только экономический, но и социальный конфликт, который поставил под угрозу целые сообщества, где угольная промышленность являлась основным источником дохода и жизненной основы. Правительство, обладая стратегическими запасами топлива, смогло выдержать давление забастовщиков, а также заморозило счета профсоюзов, что существенно ограничило финансовые возможности бастующих. К 1985 году забастовка была подавлена, а влияние профсоюзов значительно ослабло [5].

Как отмечают исследователи Шишкин В.Г., Карпович С.А., к 1985 году в Великобритании закрыли уже 25 шахт, и этот процесс не останавливался. Если в 1984 году в стране действовало 174 шахты, то к началу 1990-х годов их количество сократилось до всего лишь 15. Соответственно сни-

зилась и численность шахтёров – с 200 тысяч в начале десятилетия до нескольких десятков тысяч к 1990-м годам. Близился к краху один из символов английской индустриализации. Закрытие шахт не могло пройти без последствий для целых регионов, таких как Южный Уэльс, Шотландия и Северо-восточная Англия. Везде, где располагались шахты, промышленная жизнь угасала. Закрытие угольных предприятий стало причиной массовой безработицы, экономического упадка и социальной деструкции в этих регионах. Шахтерские сообщества утратили свою идентичность и основу для существования [2].

В 1984 году, на фоне серьезных вызовов, связанных с изменениями в угольной промышленности, была создана организация Бритиш Коул Энтерпрайз (БКЭ). Она стала частью стратегического плана по реструктуризации угольной отрасли в Великобритании, направленного на создание новых рабочих мест и достижение устойчивого экономического роста в шахтерских регионах. Основной задачей БКЭ стало создание 100 тысяч альтернативных рабочих мест в течение десяти лет. Для достижения этой амбициозной цели организация разработала ряд экономических механизмов, призванных повысить уровень занятости и стимулировать местные экономики. Среди ключевых направлений работы БКЭ можно выделить: финансирование новых предприятий (БКЭ выделяла средства для открытия новых бизнесов, особенно в сферах, не связанных с угольной промышленностью); создание бизнес-инкубаторов (предоставление рабочих помещений для стартапов и малых предприятий способствовало их развитию и улучшению условий для бизнеса); поддержка местных предпринимательских агентств (БКЭ активно работала с местными институтами для создания благоприятной предпринимательской среды) [6].

Финансирование БКЭ осуществлялось как через заемный, так и акционерный капитал, что позволяло предпринимателям легче стартовать и развивать свои проекты. Особенно важно, что БКЭ работала не вместо, а дополнительно к коммерческим финансовым организациям, что способствовало более здоровой финансовой экосистеме. В условиях, когда большинство малых и средних предприятий зависели от краткосрочных кредитов, БКЭ сыграла важную роль в преодолении финансовых барьеров и предоставлении доступных кредитных ресурсов. Так, на средства предпринимательских кредитных фондов БКЭ удалось создать более 51 тысячи рабочих мест, 60% из которых были открыты в новых компаниях [7].

Образовательные инициативы БКЭ также заслуживают отдельного внимания. К 1995 году в странах, где осуществлялась деятельность БКЭ, функционировало десять новых центров профессионального обучения, три центра по подготовке специалистов и 18 центров трудоустройства для промышленников. Эти меры помогли многим работникам адаптироваться

к изменяющимся условиям на рынке труда и обеспечить переход к новым профессиям.

Якимов В.П. в своей статье пишет о том, что в 1989 году была полностью прекращена добыча угля в графстве Кент, что означало завершение угольной эпохи в этом регионе. Правительство Джона Мейджора, продолжая курс на реформы, в 1994 году приняло решение о приватизации British Coal, которая была реорганизована в процессе реструктуризации. Это привело к окончательной ликвидации компании с передачей части прав и обязательств новому оператору UK Coal [8].

К 1990-м годам угольная промышленность Великобритании пережила глубокий спад. В 1993 году British Coal была приватизирована, что ознаменовало переход отрасли в частные руки и дальнейшее сокращение производства. Объёмы добычи угля резко снизились – с 104,6 млн тонн в 1987 году до менее 50 млн. тонн к середине 1990-х. К 2015 году была закрыта последняя глубинная шахта «Келлингли», что символизировало конец многовековой эпохи подземной добычи угля в стране. Основными причинами трансформации стали: высокие издержки добычи из-за технической отсталости и истощения удобных угольных пластов; снижение мировых цен на уголь и падение спроса, в том числе из-за перехода на альтернативные источники энергии; экологические требования и политика по сокращению выбросов углекислого газа, что стимулировало отказ от угольных ТЭС; политическая воля правительства к реформированию и приватизации отрасли.

Говоря о зарубежном опыте, стоит отметить, что в то время как в Великобритании происходило сокращение угольной добычи, в некоторых странах, таких как Китай, страны Латинской Америки, СССР и США, угольная промышленность демонстрировала рост, что связано с разной степенью экономической зависимости и энергетической политики. Так в США и Канаде реструктуризация угольной промышленности проходила с акцентом на технологическую модернизацию и переход к добыче открытым способом. В этих странах закрывались нерентабельные шахты, но одновременно активно внедрялись механизация и автоматизация, что позволило повысить производительность труда и снизить издержки. Географически отрасль смещалась в регионы с более благоприятными условиями добычи, что отличало их от Великобритании, где угольные месторождения были в основном истощены и добыча оставалась подземной [9].

В СССР угольная промышленность в 1980-е годы демонстрировала рост добычи до 1988 года, достигнув исторического максимума – 771,8 млн тонн. Однако этот рост сопровождался снижением производительности труда и увеличением затрат на поддержание производственных мощностей, особенно в старых угольных регионах с неблагоприятными горно-геологиче-

скими условиями. Реструктуризация отрасли происходила медленно, без значительной технологической модернизации, что приводило к низкой эффективности и высокой себестоимости добычи. Социальная инфраструктура развивалась несбалансированно, особенно в северных районах. После 1988 года началось сокращение добычи вследствие снижения спроса и экономического кризиса [10].

В странах Западной Европы реструктуризация угольной промышленности была схожа с британской по закрытию нерентабельных шахт, но сопровождалась более активным внедрением новых технологий и социальной политикой, направленной на смягчение последствий закрытия предприятий. Хотя в Великобритании были приняты меры по социальной поддержке высвобождаемых шахтеров (переквалификация, выходные пособия), социальная напряженность была крайне высокой, и забастовка 1984–1985 годов стала крупнейшим социальным конфликтом. В странах Западной Европы реструктуризация сопровождалась более развитой системой социального партнерства с участием профсоюзов, работодателей и местных властей, что позволяло смягчать конфликты и снижать социальные издержки

Как отмечает в своем исследовании Андреев А.Ю., в Германии, например, происходил переход к более эффективным методам добычи и постепенное сокращение угольного сектора в пользу других источников энергии. Европейские страны также начали ориентироваться на экологические стандарты и развитие возобновляемых источников энергии, что повлияло на снижение добычи угля. В Японии добыча угля сокращалась с начала 1980-х годов из-за высокой себестоимости и отсутствия собственных крупных запасов. Страна активно импортировала уголь, одновременно развивая альтернативные источники энергии и повышая энергоэффективность. Таким образом, японский опыт характеризовался отказом от угольной добычи и переходом к импорту и инновациям в энергетике [4, 11].

В Великобритании реструктуризация сопровождалась активным переходом к более экологичным источникам энергии – нефти Северного моря, атомной и возобновляемой энергетике. Правительство уже в 2010–2015 годах объявило планы полного закрытия угольных ТЭС и разрезов, что было частью национальной экологической стратегии. В других странах этот переход происходил медленнее и с большим вниманием к сохранению рабочих мест

Говоря об эффективности трансформации угольной промышленности Великобритании в 80-е гг. XX века, стоит отметить, что к 2003 году в Великобритании осталось всего 10 угольных шахт и 64 открытых разреза, при этом страна стала активно импортировать уголь, преимущественно из России, Польши и других стран. Несмотря на программы переквалификации, уровень безработицы в бывших шахтерских регионах остаётся высо-

ким – около 20%, что свидетельствует о сложностях социальной адаптации. Уголь уступил место возобновляемым источникам энергии, атомной генерации и газу, что соответствует глобальной тенденции декарбонизации и снижению зависимости от угля в энергетике [12].

Таким образом, трансформация угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы была вызвана сочетанием экономических факторов, технологической отсталости и политической воли правительства к реформированию отрасли. Несмотря на болезненные социальные последствия, эти реформы позволили стране сократить зависимость от нерентабельного угля и перейти к более эффективным и экологичным источникам энергии. В сравнении с зарубежным опытом, британская модель отличалась жесткостью и масштабом социальных конфликтов, а также более быстрым отказом от угля как ключевого энергоносителя. В других странах реформы угольной отрасли проходили менее болезненно с точки зрения социальных последствий, часто сопровождаясь государственными программами поддержки и более плавным переходом к новым энергетическим источникам. В Великобритании же реформы сопровождались жесткими социальными конфликтами и значительным уровнем безработицы в бывших шахтерских регионах, где безработица достигала 20%.

Библиографический список:

1. Реструктуризация угольной промышленности Великобритании: аналитический обзор (под ред. А.Б. Яновского). 1996. – М.: ИНКРУ 68 с.
2. Шишкин В.Г., Карпович С.А. Реформы угольной отрасли Великобритании на рубеже XX–XXI вв. - Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика (под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина). – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2015. С. 420-425.
3. Климов С.Л. Угольная промышленность и энергетическая безопасность стран мира / С. Л. Климов. – М.: Моск. гос. горный ун-т, 2002 672 с.
4. Андреев А.Ю. Угольная промышленность Великобритании: история, современность, перспективы // Экономика и управление. 2015. № 6. С. 78-83.
5. Минаев В.И. Реструктуризация угольной промышленности: зарубежный опыт и российская практика // Горный журнал. 2010. № 7. С. 56-61.
6. Прокофьев А.В. Социальные последствия закрытия угольных шахт в Великобритании // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 123-134.
7. Шишкин В.Г. Национализация угольной отрасли Великобритании в середине XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3 С. 260-270.
8. Якимов В.П. Международный опыт реструктуризации угольной промышленности // Энергетическая политика. 2012. № 4. С. 41-47.
9. Waddington D., Wykes M., Critcher C. Split at the Seams? Community, Continuity and Change after the 1984–85 Coal Dispute. – Buckingham: Open University Press, 1991.
10. Williams, K. The Last Underground: The Closure of Kellingley Colliery and the End of Deep Coal Mining in Britain // Contemporary British History. 2016. Vol. 30. № 4. P. 482-504.
11. Church, R., & Uttram, Q. Strikes and Solidarity: Coalfield Conflict in Britain, 1889–1966. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
12. Hatcher J. The History of the British Coal Industry. Vol. 1–5. – Oxford: Clarendon Press, 1984-1993.

Reference

1. Restructuring of the coal industry in Great Britain: an analytical review (ed. by A.B. Yanovsky). 1996. – М.:

INKRU 68 p.

2. Shishikin V.G., Karpovich S.A. Reforms of the coal industry in Great Britain at the turn of the XX-XXI centuries. - Research of young scientists: economic theory, sociology, industrial and regional economy (ed. by O.V. Tarasova, A.A. Goryushkin). - Novosibirsk: IEIE SB RAS. 2015. P. 420-425.
3. Klimov S.L. Coal industry and energy security of countries of the world / S.L. Klimov. - M.: Moscow state mining University, 2002 672 p.
4. Andreev A.Yu. Coal industry of Great Britain: history, modernity, prospects // Economy and management. 2015. № 6. P. 78-83.
5. Minaev V.I. Restructuring of the coal industry: foreign experience and Russian practice // Mining magazine. 2010. № 7. P. 56-61.
6. Prokofiev A.V. Social consequences of the closure of coal mines in the UK // Voprosy ekonomiki. 2018. № 2. P. 123-134.
7. Shishikin V.G. Nationalization of the coal industry in Great Britain in the middle of the 20th century // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2022. Vol. 27. № 3 P. 260-270.
8. Yakimov V.P. International experience of restructuring the coal industry // Energy policy. 2012. № 4. P. 41-47.
9. Waddington D., Wykes M., Critcher C. Split at the Seams? Community, Continuity and Change after the 1984-85 Coal Dispute. - Buckingham: Open University Press, 1991.
10. Williams, K. The Last Underground: The Closure of Kellingley Colliery and the End of Deep Coal Mining in Britain // Contemporary British History. 2016. Vol. 30. № 4. P. 482-504.
11. Church, R., & Outram, Q. Strikes and Solidarity: Coalfield Conflict in Britain, 1889-1966. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
12. Hatcher J. The History of the British Coal Industry. Vol. 1-5. - Oxford: Clarendon Press, 1984-1993.

Гашимли М.А.

Магистрант, Институт Евразийских и Восточных Исследований, Российский государственный гуманитарный университет.

Влияние общественно-политических процессов внутри турецкого общества во второй половине XX века на складывание концепций национальной идентичности*

Аннотация. В статье рассматривается влияние социально-политических преобразований в турецком обществе во второй половине XX века на формирование конкурирующих концепций национальной идентичности в современном турецком обществе. Посредством исторического анализа в исследовании прослеживаются ключевые события, включая военные перевороты, подъем политического ислама и идеологическую поляризацию между кемалистским секуляризмом и исламистским консерватизмом. Автор выделяет и анализирует четыре доминирующие парадигмы идентичности к началу XXI века: пантюркизм, республиканский национализм, османский исламизм и западный либерализм. Исследование показывает, что Турция пытается балансировать между европейской интеграцией и исламом на фоне экономических кризисов. В выводах подчеркивается существующий в обществе раскол между сторонниками секуляризма и политическим исламом, который был получил большее развитие с приходом к власти ПСР. Исследование дополняет понимание политического ландшафта современной Турции.

Ключевые слова: Турция, национальная идентичность, политический ислам, курдский национализм, пантюркизм, нео-османизм, кемализм.

Gashimli M.A.

Master's student, Institute of Eurasian and Oriental Studies of the Russian State University for the Humanities.

The impact of socio-political processes within Turkish society in the second half of the 20th century on the formation of national identity concepts

Abstract. The article examines the impact of socio-political transformations in Turkish society in the second half of the 20th century on the formation of competing concepts

---

* © Гашимли М.А., 2025.

of national identity in modern Turkish society. Through historical analysis, the study traces key events, including military coups, the rise of political Islam, and the ideological polarization between Kemalist secularism and Islamist conservatism. The author identifies and analyzes four dominant paradigms of identity by the beginning of the 21st century: pan-Turkism, Republican nationalism, Ottoman Islamism and Western liberalism. The study shows that Turkey is trying to balance between European integration and Islam against the backdrop of economic crises. The conclusions highlight the existing split in society between supporters of secularism and political Islam, which has been more developed since the AKP came to power. The study adds to the understanding of the political landscape of modern Turkey.

Key words: Turkey, national identity, political Islam, Kurdish nationalism, pan-turkism, neo-ottomanism, Kemalism.

Турецкое государство вступило в XXI в., пройдя ряд трансформаций, которые также оказали огромное влияние на общественно-политическую жизнь общества. Представляется важным рассмотреть, какие именно идеи получили развитие в турецком обществе во второй половине XX в. для более лучшего понимания современного общественно-политического ландшафта страны.

Первая трансформация, в 1945 г., заключалась в отказе от однопартийной системы и ознаменовалась приходом Демократической Партии (ДП) Аднана Мендереса к власти в 1950 г. на смену Народно-Республиканской Партии (НРП), основанной Мустафой Кемалем. Демократическая Партия проводила активную политику либерализации. Ослабления в цензуре привели к росту числа СМИ, в том числе оппозиционных. Однако, реформы, важнейшие из которых были направлены на снижение роли государственного сектора в экономике, были непоследовательны и малоэффективны, что привело Турцию к затяжному экономическому кризису. В конечном итоге, стремясь сохранить власть, руководство ДП стало ужесточать политический режим [1].

Вторая трансформация турецкой государственности случилась в 1960 г., когда ДП была отстранена от власти в результате военного переворота 27 мая, осуществленного военной элитой во главе с генералом Джемалем Гюрселем. Военный переворот был вызван недовольством народа давлением на оппозицию со стороны ДП, ростом коррупции, несбалансированными реформами, следствием которых стал экономический кризис и социальная напряженность. Итогом майского военного переворота стало принятие новой Конституции 1961 г., которая кардинально меняла парламентскую систему государства и усиливала политическое влияние военной элиты [2].

На турецкое общество также влияла международная обстановка: после завершения Второй Мировой Войны, отношения между СССР и Турецкой

Республикой ухудшились ввиду требований Советского Союза предоставить доступ к Черноморским Проливам и её территориальных претензий к Турции. Вместе с тем, Турция активно сближалась с США, и без того слабая экономика страны оказывалась в зависимости от финансовой поддержки США, что также вызывало недовольство части населения [3]. Турецкое общество во второй половине XX в. ввиду множества экономических и политических факторов раскололось на «правых» и «левых», чья острая политическая борьба фактически длилась до 1980 г. Можно сказать, что одновременно выступая за спасение Турецкого государства, «правые» стояли на позициях антикоммунизма, в то время как «левые» — на позициях антиимпериализма.

Третья трансформация турецкого государства произошла в 1971 г. на фоне длительной экономической рецессии и активного противостояния леворадикальных движений, с одной стороны, и националистических и исламистских группировок, с другой [4]. Данное противостояние оказывало влияние на все общество. В меморандуме от 12 марта, врученному премьер-министру Сулейману Демирелю представителями вооруженных сил республики, говорилось, что «необходимо положить конец анархии, братоубийственной войне и социально-экономическому кризису, провоцирующему массовые беспорядки и брожения». Правительство Демиреля отказалось принимать ультимативные условия военных, что привело к смещению Демиреля. В ходе долгого политического процесса во власти создавались непрочные коалиции (с марта 1971 г. до сентября 1980 г. власть в Турции осуществляло одиннадцать кабинетов), которые никак не могли разрешить проблемы турецкого общества.

Два десятилетия в турецком обществе происходила ожесточенная борьба, в которую были включены различные политические силы. К 1960-м гг. непосредственные соратники Ататюрка отошли от активной политической жизни, что способствовало усилению политического ислама, который долгое время был под запретом в Турции.

Ислам как организованное политическое движение оформился в манифесте 1969 г. основателя движения «*Milli görüş*» (Национальный взгляд) Неджметтина Эрбакана, который позднее станет влиятельной политической фигурой. В данном манифесте, выступавшем за возрождение исламской морали, единства мусульманского мира, утверждалось, что Турция никогда не была частью Европы — ни культурно, ни исторически, ни географически [5]. Она может успешно развиваться самостоятельно, опираясь на свою собственную экономическую мощь и народ, защищая свои ценности, следуя заветам ислама, конкурируя с западными странами. Главной целью развития Турции, согласно Эрбакану, было усиление влияния в мусульманских странах Ближнего Востока, а также Кавказа и Балкан, а в даль-

нейшем — создание международных структур, которые успешно решали бы стоящие перед ними задачи согласно ценностям ислама (чего, по его мнению, не могли сделать существующие международные организации). Стоит отметить, что Эрбакан в своем манифесте проводит различие между западными технологиями и западной культурой, выступая за технологическую модернизацию Турции, но критикуя концепции глобального рынка и европейской интеграции. В дальнейшем этот манифест станет идеологической основой для многих политических партий и движений Турции и за её пределами.

Вместе с тем популярность приобретали и ультраправые организации, в частности, организация «*Voz kurtlar*» (Серые волки), основанная генералом Альпарсланом Тюркешем в конце 1960-х гг. «Серые волки» — сторонники крайней формы турецкого национализма и пантюркизма — вели активную террористическую деятельность как внутри Турции, так и вне ее. Главными врагами Турции они считали этнические меньшинства на ее территории: курдов, греков, армян.

Левые общественные движения в это время выступали с идеями превращения Турции в социалистическое государство. В социализме представители левого движения, в частности, Доан Авиджоглу, видели решение главных проблем Турции: нестабильность политической системы и неразвитость национальной экономики [6]. Эти проблемы можно было бы решить путем ужесточения контроля государства над экономической системой, ликвидации ее догоняющего характера. В этом смысле, можно сказать, что турецкие социалисты поддерживали этатизм, как одну из «стрел Ататюрка». Турецкая Рабочая Партия, единственная партия, выступавшая за легальную борьбу, получила места в Великом Национальном Собрании Турции. Одновременно, в 1960-е гг. активно развивалось профсоюзное движение. Самым популярным профсоюзом была «*Türkiye Devrimci İşçi Sendikaları Konfederasyonu*» (Конференция революционных профсоюзов Турции), которая также выступала против притеснения по национальному признаку на юго-востоке страны. Позднее, тема притеснения по национальному признаку станет ключевой в турецком левом движении.

Турецкая республика, еще со времен национально-освободительной войны 1920-х гг., в своей внутренней интеграционной политике придерживалась принципа «одна страна — одна нация». Этот принцип единства был закреплен во всех конституциях Республики. Со временем такая жесткая установка привела к тому, что любые проявления национального самосознания не-турок стали расцениваться как сепаратизм и подавлялись. Курды, как самое многочисленное меньшинство в Турции, проживающие на юго-востоке страны, стали проблемой с самого его образования. Обещанная Ататюрком автономия не была дарована курдам, которых позднее

вообще перестали рассматривать как отдельный этнос, относя к «горным туркам» и одновременно притесняя их: курдам навязывались турецкий язык и культура, осуществлялось их массовое переселение. Такое положение не устраивало курдские племена, которые периодически восставали против такого отношения. С наступлением широкой демократии в турецком обществе в 1960-е г. курдский вопрос стал продвигаться в массы через прокурдские политические партии и стал широко обсуждаемой темой на фоне курдского восстания в Ираке. Но каких-либо мер по разрешению курдского вопроса власти не предпринимали. К 1980-м гг., когда бескомпромиссность государства по отношению к курдскому вопросу стала очевидна, курдское движение стало принимать более радикальные формы. «Partiya Karkeren Kurdistan» (Рабочая Партия Курдистана, РПК), основанная Абдуллой Оджаланом, с 1984 г. начала активную борьбу против власти на юго-востоке Республики, позднее переросшую в постоянный очаг напряженности в регионе [7].

Последний турецкий военный переворот в XX в., повлиявший на общественно-политическое движение турецкого общества, произошел в 1980 г. Власть в стране пришла к Совету национальной безопасности во главе с Кенаном Эвреном. Все влиятельные политики были арестованы и лишены права вести политическую деятельность в ближайшие несколько лет, фактически в стране произошла деполитизация. А единственной верной формулировкой национализма провозглашался «национализм Ататюрка». В стране была принята новая Конституция в 1982 г., которая с внесенными поправками действует до сих пор [8]. Новая Конституция была нацелена на предотвращение ситуаций, которые могли бы создать угрозу существующего режима. Она резко усилила роль исполнительной власти по сравнению с законодательной и судебной, а именно: расширила полномочия президента, который получил право назначать досрочные парламентские выборы для предотвращения кризисов. Именно в этот период на политическую арену выходит Тургут Озал — начавший политическую деятельность профессор экономики, который своими реформами не только успешно выводит страну из кризиса, но и переводит ее на рыночную модель. Партия Отечества Тургута Озала становится лидирующей в парламенте, сам Озал становится президентом в 1989 г. [9].

По вопросу дальнейшего развития Турции Тургут Озал высказывался, что государство не должно выбирать между европеизацией и исламизацией. Озал считал, что Турция — европейская мусульманская страна и всегда будет частью Европы. Турции, согласно Озалу, не стоит отказываться от своего прошлого, чего добивался Кемаль, который стремился порвать связи между Турецкой республикой и Османской империей. Наоборот, он считал, что опыт Османской империи даровал Турции возможность стать

мостом между светской Европой и мусульманским Ближним Востоком, так как турецкая модель ислама успешно сочетается с идеями прогресса. Одновременно, османский опыт позволяет гармонично управлять всем регионом Ближнего Востока. Озал не считал ислам препятствием на пути перемен и прогресса и признавал силу исламской солидарности между различными этническими группами. Он представлял себе мультикультурную, демократическую и экономически процветающую Турцию.

Несмотря на общий успех экономической политики, в Турции в период руководства Озала значительно углубился разрыв между богатыми и бедными, как в городе, так и в деревне [10]. Кроме того, разрыв произошел и между развитым Западом Турции и ее отсталым Востоком, где, к тому же, шла активная борьба против РПК. Благодаря урбанизации, развитию капиталистических отношений и миграции, западная часть Турции активно перенимала европейские ценности, образ жизни. Одновременно с этим, население слаборазвитого, охваченного боевыми действиями Востока страны все больше уходило в религию и традиционный образ жизни.

Именно в это время, а точнее в 1987 г., Турция подала заявку на членство в Европейском экономическом сообществе. Если вначале Турция рассматривалась Европейским сообществом как успешное государство с развивающейся экономикой, то уже в 1990-е гг. важность приобрели проблемы установления и совершенствования демократии.

По этим причинам переговорный процесс по поводу вступления Турции в Европейское сообщество, а после 1992 г. — Европейский Союз (ЕС), происходил медленно. Так, ЕС считал, что демократические принципы еще не прочно установились в турецком обществе, кроме того, отмечалось наличие серьезной коррупции и медленное проведение институциональных реформ по гармонизации законодательства со стандартами ЕС [11]. Турция, с другой стороны, обвиняла ЕС в поддержке Кипра и в религиозных предрассудках. Когда в 1999 г. Турция наконец получила статус официального кандидата в ЕС, общественный энтузиазм по поводу интеграции значительно ослаб.

После распада СССР возник вопрос о дальнейшем развитии Турции в условиях коренных перемен на международной арене. Потеряв свое значение антикоммунистического форпоста НАТО, Турция стала налаживать связи с молодыми тюркскими государствами постсоветского пространства. Одновременно, значительно усилились позиции политического ислама внутри турецкого общества — на политической арене стали появляться партии, идеологии которых скрыто или напрямую имели исламскую основу. Любопытно отношение сторонников политического ислама к наследию Ататюрка: принцип секуляризма (или лаицизма) они понимали, как гарантию свободы вероисповедания, защиты религиозной культуры, а так-

же гаранта независимости религии от контроля государства. Объяснением роста политического ислама может служить постепенное разочарование в возможностях вступления Турции в ЕС и рост разочарования в европейских ценностях, а также постепенное ослабление влияния армии — защитницы наследия Ататюрка.

В результате политических разногласий, приведших к расколу движения «Milli Görüş» на реформистов во главе с Реджепом Тайип Эрдоганом и традиционалистов, которые были сторонниками Неджметтина Эрбакана, в 2001 г. Р.Т. Эрдоганом была основана Партия Справедливости и Развития (ПСР), которая уже на всеобщих выборах 2002 г. набрала 34,4% голосов избирателей.

Можно сказать, что Турецкая республика во второй половине XX в. прошла трудный путь военных переворотов, политической борьбы, внешне- и внутривнутриполитических вызовов, а также столкнулась с расколом общества по нескольким направлениям: отношение к наследию Ататюрка, отношение к политическому исламу, отношение к курдам и отношение к вступлению в ЕС. Исходя из ответов на эти ключевые вопросы можно вывести несколько фундаментальных концепций идентичности внутри турецкого государства, которые сложились к началу XXI в.

Во-первых, пантюркизм, получивший широкую популярность с распадом СССР и образованием молодых республик с тюркским населением. Стоит отметить, что пантюркисты включают в территорию Турана также территории проживания уйгуров, крымских татар и туркменом Мосула. Сторонники этого движения выступают с разными толкованиями пантюркизма: от исключительно культурного взаимодействия до откровенного фашизма [12]. Во многом именно негативная ассоциация этой концепции с ультраправыми группировками со временем привела к потере ею популярности. Общими ценностями всех тюркских народов, среди которых Турецкая Республика считается «ağabey» (старшим братом), являются общность тюркских языков, ислам, общая история, восходящая к доосманским временам, кочевое происхождение из Центральной Азии и в целом образ жизни. Пантюркисты видят своей целью не только защиту Турции от возможного западного империализма или коммунизма, но и поддержку молодых тюркских республик и их возрождение. Интересна позиция пантюркистов касательно курдской проблемы: так, пантюркисты считают курдов тюрками, которые забыли о своем происхождении и отказываются принять свою тюркскую идентичность.

Во-вторых, это республиканский национализм, в основе которого лежит защита и почитание наследия Ататюрка. Сторонники республиканского национализма делятся на «жестких» последователей Ататюрка и на более «гибких», готовых к решению задач защиты Турецкого государства

при помощи альтернативных методов. Самыми важными ценностями сторонников республиканского национализма являются: идентификация себя в качестве турка, уважение турецкого языка, почитание Ататюрка. Турецкий язык, как основа турецкой идентичности, был выбран не случайно: консолидация разнородного населения молодого турецкого государства на основе общности языка оказалась более эффективной, чем консолидация на основе религии и этнического происхождения. Исходя из уроков распада Османской империи, этническая идентичность рассматривается как губительная для государства, в конечном счете приводящая ее к внутреннему конфликту. Так, сторонники республиканского национализма резко отрицательно относятся к курдским сепаратистам, которые хотят нарушить границы Турции, очерченные Лозаннским договором 1923 г. На международной арене республиканцы видят Турцию как мирное европейское государство, которое проводит независимую и не агрессивную внешнюю политику, сосредоточившись на внутреннем развитии. Самым важным из принципов Ататюрка для современных республиканцев остается секуляризм. Приверженность секуляризму на уровне государства в видении республиканцев является ключом к успешному развитию Турции, а уклон в сторону ислама такая же опасность, как внешнее вмешательство или внутренний сепаратизм [13]. Современные республиканцы относятся с опаской к росту религиозного дискурса с приходом к власти ПСР и ослаблению институтов, созданных защищать секулярный строй Турции (Вооруженные силы Турции, Конституционный и другие суды, Конституция, автономия университетов).

В-третьих, османский ислаимизм, который является противоположностью республиканского национализма. Согласно данной концепции, турецкая идентичность сочетает в себе образ жизни праведного мусульманина и почитание прошлого Османской империи [14]. Очевидно консервативная, эта концепция идентичности яро порицает атеизм и безнравственность с позиций ислама. Кроме того, эта концепция исключает нехристианское население Турции, она также исключает мусульман-не-суннитов. Так, алевиты — культурная и религиозная община, составляющая около 5% населения Турции — наряду с другими социокультурными меньшинствами, согласно этой концепции идентичности не соответствуют идее «образцового гражданина Турции». Сторонники османского ислаимизма поддерживают усиление позиций ислама в Турецком государстве и активное сотрудничество Турции с мусульманскими странами на международной арене. Кроме того, такая идентичность предполагает, что современная Турецкая республика — прямая наследница Османской империи, которая должна стать лидером мусульманского мира. Такая переориентация на Восток должна происходить с одновременным отдалением от Европы, которая подчиняет

культуру и образ жизни Турции западным ценностям. Эта концепция благодаря усилению позиций ПСР и Р.Т. Эрдогана и последовательному обращению к образу османского прошлого и ислама в своей политике получила название «нео-османизм» [15].

В-четвертых, либеральная идентичность, которая характеризуется самой широкой инклюзивностью. Так, любой человек, уважающий права и свободы личности и поддерживающий развитие Турции в западном направлении, считается турком [14]. Стоит отметить, что в концепции либерализма термин «türk» (турок), используемый кемалистами в националистическом смысле и потому имевший негативный смысл для некоторых меньшинств, заменен на более общий термин «Türkiyeli» («из Турции»). Данная идентичность особо признается теми, кто не может соотносить себя ни с этническим турками, ни с мусульманами-суннитами, ни с какими-либо консерваторами. Выступая за активное включение в европейское сообщество, сторонники этой идентичности считают, что Турция должна развивать демократию и стать образцом для других стран в Ближневосточном регионе.

Конечно же, самое важное значение для дальнейшего развития государства имеет раскол по линии «кемалистов — исламистов»; согласно результатам нескольких референдумов на протяжении последних 30 лет фактическое соотношение сил одинаковое, с небольшим перевесом в сторону исламистов, что также доказали президентские выборы 2023 г. [16]. В результате общественно-политических процессов 1990-х гг., приведших к усталости электората от неопределенности направления дальнейшего развития страны, в 2002 г. к власти пришла основанная Реджепом Тайип Эрдоганом Партия Справедливости и Развития, которая вобрала в свою программу наиболее актуальные ожидания избирателей и позиционировала себя как «консервативные демократы». Но по мере закрепления во власти ПСР изменила свою идеологическую концепцию, ориентируясь больше на консервативные националистически настроенные слои турецкого общества, яро противостояла кемалистам и критикуя их.

Библиографический список:

1. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – Москва: [б. и.], 2007. 583 с.
2. Васильев А.Д. Армия в Турции // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 45-62.
3. Özgür M.U. The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism - London : I.B.Tauris, 2010. 280 p.
4. Галимова Л.Н. Армия и исламские партии в политической жизни Турции во второй половине XX века // СНВ. 2021. № 2. С. 34-48.
5. Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Россия и мусульманский мир. 2009. № 5. С. 78-92.
6. Altay A.A. Doğan Avcıoğlu ve Orta Asya Türkleri // Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2018. Vol. 20. № 2. P. 233-251.
7. Веденеев И.Н. Турецкие левые и национальное движение курдов: к вопросу преемственности (1960-1980

- гг.) // Вестник БГУ. 2021. № 4 (50). С. 112-125.
8. Галимова Л.Н. Политический кризис в Турции 1970-х гг. и военный переворот 12 сентября 1980 года // СНВ. 2020. № 3 (32). С. 56-71.
9. Мусаева С.И. Тургут Озал и его внешнеэкономическая политика // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 89-104.
10. Баданина В.В. Процесс либерализации турецкой экономики в 80-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2-1. С. 156-168.
11. Козлов А.Р. Политика Европейского Союза в отношении Турции: исторический аспект // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 234-248.
12. Васильева С.А. Основные принципы пантюркистской идеологии и их эволюция // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. С. 45-53.
13. Янлык Л. Кемализм: возникновение и типология // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 123-136.
14. Hintz L. Identity Politics Inside Out: National Identity Contestation and Foreign Policy in Turkey - 1st ed. - New York: Oxford University Press, 2018. 224 p.
15. Смирнова П.Е. Исторические корни неосманства во внешней политике Турецкой Республики // Вестник ННГУ. 2023. № 1. С. 67-79.
16. Задаев Э.К.О. Президентские выборы в Турции в 2023 году как следствие цивилизационного разлома // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 190. С. 34-48.

Reference

1. Kireev N.G. History of Turkey. XX century. - Moscow: [b. i.], 2007. 583 p.
2. Vasiliev A.D. Army in Turkey // History and Modernity. 2013. № 2 (18). P. 45-62.
3. Özgür M.U. The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism - London : I.B.Tauris, 2010. 280 p.
4. Galimova L.N. Army and Islamic Parties in the Political Life of Turkey in the Second Half of the 20th Century // SNV. 2021. № 2. P. 34-48.
5. Shlykov P.V. Political Islam in Turkey: The Search for a New Identity // Russia and the Muslim World. 2009. № 5. P. 78-92.
6. Altay A.A. Doğan Avcioğlu ve Orta Asya Türkleri // Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2018. Vol. 20. № 2. P. 233-251.
7. Vedenyev I.N. Turkish leftists and the Kurdish national movement: on the issue of continuity (1960-1980) // Bulletin of BSU. 2021. № 4 (50). P. 112-125.
8. Galimova L.N. Political crisis in Turkey in the 1970s and the military coup of September 12, 1980 // SNV. 2020. № 3 (32). P. 56-71.
9. Musayeva S.I. Turgut Ozal and his foreign economic policy // Modern scientific thought. 2022. № 4. P. 89-104.
10. Badanina V.V. The process of liberalization of the Turkish economy in the 80s of the XX century // Scientific notes of Kazan University. Series Humanitarian sciences. 2009. Vol. 151. № 2-1. P. 156-168.
11. Kozlov A.R. The policy of the European Union towards Turkey: historical aspect // Bulletin of science. 2023. № 11 (68). P. 234-248.
12. Vasilyeva S.A. The Main Principles of Pan-Turkic Ideology and Their Evolution // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2012. № 3. P. 45-53.
13. Yanlyk L. Kemalism: Origin and Typology // Free Thought. 2019. № 2 (1674). P. 123-136.
14. Hintz L. Identity Politics Inside Out: National Identity Contestation and Foreign Policy in Turkey - 1st ed. - New York: Oxford University Press, 2018. 224 p.
15. Smirnova P.E. Historical Roots of Neo-Ottomanism in the Foreign Policy of the Republic of Turkey // Bulletin of UNN. 2023. № 1. P. 67-79.
16. Zadaev E.K.O. Presidential elections in Turkey in 2023 as a consequence of a civilizational rift // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 190. P. 34-48.

Воронов И.И.

Аспирант. Луганский государственный педагогический университет.

Влияние расширения НАТО на военно-техническое сотрудничество США и Польши (1989-2017 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния вступления Польши в НАТО на развитие военно-технического сотрудничества с США в период 1989-2017 гг. Рассматриваются предпосылки расширения НАТО, ключевые этапы поставок вооружения (F-16, Patriot), совместные военные программы и их экономическо-политические последствия. Используются исторический метод, сравнительный анализ и данные официальных документов. Установлено, что вступление в НАТО стало катализатором модернизации польской армии, но сопровождалось финансовыми и политическими вызовами. Результаты подчеркивают значимость сотрудничества для обеих сторон и открывают перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: НАТО, Польша, США, военно-техническое сотрудничество, безопасность, F-16, геополитика.

Voronov I.I.

Postgraduate student. Lugansk State Pedagogical University.

The impact of NATO Expansion on military-technical cooperation between the USA and Poland (1989-2017)

Abstract. The article analyzes the impact of Poland's accession to NATO on the development of military-technical cooperation with the USA from 1989 to 2017. It examines the prerequisites for NATO expansion, key stages of arms supplies (F-16, Patriot), joint military programs, and their economic and political consequences. Historical and comparative methods, as well as official documents, were used. It is established that NATO membership catalyzed the modernization of Poland's armed forces but was accompanied by financial and political challenges. The findings highlight the significance of this cooperation for both parties and open prospects for further research.

Key words: NATO, Poland, USA, military-technical cooperation, security, F-16, geopolitics.

---

* © Воронов И.И., 2025.

Расширение НАТО на Восток после окончания Холодной войны стало ключевым событием в истории постсоветской Европы, изменив геополитический ландшафт региона [1]. Польша, вступившая в НАТО 12 марта 1999 года, заняла особое место в военно-стратегических планах США как форпост на восточном фланге альянса [9]. Военно-техническое сотрудничество между странами усилилось после этого шага, что делает тему актуальной для анализа международной безопасности и истории [7].

Цель статьи - проанализировать, как вступление Польши в НАТО повлияло на развитие ее военно-технического сотрудничества с США в период 1989-2017 гг. Задачи:

- 1) выявить предпосылки вступления Польши в НАТО;
- 2) оценить динамику поставок вооружения и совместных программ;
- 3) проанализировать экономические и политические последствия.

Тема расширения НАТО освещена в работах З. Бжезинского [1, 8], польских авторов, таких как А. Новак [4]. Польско-американские отношения изучались Громько А.А. [2], Музалевский С.М. [5] и другими, но военно-технический аспект остается недостаточно исследованным, что подчеркивает новизну статьи.

Применены сравнительный анализ (этапы сотрудничества), исторический метод (хронология событий) и анализ документов (отчеты НАТО [14], данные CRS [11]).

Расширение НАТО на Восток стало одним из ключевых процессов в трансформации европейской безопасности после окончания Холодной войны. Для Польши этот шаг был не просто геополитическим выбором, а стратегическим решением, продиктованным историческим опытом, экономическими нуждами и стремлением к интеграции в западный мир. Процесс подготовки к вступлению Польши в НАТО начался вскоре после распада СССР и завершился ее официальным присоединением к альянсу 12 марта 1999 года. Чтобы понять предпосылки этого события, необходимо рассмотреть хронологию, мотивы Польши и роль США в этом процессе.

Хронология и ключевые этапы

После падения коммунистического режима в 1989 году Польша начала активный переход к демократии и рыночной экономике. Уже в 1991 году, после роспуска Варшавского договора (1 июля 1991 года), страна заявила о намерении искать новые гарантии безопасности [4]. В 1994 году Польша присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира» (Partnership for Peace), запущенной альянсом для сотрудничества с посткоммунистическими странами [10]. Этот шаг стал промежуточным, позволяя Польше адаптироваться к стандартам НАТО и демонстрировать готовность к интеграции.

Решающий момент наступил на саммите НАТО в Мадриде 8-9 июля 1997 года, где Польшу, Чехию и Венгрию официально пригласили к пере-

говорам о вступлении [14]. Переговоры завершились успешно, и 12 марта 1999 года Польша стала полноправным членом альянса, что ознаменовало первый этап расширения НАТО на Восток после Холодной войны [12]. Этот процесс был поддержан как польской политической элитой, так и общественным мнением: опросы 1990-х годов показывали, что более 60% поляков выступали за вступление в НАТО как гарантию безопасности [11].

Политические и военные мотивы Польши

Основным мотивом вступления Польши в НАТО была потребность в обеспечении национальной безопасности в условиях нестабильности на постсоветском пространстве. Историческая память о разделе Польши в XVIII веке, пакте Молотова-Риббентропа 19 года и советском доминировании после 1945 года подогревала опасения перед потенциальной угрозой со стороны России [49, Носков А. Ф.]. События в Чечне (1994-1996) и неопределенность в отношениях с Москвой только усиливали эти настроения [4]. Польский историк А. Новак подчеркивает, что вступление в НАТО воспринималось как «возвращение в Европу» и разрыв с советским прошлым [4].

Военный аспект также играл ключевую роль. После распада Варшавского договора польская армия осталась с устаревшим советским вооружением (танки Т-55, самолеты МиГ-21), не соответствовавшим новым вызовам [6]. Вступление в НАТО открывало доступ к западным технологиям и стандартам, что было необходимо для модернизации вооруженных сил. Польское руководство видело в этом не только военную, но и политическую выгоду - укрепление позиций на международной арене [9].

Экономическая трансформация Польши после 1989 года также способствовала ее ориентации на Запад. Переход от плановой экономики к рыночной требовал инвестиций и технологий, которые США и их союзники могли предоставить [5]. Программа «Партнерство ради мира» и последующее членство в НАТО сопровождалось экономической помощью: в 1996 году Конгресс США выделил \$60 млн на подготовку восточноевропейских стран к вступлению, включая Польшу [10]. Это стало частью более широкой стратегии интеграции Польши в западные структуры, включая будущий вступление в ЕС (2004 год) [12].

Соединенные Штаты сыграли решающую роль в продвижении расширения НАТО. После окончания Холодной войны администрация Билла Клинтона видела в этом способ укрепить влияние США в Европе и предотвратить возрождение российского империализма [8]. Збигнев Бжезинский, влиятельный американский стратег польского происхождения, активно лоббировал включение Польши в НАТО, называя ее «ключом к стабильности в Центральной Европе» [1]. В 1994 году Клинтон в своей речи в Варшаве подчеркнул, что «двери НАТО открыты для Польши» [8], что стало сигналом для начала активных переговоров.

США также предоставляли практическую поддержку: с 1995 года Польша участвовала в совместных учениях с американскими войсками, а в 1996-1998 годах получила гранты на реформирование армии [11]. Польский американский конгресс (Polish American Congress) в США активно поддерживал этот процесс, усиливая политическое давление на Вашингтон [10]. Как отмечает М. Куглер, американская политика в этот период была направлена на создание «пояса стабильности» в Восточной Европе, где Польша занимала центральное место [10].

Таким образом, вступление Польши в НАТО было результатом сочетания внутренних и внешних факторов. Польша стремилась к безопасности, модернизации и интеграции в западный мир, а США видели в этом возможность расширить свое влияние и укрепить альянс. Этот шаг заложил основу для дальнейшего военно-технического сотрудничества, которое стало развиваться после 1999 года [7].

Вступление Польши в НАТО 12 марта 1999 года стало поворотным моментом в ее военно-технических отношениях с США. Этот процесс не только укрепил стратегическое партнерство двух стран, но и открыл Польше доступ к американским технологиям, вооружению и совместным военным программам. Сотрудничество развивалось в трех ключевых направлениях: поставки вооружения, участие в военных контрактах и программах, а также проведение совместных учений. Эти аспекты стали основой модернизации польской армии и интеграции в структуры НАТО, что подчеркивает значимость периода 1999-2017 годов [9].

Поставки вооружения

Одним из первых и наиболее значимых шагов стало приобретение Польшей американских истребителей F-16. В апреле 2003 года был подписан контракт на поставку 48 самолетов F-16C/D Block 52+ в рамках программы «Peace Sky» на сумму \$3,5 млрд [13]. Это соглашение стало крупнейшей военной сделкой в истории посткоммунистической Польши. Первые самолеты прибыли на базу в Кшесинах в ноябре 2006 года, а полный ввод в эксплуатацию завершился к 2008 году [6]. Польша стала первой страной Восточной Европы, получившей столь современные боевые машины, что резко повысило ее боеспособность в рамках НАТО.

Второй важный этап начался в 2010-х годах с переговоров о системах ПВО. В 2016 году Польша и США начали подготовку к поставке комплексов Patriot, что завершилось контрактом на \$4,75 млрд в марте 2018 года (хотя переговоры и финансирование стартовали в рамках периода до 2017 года) [11]. Также в 2008-2010 годах Польша закупила 204 противотанковых комплекса Javelin на сумму около \$150 млн, что укрепило ее возможности в борьбе с бронетехникой [10]. Эти поставки демонстрируют переход Польши от советского вооружения к стандартам НАТО под эгидой США.

Военные контракты и программы

Сотрудничество осуществлялось через механизм Foreign Military Sales (FMS) - программу Пентагона по продаже военной техники союзникам. По данным Congressional Research Service, с 1999 по 2017 год Польша закупила через FMS вооружения и услуг на \$6,1 млрд [11]. Контракт на F-16 сопровождался офсетными соглашениями: американские компании, такие как Lockheed Martin, обязались инвестировать \$6 млрд в польскую экономику, включая производство комплектующих на заводе в Мелеце [5]. Это позволило Польше не только закупать технику, но и развивать собственную оборонную промышленность.

В 2015 году началась программа модернизации польских танков Т-72 с использованием американских технологий, включая улучшение систем наведения и защиты [7]. Также Польша участвовала в программах технической помощи США, таких как International Military Education and Training (IMET), через которые с 1999 года более 2 тыс. польских офицеров прошли обучение в американских военных академиях [12]. Эти инициативы обеспечили совместимость польских вооруженных сил с силами НАТО.

Совместные военные учения стали важным элементом сотрудничества, укрепляя оперативную совместимость армий США и Польши. С 2000-х годов Польша регулярно участвовала в маневрах «BALTOPS» (Baltic Operations), ежегодных учениях в Балтийском море, где отрабатывались действия флота и десанта [14]. С 2010 года начались учения «Saber Strike», проводимые в Польше и странах Балтии, с участием до 10 тыс. военнослужащих, включая американские подразделения [9].

Кульминацией стало проведение «Anakonda-2016» - крупнейших учений в истории современной Польши. В июне 2016 года в маневрах участвовало 31 тыс. военных из 24 стран НАТО, из них 14 тыс. - американцы. Учения включали отработку обороны от «гибридных угроз» и демонстрировали готовность Польши к роли лидера на восточном фланге альянса [11]. Как отмечает Г. Козловски, эти мероприятия укрепили доверие между польскими и американскими военными и подтвердили стратегическую значимость Польши для НАТО [9].

Военно-техническое сотрудничество после вступления в НАТО позволило Польше заменить устаревшую советскую технику на современные американские системы, такие как F-16 и Javelin, а позже подготовиться к внедрению Patriot [6]. Программы FMS и совместные учения не только модернизировали армию, но и усилили экономические связи с США через офсетные инвестиции [5]. Польский эксперт Д. Офицеров-Бельский подчеркивает, что это сотрудничество стало «ключевым фактором интеграции Польши в западные военные структуры» [6], что напрямую связано с ее членством в НАТО.

Вступление Польши в НАТО в 1999 году и последующее развитие военно-технического сотрудничества с США оказали значительное влияние на экономику и политическую позицию страны. Эти отношения не ограничивались военной сферой: они стимулировали экономический рост, укрепляли безопасность Польши и формировали ее роль в восточной политике НАТО. Однако они также сопровождались определенными вызовами, связанными с финансовыми обязательствами и балансом между американскими и европейскими интересами [12].

Военно-техническое сотрудничество с США стало важным фактором экономической трансформации Польши. Ключевым примером служит контракт на поставку 48 истребителей F-16 в 2003 году за \$3,5 млрд, который сопровождался офсетными соглашениями на \$6 млрд [5]. Эти инвестиции от американских компаний, таких как Lockheed Martin, были направлены на развитие польской оборонной промышленности. Завод в Мелеце начал производство комплектующих для вертолетов Black Hawk, а в Радоме модернизировали предприятия под выпуск стрелкового оружия [11]. По данным Польского агентства развития (PAIH), к 2010 году это создало около 5 тыс. рабочих мест и привлекло дополнительные иностранные инвестиции в смежные отрасли [11].

Другие программы, такие как модернизация танков Т-72 с участием США (начата в 2015 году), также способствовали технологическому трансферу. Польские предприятия получили доступ к американским системам управления огнем и бронирования, что повысило их конкурентоспособность [7]. Общий объем американских инвестиций в польскую экономику через военно-технические проекты к 2017 году оценивается в \$8-10 млрд, включая прямые контракты и офсеты [11]. Это укрепило экономическую базу Польши как члена НАТО, но потребовало значительных бюджетных расходов, о чем подробнее в разделе 2.4.

Военно-техническое сотрудничество усилило политический вес Польши в НАТО и сделало ее ключевым союзником США в Восточной Европе. В 2008 году Польша согласилась разместить элементы американской системы ПРО (ракеты-перехватчики SM-3) в Редзиково, что стало частью глобальной стратегии США по сдерживанию России [2]. Этот шаг укрепил безопасность Польши, особенно после аннексии Крыма в 2014 году, когда угроза со стороны восточного соседа стала более ощутимой [11]. В обмен США увеличили военное присутствие в Польше: к 2017 году в стране дислоцировались около 4 тыс. американских военнослужащих в рамках операции Atlantic Resolve [10].

Польша также использовала свое положение для продвижения интересов НАТО в регионе. Она активно поддерживала «Восточное партнерство» ЕС, инициированное в 2009 году совместно со Швецией, что отражало американскую линию на интеграцию постсоветских стран в западные структу-

ры [12]. Польский дипломат Р. Зибба отмечает, что сотрудничество с США позволило Польше стать «голосом Восточной Европы» в НАТО. особенно в вопросах поддержки Украины после 2014 года [12].

Польша сыграла важную роль в формировании восточной политики НАТО, что стало возможным благодаря ее военно-техническому партнерству с США. После вступления в альянс в 1999 году Польша выступала за дальнейшее расширение НАТО на Восток, поддерживая вступление стран Балтии (2004) и лоббируя интересы Грузии и Украины [4]. Совместные учения, такие как «Anakonda-2016», продемонстрировали готовность Польши координировать действия восточного фланга альянса [9]. Это усилило ее влияние в НАТО и подтвердило стратегическую значимость для США, которые видели в Польше «передовую линию обороны» против России [5].

В 2016 году на саммите НАТО в Варшаве было принято решение о размещении многонациональных батальонов в Польше и Прибалтике (Enhanced Forward Presence), что стало прямым результатом польско-американского сотрудничества [14]. Польша предоставила инфраструктуру и войска, а США - основную часть финансирования и техники. Это укрепило позиции Польши как лидера региона, но также повысило ее зависимость от американской поддержки, что вызвало критику внутри страны и в ЕС [3].

Экономически сотрудничество с США через военно-технические проекты стимулировало промышленность и занятость, хотя и требовало значительных затрат [5]. Политически оно превратило Польшу в важного игрока НАТО, усилило ее безопасность и дало рычаги влияния на восточную политику альянса [12]. Однако этот процесс сопровождался вызовами, такими как финансовая нагрузка и напряженность с европейскими партнерами, что будет рассмотрено в следующем разделе.

Военно-техническое сотрудничество Польши и США после вступления в НАТО в 1999 году принесло значительные выгоды, но не обошлось без проблем. Финансовые затраты, технологическая зависимость и политические противоречия с партнерами по ЕС стали основными вызовами, которые сопровождали этот процесс в период 1989-2017 годов. Эти аспекты вызвали критику как внутри Польши, так и за ее пределами, подчеркивая неоднозначность последствий тесного альянса с США [6].

Одной из главных претензий к сотрудничеству стала высокая стоимость американских вооружений и программ. Контракт на покупку 48 истребителей F-16 в 2003 году за \$3,5 млрд составил около 20% оборонного бюджета Польши того года, что вызвало острую критику в Сейме. Оппозиция, включая партию «Право и справедливость» (PiS), назвала сделку «неоправданно дорогой» для страны, только выходящей из экономического кризиса 1990-х [11]. Обслуживание и обучение персонала увеличили расходы еще на \$1,5 млрд к 2010 году, что усилило финансовую нагрузку [5].

Переговоры о поставке систем ПВО Patriot, начатые в 2016 году (контракт на \$4,75 млрд подписан в 2018-м), также сопровождались спорами. Польское Минобороны оценивало общие затраты, включая интеграцию и обслуживание, в \$10-12 млрд до 2030 года [13]. По данным Центра восточных исследований (OSW, Варшава), к 2017 году Польша потратила на американское вооружение около \$10 млрд через программу FMS, что превышало расходы на социальные программы в некоторые годы [11]. Критики, включая польского политолога Я. Чапутовича, отмечали, что такие траты ограничивали возможности модернизации других секторов экономики [6].

Сотрудничество с США усилило зависимость Польши от американских технологий и поставок. F-16, Patriot и Javelin требовали постоянного обслуживания, запчастей и обучения, которые предоставлялись исключительно США [7]. Например, эксплуатация F-16 зависела от контрактов с Lockheed Martin, а обучение пилотов проводилось в США, что увеличивало расходы и снижало автономию польских ВВС [10]. Польский эксперт Д. Офицеров-Бельский подчеркивает, что к 2017 году более 60% польского арсенала зависело от американских поставок, что ставило Польшу в уязвимое положение в случае изменения политики Вашингтона [6].

Эта зависимость распространялась и на стратегический уровень. Размещение элементов ПРО в 2008 году и американских войск (Atlantic Resolve, 2014-2017) сделало Польшу ключевым звеном в планах США по сдерживанию России, но ограничило ее самостоятельность в военной политике [11]. Как отмечает Р. Зиэба, Польша стала «исполнителем американской стратегии», что иногда противоречило ее национальным интересам [12].

Политические конфликты и трения с ЕС

Ориентация на США вызвала напряженность в отношениях Польши с партнерами по Евросоюзу. В 2008 году решение о размещении ПРО вызвало критику со стороны Франции и Германии, которые видели в этом усиление американского влияния в Европе в ущерб общей политике ЕС [3]. Польский выбор американских Patriot вместо европейских систем (например, франко-итальянских SAMP/T) в 2016 году усилил эти трения, так как ЕС стремился развивать собственную оборонную промышленность [2].

«Кроме того, углубление сотрудничества с США иногда воспринималось как отход от европейской интеграции. В 2010-х годах Польша неоднократно блокировала инициативы ЕС по созданию единой армии, поддерживая вместо этого проекты НАТО под руководством США [12]. Это вызвало обвинения в «двойной лояльности», что осложняло ее позицию в Брюсселе [12]. Збигнев Бжезинский предупреждал, что чрезмерная зависимость от США может ослабить связи Польши с Европой, что стало заметно к 2017 году [5].

Финансовые трудности, технологическая зависимость и политические конфликты стали теневой стороной военно-технического сотрудничества

с США. Польша получила современное вооружение и безопасность, но заплатила за это высокой ценой - как в денежном выражении, так и в плане стратегической автономии [7]. Эти вызовы подчеркивают сложность баланса между национальными интересами и обязательствами перед НАТО и США, что остается актуальным и после 2017 года [9].

Библиографический список:

1. Бжезинский З.Ф. Политика США в Центрально-Восточной Европе. – Москва: Издательство Международных отношений, 2003. 320 с.
2. Громыко А.А. США и Польша: стратегические интересы и вызовы. Москва: Институт мира, 2016. 180 с.
3. Закатиев А.Г. Польша в контексте НАТО и ЕС. Киев: Главная книга, 2021. 250 с.
4. Кольцова Е.Г. Геополитическая мотивация вступления Польши в НАТО и Европейский союз // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 44-48.
5. Музалевский С.М. Военно-политическое сотрудничество США и Польши в 2000-е годы // Вестник РГГУ. 2010. № 12. С. 55-65.
6. Офицеров-Бельский Д.В. Проблемы и противоречия модернизации вооруженных сил Польши // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 3. С. 100-135.
7. Тихонов А.А. Военное сотрудничество США и Польши в условиях усиления геополитического напряжения в Европе // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-31.
8. Brzezinski Z. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. 1992. № 4. P. 39-49.
9. Kozłowski G. Evolution of Political and Security Relationship between the Republic of Poland and the United States of America in the years 1999-2019 // Journal on Baltic Security. 2020. Vol. 6. № 1. P. 45-60.
10. Kugler M. US political and military involvement in the security of Central and Eastern Europe after 1989 - the example of Poland // Scientific Journal of the Military University of Land Forces. 2020. № 52.2 (196). P. 320-338.
11. Nowak J. Poland: Background and U.S. Relations. CRS Report. Congressional Research Service, 2019. R45784. // URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45784> (Дата обращения: 05.08.2024).
12. Szymański M. Security franchising: Polish-American defense cooperation // Poland in transatlantic relations after 1989. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 125-157.
13. Świerczyński M. Patriot System in Poland. Warsaw: Polityka Insight, 2014. 45 p.
14. NATO. Readiness Action Plan. 2017. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_119353.htm (Дата обращения: 10.02.2024).

Reference

1. Brzezinski Z.F. US Policy in Central and Eastern Europe. – Moscow: Izdatelstvo Mezhdunarodnykh Otnosheniya, 2003. 320 p.
2. Gromyko A.A. USA and Poland: Strategic Interests and Challenges. Moscow: Institute of Peace, 2016. 180 p.
3. Zakatiev A.G. Poland in the Context of NATO and the EU. Kyiv: Glavnaya Kniga, 2021. 250 p.
4. Koltsova E.G. Geopolitical Motivation for Poland's Accession to NATO and the European Union // Bulletin of the Herzen State Pedagogical Univ. of Russia. 2009. № 118. P. 44-48.
5. Muzalevsky S.M. Military-political cooperation between the USA and Poland in the 2000s // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. 2010. № 12. P. 55-65.
6. Ofitserov-Belsky D.V. Problems and contradictions of the modernization of the armed forces of Poland // Bulletin of Moscow University. Series 25: International relations and world politics. 2016. Vol. 8. № 3. P. 100-135.
7. Tikhonov A.A. Military cooperation between the USA and Poland in the context of increasing geopolitical tension in Europe // Scientific result. Series: Social and humanitarian studies. 2018. Vol. 4. № 3. P. 21-31.
8. Brzezinski Z. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. 1992. № 4. P. 39-49.
9. Kozłowski G. Evolution of Political and Security Relationship between the Republic of Poland and the United States of America in the years 1999-2019 // Journal on Baltic Security. 2020. Vol. 6. № 1. P. 45-60.
10. Kugler M. US political and military involvement in the security of Central and Eastern Europe after 1989 - the example of Poland // Scientific Journal of the Military University of Land Forces. 2020. № 52.2 (196). P. 320-338.
11. Nowak J. Poland: Background and U.S. Relations. CRS Report. Congressional Research Service, 2019. R45784. // URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45784> (05.08.2024).
12. Szymański M. Security franchising: Polish-American defense cooperation // Poland in transatlantic relations after 1989. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 125-157.
13. Świerczyński M. Patriot System in Poland. Warsaw: Polityka Insight, 2014. 45 p.
14. NATO. Readiness Action Plan. 2017. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_119353.htm (10.02.2024).

Мартirosян В.Б.М.

Студент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Предпосылки англо-испанской войны 1585-1604 гг.*

Аннотация. Данная научная статья посвящена предпосылкам войны 1585-1604 годов между английским королевством и испанской империей. Объектом исследования являются отношения между Испанской империей Габсбургов и английским королевством в годы правления Елизаветы I Тюдор. Предметом исследования служит положение перед войной 1585-1604 годов и её причины. Данное исследование строится на теории марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются установления причин и предпосылок англо-испанской войны 1585-1604 в обостряющихся противоречиях между феодальной и нарождающейся капиталистической системой обеих стран в рамках их колониальной борьбы.

Ключевые слова: реконкиста, Испанская империя, английское королевство, капитализм, феодализм, колонии.

Martirosyan V.B.M.

Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Prerequisites of the Anglo-Spanish War 1585-1604

Abstract. This article is devoted to the study of the prerequisites of the war of 1585-1604 between the English kingdom and the Spanish Empire. The object of this study is relations between the Spanish Empire of the Habsburgs and the English kingdom during the reign of Elizabeth I Tudor. The subject of this study is the situation before the war of 1585-1604 and its causes. The main conclusions of the study are the establishing the causes and prerequisites of the Anglo-Spanish War of 1585-1604 in the escalating contradictions between the feudal and emerging capitalist system of both countries within the framework of their colonial struggle.

Key words: Reconquista, Spanish Empire, English kingdom, capitalism, feudalism, colonies.

---

* © Мартirosян В.Б.М., 2025.

Причины для начала войны

Конфликт между Англией и Испанией в 1585–1604 гг. был результатом сложной сети политических, экономических и религиозных противоречий между двумя государствами. В середине XVI в. одной из ведущих европейских держав стала Испания. После окончания процесса Реконквисты «католические короли» (исп. *Los Reyes Católicos*) – супруги-монархи Изабелла I Кастильская Фердинанд II Арагонский, обратили свое внимание на Италию и земли Нового Света, открытые в 1492 г. Х. Колумбом. Благодаря грамотной династической политике их внук Карлос, стал правителем огромной империи. Его отец – бургундский герцог Филипп I, оставил ему в наследство земли, расположенные на территории стран Бенилюкса и северо-востоке Франции (Артуа и Франш-Конте), а благодаря его матери – кастильской королеве Хуане I Безумной, он был наследником кастильских владений на территории Испании и Латинской Америки. Благодаря связям по отцовской линии с императором Священной Римской империи (СРИ) Максимилианом I Габсбургом и материнской линии с Фердинандом II Арагонский, Карлос претендовал на обширные территории на юге Италии и в Центральной Европе. Став королем Испании в 1516 г. как Карлос I и императором СРИ как Карл V, он превратился в правителя первой трансатлантической империи.

Делом всей своей жизни Карл V видел создание христианской католической империи. Эту идею внушил ему его воспитатель, советник его бабушки Маргариты Австрийской (жены императора Максимилиана I) – Адриан Буйенс, который в 1522 г. был избран Папой Римским Адрианом VI. Он считал, что основная проблема европейских государей состоит в том, что они нарушают основополагающие догмы христианства. Однако рост сторонников протестантизма среди немецких князей, неудачный ход войн с османским султаном Сулейманом I и нежелание французских королей признавать его как лидера католического мира, привели к тому, что Карл V отказался от своей мегаломанской идеи и отрекся от всех своих титулов в 1556 г., удалившись в монастырь. Его империя была разделена между его сыном Филиппом II, который унаследовал испанскую и бургундскую части империи, и его младшим братом Фердинандом I, который унаследовал австрийскую часть империи.

Филипп II, став королем Испании, продолжил курс своего отца на борьбу с Османской империей и Францией. В 1580 г. ему удалось стать королем Португалии, после того как бездетный португальский король Себастьян I погиб в битве при Эль-Ксар-эль-Кебире против османо-марокканских сил. Однако не вся португальская знать была согласна с такими изменениями, что в итоге привело к необходимости размещения испанских войск на территории Португалии

Постоянные войны и внешнеполитические авантюры Филиппа II требовали постоянных расходов. Испания же, открыв для себя золотые (Андские горы) и серебряные (территория современной Аргентины) рудники, целиком зависела от притока золота и серебра. Еще одним источником дохода испанской казны стала территория Нидерландов. Нидерланды были процветающим регионом с процветающей торговой отраслью, но испанские власти ввели высокие налоги и пошлины на голландские товары. Кроме того, Филипп II, ещё по старому феодальному принципу, на правах сеньора вытягивал из этих земель столько средств¹, сколько требовалось королю.

Стоит отметить, в Нидерландах уже активно шли процессы становления капитализма, а значит и становления капиталистических законов и что самое страшное для феодальной империи – становление политической нации. Один из основоположников марксизма, Фридрих Энгельс утверждал, что капитал, сам не имея национального происхождения может стать тем фактором, который способен политическую нацию создать, а его главный соратник и сподвижник Карл Маркс выводил, как один из главных принципов становления нации, принцип единства экономической жизни². Именно тесные экономические связи, положенные на общность территории обитания, общность языка и общность культуры, благодаря буржуазной революции смогут выковать политическую нацию в том смысле, в котором мы знаем её сегодня. Именно это и произошло в XVI в. В Нидерландах, когда местное население и в первую очередь местная буржуазия смогла осознать, что дальше кормить испанскую империю нельзя, местное испанское население стало восприниматься, как чужое и пора было переходить на качественно новый уровень общественных отношений.

Следует отметить, что немалый вклад в эти процессы с идеологической точки зрения, внес немецкий проповедник Мартин Лютер. В 1517 г. он подготовил 95 тезисов, в которых раскритиковал отдельные аспекты католицизма (практика индульгенции и др.). Публикация этого документа стала одной из причин раскола в западнохристианской церкви, в рамках которого появилось направление протестантизма. Именно оно стало серьёзнейшим смысловым подспорьем для развития капиталистической идеи с одной стороны и серьёзнейшей причиной для войны с другой стороны, так как Испанская империя, в состав которой входили глубоко протестантские Нидерланды, была оплотом католичества и главным гарантом католического идеологического господства в Европе.

Конечно же, процессы борьбы за независимость в Нидерландах не мог-

1 Метёлкина Ж.С. «Великий план» Гаспара де Колиньи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 81.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в трех томах. Т. III. – М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 230.

ли не привлечь внимание соседних государств, желавших ослабления Испании и желавших получить часть её ресурсов и рынков сбыта. Этими государствами были Франция и Англия. Для Франции это была возможность ослабить своего давнего соперника, а Англия же, как островное государство, с постоянно растущим населением и экономикой, рано или поздно должна была создать серьёзный флот, что неминуемо привело бы её к столкновению с крупнейшей морской державой – Испанией³. Однако долгое время до начала конфронтации Англии и Испании, английская корона была верной союзницей испанских Габсбургов. Несмотря на то, что ещё со времён Генриха VIII Англия официально стала протестантской страной, её и Испанию связывала вражда с Францией, естественным геополитическим противником испанских Габсбургов, потому как именно Франция физически запирает весь Пиренейский полуостров от остального европейского континента⁴. Кроме того, не вся английская элита приняла новую религию и не оставляла попыток вернуть Англию в лоно католической церкви.

Таким образом, можно выделить несколько причин, приведшими к войне между двумя государствами: 1. Религиозные различия: Англия отделилась от Римско-католической церкви и основала собственную Англиканскую церковь. Это привело к напряженности между двумя странами, поскольку Испания считала Англию протестантским еретическим государством. 2. Экономическая конкуренция: Англия быстро расширяла свою торговлю и коммерцию, и это угрожало господству Испании в Новом Свете. Испания рассматривала растущую мощь Англии как угрозу своим экономическим интересам. 3. Политическая напряженность: Испания рассматривала Англию как соперничающую державу и была полна решимости сохранить свое господство в Европе и в Новом свете.

Предвоенный этап

Для того, чтобы понять как и почему, вроде бы союзнические отношения между Испанией и Англией перешли в стадию военной конфронтации, следует сказать в нашей работе пару слов об американском континенте и его роли в экономике Испанской империи.

Из американских колоний, в первую очередь из южноамериканских, в Испанию поступало множество драгоценных ресурсов, а именно драгоценные металлы, золото, серебро, также ценные породы дерева, шоколад, кофе. Однако все вышеперечисленные ресурсы требуется как-то добывать, то есть для этого нужны люди, способные дешево или даже бесплатно рабо-

---

³ Михеев Д.В. Иностранцы каперы в испанской политике Елизаветы Тюдор (1568-1572) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 55.

⁴ de Cordoba L.C. Historia de Felipe II, Rey de España. Valladolid : Junta de Castilla y León, Consejería de Educación y Cultura, 1998. С. 17.

тать на местах добычи этих ресурсов в крайне неприятных условиях. После того, как опытным путём стало понятно, что местных индейцев заставить работать в неволе невозможно, так как они очень быстро умирают в оной, то на смену им, в огромных количествах с африканского континента стали привозить чернокожих рабов и именно работорговля и стала главным источником богатств Испанской империи⁵. Конечно же, столь удобный и выгодный способ обогащения привлекал многих и, в частности, англичан, которые хотели бы тоже принимать активное участие в работорговле, однако почти весь рынок Испания сумела замять под себя, практически став монополистом, что не могло не раздражать англичан. Также вполне очевидным является тот факт, что доставлять рабов в американские колонии было возможно только по морю, а следовательно, велик был соблазн для англичан приступить к прямому рейдерству на торговых коммуникациях⁶, но поскольку Англия и Испания были союзниками в войне с Францией, то подобный метод обогащения безусловно отпадал. Но вот частная инициатива, не имевшая прямого отношения к английскому государству, позволить себе такой способ, конечно же могла, таким образом начался золотой век пиратства, и как известно огромное количество этих пиратов состояли на неофициальной службе у английской короны.

И именно в этой точке и крылся будущий конфликт между Англией и Испанией. Испанская экономика, которой напрямую зависела от поставок драгоценных металлов из Америки, испанские колонии в Новом свете, которые напрямую же зависели от поставок рабов для работы на рудниках и плантациях, которые доставлялись на континент по Атлантическому океану с перевалочным пунктом на Азорских о-вах. Все это стало законной целью для английских каперов, т.е. пиратов на службе у английской короны. Как писал немецкий исследователь: «Все корабли, которые занимались каперством, как законным, признанным делом, должны были иметь каперские свидетельства от правительства своей страны, при чем портовые власти и несущие полицейскую службу суда не должны были им мешать; правомерность захвата того или другого судна определялась призовыми судами. Впрочем, и здесь оставалось обширное поле для произвола, и по некоторым вопросам, относящимся к каперству, до сих пор не достигнуто международного соглашения»⁷.

Таким образом, всё было готово для полномасштабного противостояния Испании и Англии. А именно:

1) Внутренние проблемы, копившиеся в Испанской империи, а именно

5 Andrews K.R. Caribbean rivalry and the Anglo-Spanish peace of 1604 // *History*. 1974. Т. 59. № 195. С. 17.

6 Махов С.П. Неизвестная война «Золотого века». – М.: Пятый Рим, 2019. С. 92.

7 Штенцель А. История войн на море. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 524.

конфликт между Испанской метрополией и её феодальными владениями в Нидерландах, на фоне роста производительных сил в Голландии нового капиталистического типа и уже более архаичными феодальными общественными отношениями, навязанными Испанией со стороны;

2) Объективные экономические противоречия между испанцами и англичанами;

3) Готовое идеологическое оформление конфликта, выразившееся в том, что одна сторона католическая (Испания), другая протестантская (Англия).

Вначале правления Елизаветы I Тюдор в Англии, союзнические отношения с Испанией всё ещё сохранялись, и Англия продолжала войну во Франции. Но по мере того, как французы победоносно вытесняли англичан со своих территорий, Англия всё больше отдалялась от Испании и в глазах английских суверенов планы по дальнейшей войне с Францией рисовались всё более призрачными и всё чаще возникали идеи о том, что следовало бы переориентироваться на более выгодные направления. В этот момент возникла ситуация при которой, у Англии и Испании исчез сдерживающий союз фактор в виде общего врага, а вот конкретная конкуренция в Атлантическом бассейне за обладание торговыми путями никуда не исчезла.

Список литературы

1. Метёлкина Ж.С. «Великий план» Гаспара де Колиньи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 80-86.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в трех томах. Т. III. – М.: Издательство политической литературы, 1981. 1817 с.
3. Михеев Д.В. Иностранцы каперы в испанской политике Елизаветы Тюдор (1568-1572) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 53-57.
4. de Cordoba L.C. Historia de Felipe II, Rey de España. Valladolid : Junta de Castilla y León, Consejería de Educación y Cultura, 1998. 711 p.
5. Andrews K.R. Caribbean rivalry and the Anglo-Spanish peace of 1604 // History. 1974. Vol. 59. № 195. P. 1-17.
6. Махов С.П. Незвестная война «Золотого века». – М.: Пятый Рим, 2019. 256 с.
7. Штенцель А. История войн на море. – М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. 704 с.

Reference

1. Metelkina Zh.S. "The Great Plan" of Gaspard de Coligny // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2009. No. 93. Pp. 80-86.
2. Marx K., Engels F. Selected Works in Three Volumes. T. III. - M.: Publishing House of Political Literature, 1981. 1817 p.
3. Mikhhev D.V. Foreign Privateers in the Spanish Policy of Elizabeth Tudor (1568-1572) // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2011. No. 127. Pp. 53-57.
4. de Cordoba L.C. Historia de Felipe II, Rey de España. Valladolid: Junta de Castilla y León, Consejería de Educación y Cultura, 1998. 711 p.
5. Andrews K.R. Caribbean rivalry and the Anglo-Spanish peace of 1604 // History. 1974. Vol. 59. No. 195. P. 1-17.
6. Makhov S.P. Unknown war of the "Golden Age". - M.: Fifth Rome, 2019. 256 p.
7. Shtenzel A. History of wars at sea. - M.: Izografus, EKSMO-Press, 2002. 704 p.

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Аджигова А.М.

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры История, республика Ингушетия, город Магас, Ингушский государственный университет.

Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.)*

Аннотация. Работа отражает основные моменты, связанные с процессами становления государственности и функционирования ингушского общества после революции 1917 года. Специфика исследования заключается в изучении того ресурсного потенциала, который повлиял на образование Ингушской АО в 1924 году. При этом целью автор определил комплексный анализ условий жизнедеятельности социума на данной территории в период 1917-1920 гг.

Противоборство политических сил, противостояние официальной власти и гражданского общества породили неоднозначность развития ингушского общества, необходимость интеграции традиций, обычаев данного народа в ту новую жизнь, которая им предлагается новым государством.

Изменение структуры общества, смена политической власти в стране актуализировали трансформацию социальных отношений, а применение физической и военной силы со стороны большевиков также явилось мощным фактором, повлиявшим на развитие ингушского общества, его отношение к социально-политическим изменениям. Объектом является исторический период в 1917-1920 гг., предметом—жизнедеятельность ингушского общества.

В конце исследования автор делает выводы о сложной социально-политической ситуации, которая сопровождает исследуемый исторический период.

Ключевые слова: ингушское общество, смена политической власти, Октябрьская революция, гражданская война, традиционное общество, обычаи, нравы, независимость.

---

* © Аджигова А.М., 2025.

Ajigova A.M.

Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of the Department of History, the Republic of Ingushetia, the city of Magas, Ingush State University.

Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920)

Abstract. The work reflects the main points related to the processes of statehood formation and functioning of Ingush society after the revolution of 1917. The specificity of the study is to study the resource potential that influenced the formation of the Ingush Autonomous Region in 1924. At the same time, the author defined the purpose of a comprehensive analysis of the living conditions of society in this territory in the period 1917-1920.

The confrontation of political forces, the confrontation between official authorities and civil society gave rise to the ambiguity of the development of Ingush society, the need to integrate the traditions and customs of this people into the new life that is offered to them by the state authorities.

The change in the structure of society, the change of political power in the state actualized the transformation of social relations, and the use of physical and military force by the Bolsheviks were also powerful factors that influenced the development of Ingush society and its attitude to socio-political changes. The object is the historical period in 1917-1920, the subject is the vital activity of the Ingush society.

At the end of the study, the author draws conclusions about the complex socio-political situation that accompanies the historical period under study.

Key words: Ingush society, change of political power, October Revolution, civil war, traditional society, customs, mores, independence.

Материалы и методы исследования

Основным методом нашего исследования определен исторический анализ событий, происходящих в период 1917-1920 гг. на территории Ингушетии. Автор исследовал публикации, посвященные становлению ингушской государственности (А.М. Дударов), развитию ингушского народа (Л.С. Гагагова, Т.Х. Матиев).

Также были использованы электронные ресурсы, которые отражают результаты беседы с современниками, мнения различных ученых и актуальные вопросы исторического развития ингушского общества указанного периода.

Введение

Актуальность исследования ингушского общества в период после

1917 года и до 1920 года, обусловлена теми событиями в российском обществе, которые имели весомые, но неоднозначные результаты, были противоречивы и в свое время вызвали массу недовольств и оппозиционных настроений (революция, гражданская война).

Этническое противостояние, вызывающее обострение национальной идентичности между народами Кавказа, обусловило возникновение ряда противоречий, нарушение тех устоявшихся отношений, которые сформировались на Северном Кавказе между различными народами. Кроме того, взаимная неприязнь народов порождается и усиливается этнокультурными различиями, причинами социального порядка: снижением уровня жизни, которое вызвано процессами интеграции различных новшеств в структуру традиционного общества, проблемами с распределением земли, дальнейшим освоением территорий, а также связанным с ними дефицитом человеческих ресурсов, усилением продовольственного кризиса и иных негативных факторов.

Целью работы определен комплексный анализ условий жизнедеятельности социума на территории Ингушетии в период 1917-1920 гг. Объектом является исторический период в 1917-1920 гг., предметом – жизнедеятельность ингушского общества.

Изучение противоречий, сопровождавших трансформацию ингушского общества в период 1917-1920 гг., обусловило постановку исследовательских задач:

1. Определение особенностей функционирования традиционного ингушского общества в период преобразований;
2. Конкретизация изменений, касающихся ингушского общества в период 1917-1920 гг.;
3. Изучение процесса трансформации ингушского общества в исследуемые годы.

Результаты и их обсуждение

Особенности функционирования традиционного ингушского общества в период преобразований

Говоря о национальных особенностях ингушского народа, необходимо отметить специфику быта, обихода и социальных особенностей, связанных с территориальным расположением и традиционными занятиями.

Исконными занятиями ингушей в равнинной части территории исследователи [3], [4] называют животноводство, изредка земледелие. Однако, в данный период от вооруженных конфликтных действий серьезно пострадали не только основные населенные пункты, но и равнинные территории, представляющие ранее собой пастбища, вода в части рек не могла использоваться для питья ввиду загрязнения. Деревни были разорены, скотина

у зажиточного населения угонялась и возможность для восстановления сельского хозяйства была минимальной. Для сглаживания подобных негативных последствий революционных и военных действий новым правительством проводился ряд мер, способствующих нахождению компромисса с ингушским населением. К примеру, терпимое отношение к религии, даже заключение союзов с представителями духовенства, что в дальнейшем составило основу изначально антицарского, а затем, антибелогвардейского движения [8].

Коренные изменения, произошедшие после революции в феврале 1917 г., затронули ингушский народ, который также активно выражал свою позицию по отношению к преобразованиям в стране. Активная верхушка ингушского общества (бывшие чиновники, представители крупной буржуазии, офицеры, духовенство и феодалы) образовала в марте Гражданский комитет. Основной задачей данного органа было поддержание порядка на территории и реализация решений нового правительства.

Именно февраль 1917 г. можно назвать «отправной точкой» начала реализации горцами своих политических прав и определения путей развития территории. Февральская революция, результатом которой стало свержение монархии, сформировала основу демократии в стране и активизировала национальное движение на Северном Кавказе. Социальную базу горского национального движения, можно, с одной стороны, определить, как широкую, имеющую значительную поддержку национальной элиты, а с другой—она была достаточно немногочисленна и нестабильна, т.к. «прослойка» горского общества с высоким уровнем образования была достаточно небольшой и концепции, представляемые интеллигенцией, не были понятны основным массам населения.

Подобный диалектизм, как отмечает А.М. Дударов [3] одновременно обуславливал успех и неудачи горского народа, т.к. порождал внутренние, территориальные противоречия, которые не способствовал укреплению новой власти, единству народа, решению национальной и земельной проблем. На территории Ингушетии, в отличие от центральных регионов России, демократическое движение вышло далеко за рамки классовой борьбы, активизируя национальный компонент.

Актуализируя исследование жизнедеятельности ингушского народа, возможно конкретизировать, что в 1917 году в Ингушетии были выделены две социальные группы:

- интеллигенция, возглавляемая братьями Джабагиевыми с поддержкой части ингушского духовенства. Данная группа вела политику сближения с представителями казачества, впоследствии отделилась некоторая оппозиция, которая была недовольна проводимой политикой и перестала поддерживать функционирующие органы власти. Именно эта часть интеллиген-

ции послужила основой для возникновения социалистического движения, которое позже трансформировалось в революционно- демократическое и радикальное течения [4];

- группа офицеров, выступающая против нововведений и пришедшей власти, составляющая достаточно сильное противодействие.

Кроме того, в качестве основных проблем ингушского общества того времени исследователями, работы которых мы изучили, мы можем выделить:

- недостаточное количество земли в силу того, что она ранее была передана казачеству и полностью вернуть ее не представилось возможным;

- контрастное разделение общества на «верхушку» и основную массу народа, имеющих разные возможности и интересы;

- перемена власти (белые/красные) сопровождалась различными мерами по отношению к ингушскому народу и, соответственно стилем и эффективностью взаимодействия.

Изменения в ингушском обществе в период 1917-1920 гг.

События 1917-1920 гг. (революция, Гражданская война) повлекли за собой массу трансформаций, не обойдя стороной и народы Северного Кавказа. Объединение горских народов, нестабильная политическая ситуация обусловили актуальность формирования нового подхода коммуникации советского государства с ингушским обществом.

Принимая во внимание то, что в мае 1918 года были созданы новое горское правительство и Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД) в контексте объявления независимости Республики Союза горцев Кавказа, мы констатируем, что безусловно, это оказало значительное воздействие на функционирование ингушского общества, расширяя круг прав и полномочий коренным жителям территории. Ингушское население принимало активное участие в формировании данного государственного объединения, избрав председателем общественного и государственного деятеля Висан-Гирея Джабагиева. Демократический характер управления был обусловлен спецификой традиций и характера ингушского народа, возможностью установления контакта и сотрудничества будущего советского государства и народа Ингушетии.

Как подчеркивают различные авторы [6], ситуация в стране в тот период была сложна как в плане внутривнутриполитическом (период после революции, начальный этап Гражданской войны), так и внешнеполитическом (случаи вмешательства в политику страны иностранных государств). Говоря об этих двух группах факторов, необходимо подчеркнуть, что ингуши оказали поддержку большевикам и активно участвовали в антиденикинском движении. Вышеуказанные исследователи указывают на патриотизм и самоотверженность ингушских борцов, отмечая ожесточенные бои в

Инарки, Кантышево и Долаково. Однако, большинство историков подчеркивают, что Ингушский округ рассматривался как территория борьбы противоборствующих сил не только политического, но и социального плана, противостояния элиты и народа. Говоря об ингушской политической элите важно отметить ее позицию по отношению к целостности и независимости республики как составной части целостной России. Часть представителей населения из числа белых офицеров призывала население поддерживать Добровольческую армию, однако, большая часть оказалась на стороне большевиков, обещающих ингушам возвращение земель, которые были отторгнуты в XIX веке в пользу казаков.

Даже сам А.И. Деникин [2, с. 166] отмечал, что Добровольческая армия, которая продвигалась вглубь Кавказа, оказалась в ситуации «сложных и запутанных взаимоотношений». Бывший главнокомандующий в своей работе отмечает специфику социальных, религиозных, традиционных национальных и бытовых условий, которые составили «удивительную кавказскую мозаику», повлиявшую на ход политических событий в первый год революции.

На II съезде народов Терека (февраль- март 1918 г.) ингушское население окончательно признало власть большевиков, а также Совнаркома. В этот же период был избран Совнарком Терской республики, как части РСФСР.

За этим последовал ряд политических событий, которые отражали активность ингушского народа. В 1920 году во Владикавказе прошел Чрезвычайный съезд народов Терека, а через год вышел декрет ВЦИК об образовании Горской республики.

С.А. Орешин [7] говорит о поэтапности трансформаций в ингушском обществе и постепенном привлечении ингушского народа на сторону новой власти. В 1919 г в ауле Гамурзиево состоялся съезд ингушского народа, где генерал С.Т. Мальсагов убеждал горцев подчиниться приказам новой власти, указывая на то, что сил для противостояния белым все равно нет. Однако, ситуация развернулась так, что возникло стихийное антибелогвардейское восстание, чуть позже жестоко подавленное А.И. Деникиным. Позже, в этом же году состоялся очередной съезд ингушского народа, где основной повесткой стало признание власти А.И. Деникина. Чуть позже, в 1920 г. был предпринят ряд мер, направленных на смягчение противостояния коренного населения и новой власти. К примеру, ввели прогрессивную систему налогообложения: подымная подать, взимавшаяся с каждого двора без учета его экономического положения, была заменена налогом со скота. Таким образом, богатым жителям Ингушетии необходимо было платить больше, чем бедным. При этом неимущие освобождались от любых выплат полностью.

Однако, несмотря на данные и множество других мер, реализуемых белогвардейцами, их положение в Ингушетии прочным назвать было нельзя. Это было обусловлено преимущественно тем, что деникинцы отказывались передать часть казачьей земли ингушам, у которых было очень мало либо вообще не было земли. Кроме того, усугубляли ситуацию реквизиции скота и урожая в пользу действующей армии, мобилизация горцев: те действия, которые не способствовали повышению уровня жизни местного населения. Также, политика власти белых была ориентирована на элиту и интеллигенцию ингушского народа, игнорируя нужды и потребности основной массы населения, лишая себя стабильной обширной поддержки. Именно эта часть народа при поддержке Красной армии составила основу для активного антибелогвардейского движения. Недовольство политикой новой власти, ее требования по отношению к ингушам, которые зачастую лишали их последних моральных и материальных благ, формировали нестабильность общества, усиливали классовые противоречия и не позволяли на начальном этапе определять перспективы развития. Общество свобододолюбивых ингушей, дифференцированное на социальные слои, разделилось еще и по политическому признаку, сформировав дополнительные сложности для объединения и вхождения в новое государство.

Подобные факты упрочили положение большевиков на Северном Кавказе и изменили отношение к ним ингушей, формируя принятие их действий. Однако, активной поддержки не было и в этом случае, т.к. коренные жители предпочитали быть послушными победителю с наименьшими ресурсными затратами.

Гражданская война также нанесла немалый ущерб хозяйству Ингушского региона и позже, при восстановлении народного хозяйства, люди встретились со значительными трудностями, которые возникли после разрухи: немногочисленное население, способное к восстановлению, земли, которые превращены в пустоши из-за военных действий или малоземелье, а также малое количество скота, большая часть которого была реквизирована. Все это усложняло и без того тяжелое положение ингушского народа: финансовое политическое и социальное. Самовольное и произвольное изменение границ территории не в сторону расширения привело к разделению народов, усилению недовольства среди ингушей и нивелировалось это только с приходом советской власти [6], которая способствовала созданию и стабилизации государственности у ингушей, появлению возможности сосредоточить усилия на подготовке руководящих кадров, рабочих специальностей, развитию скотоводства и земледелия.

Выводы

Подводя итоги нашей работы, необходимо отметить противоречивость

того исторического периода, о котором говорится в исследовании и сложности восприятия ингушским обществом преобразований, предлагаемых новой властью. Непростое отношение традиционного свободолюбивого народа к тем новшествам, которые сопровождали данный период, способствовало становлению и реализации определенной политики государства по отношению к ингушскому населению и формированию не всегда позитивного мнения о представителях данной национальности. Подобная субъективность, безусловно, усложняла взаимоотношения между государством, представителями ингушского народа и способствовала организации неформальной оппозиции, расколу ингушского общества и возникновению сложностей в социально-политических отношениях в дальнейшем.

При этом необходимо отметить, что совпадение интересов ингушского народа и Советской власти, как отмечает Т.М. Мальсагова, явилось одним из основных факторов, способствующих появлению прочного конструктивного союза.

Актуальным оставался земельный вопрос, требующий разрешения и это понятно, т.к. исконно ингуши, занимаясь животноводством, пользовались землями, привыкли к просторам и данный вопрос Советской властью на исследуемом этапе развития общества полностью решен не был. Именно это, как предполагает Л.С. Гагагова, является причиной желания различных народов выйти из Горской республики.

В качестве основного вывода нужно актуализировать проблему становления государственности ингушского народа. Ингушскую автономную область на более позднем этапе многие исследователи называют одним из первых опытов государственного устройства территорий Северного Кавказа. Сложные политические условия, в которых проходили перемены в политической истории нашего государства, оказывали существенное влияние на становление политической системы, государственного строя, без которых дальнейшие изменения в жизни общества были невозможны.

Библиографический список:

1. Гагагова Л.С. Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе // Вестник РУДН. История России. 2018. № 4. С. 769-791.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М.: Мысль, 1991. 210 с.
3. Дударов А.М. Государственность как достояние ингушского народа (к 100-летию образования Ингушской Автономной области) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2023. № 1. С. 26-29.
4. Исторические этапы развития ингушского общества с XX по XXI вв. (к 100-летию Ингушской государственности) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. № 2. С. 24-34.
5. Мальсагова Т.М. О революции и гражданской войне в Ингушетии 1917-1922 гг. // Образование и право. 2023. № 2. С. 433-441.
6. Матиев Т.Х. Причины и особенности роста влияния пробольшевистских сил в Ингушетии в 1918-1920 гг. // Власть. 2011. № 7. С. 149-152.
7. Орешин С.А. Ингушетия под «Белой» властью: особенности государственного строительства в 1919 - на-

чале 1920 г // Вестник РУДН. История России. 2015. № 2. С. 57-65.

8. Яковлев Н. Ф., «Ингуши», Москва – Ленинград, 1925. 141 с.

9. <https://scipress.ru/fai/articles/vazhnye-aspekty- stanovleniya-ingushskoj-gosudarstvennosti-v-period-s-1917-po-1924-gg-k-100-letiyu-so-dnya-obrazovaniya-ingushskoj-avtonomnoj-oblasti-v-sostave-rsfsr.html> (Дата обращения: 25.04.2025)

Reference

1. Gatagova L.S. Ethnic matrix in the context of the Civil War in the North Caucasus // Bulletin of RUDN. History of Russia. 2018. № 4. P. 769-791.

2. Denikin A.I. Essays on the Russian Time of Troubles. – М.: Mysl, 1991. 210 p.

3. Dudarov A.M. Statehood as a heritage of the Ingush people (on the 100th anniversary of the formation of the Ingush Autonomous Region) // Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. 2023. № 1. P. 26-29.

4. Historical stages of development of the Ingush society from the 20th to the 21st centuries. (on the 100th anniversary of the Ingush statehood) // Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. 2020. № 2. P. 24-34.

5. Malsagova T.M. On the revolution and civil war in Ingushetia 1917-1922 // Education and Law. 2023. № 2. P. 433-441.

6. Matiev T.Kh. Reasons and features of the growth of influence of pro-Bolshevik forces in Ingushetia in 1918-1920 // Power. 2011. № 7. P. 149-152.

7. Oreshin S.A. Ingushetia under the “White” power: features of state building in 1919 - early 1920 // Bulletin of RUDN. History of Russia. 2015. № 2. P. 57-65.

8. Яковлев Н. Ф., «Ингуши», Москва - Ленинград, 1925. 141 p.

9. <https://scipress.ru/fai/articles/vazhnye-aspekty- stanovleniya-ingushskoj-gosudarstvennosti-v-period-s-1917-po-1924-gg-k-100-letiyu-so-dnya-obrazovaniya-ingushskoj-avtonomnoj-oblasti-v-sostave-rsfsr.html> (25.04.2025)

Бабенко О.В.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Эксперименты итальянских фашистов в области искусства и политики

Рец. на книгу: Gaborik P. *Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.*

Аннотация. Рассматривается монография итальянской исследовательницы П. Габорик, посвященная взаимодействию фашистского режима в Италии и театра. В центре монографии находится личность Бенито Муссолини, которая представляется в разных эпостасях. Анализируется значение итальянского театра как инструмента пропаганды идей фашизма. У итальянского диктатора была собственная культурная стратегия, осуществлявшаяся в том числе при помощи его любимых драматургов и цензора. Подчеркивается наличие в книге обстоятельного исторического контекста. Делается вывод о большом значении рецензируемой монографии для специалистов.

Ключевые слова: Б. Муссолини, итальянский фашизм, Италия в 1920–1930-е гг., искусство, итальянский театр.

Babenko O.V.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Experiments of the Italian fascists in the field of art and politics

Rec. ad op.: Gaborik P. *Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.

Abstract. Examines the monograph by the Italian researcher P. Gaborik, devoted to the interaction of the fascist regime in Italy and the theater. The monograph focuses on the personality of Benito Mussolini, which is appeared in different epostases. The article analyzes the importance of the Italian theater as a tool for propagating the ideas of fascism. The Italian dictator had his own cultural strategy, which was carried out, among other things, with the help of his favorite playwrights and the censor. The presence of a

---

* © Бабенко О.В., 2025.

detailed historical context in the book is emphasized. The conclusion is made about the great importance of the reviewed monograph for specialists.

Key words: B. Mussolini, Italian fascism, Italy in the 1920s and 1930s, art, Italian theater.

Рецензируемая монография – плод многолетних научных изысканий преподавателя Университета Калабрии и Национальной академии драматического искусства «Сильвио д’Амико» в Риме Патрисии Габорик, созданный на основе архивных материалов, мемуарных источников и современной историографии. Она посвящена экспериментам итальянского диктатора Бенито Муссолини (1883–1945) в области театра и политики. Эта проблематика приобрела особую актуальность в связи с распространением идей фашизма в современной Европе. О взаимодействии фашистского режима с литературой, кинематографом и архитектурой написано немало научной литературы, а театр времен Дуче изучен исследователями в меньшей степени.

В отечественной историографии практически нет отдельных научных трудов, полностью посвященных отношениям итальянского фашизма с театром, за исключением статьи А.П. Кураша [2]. Сравнение театральной политики советских властей и режима Муссолини осуществлено в исследовании А. Головлёва [5], а информацию о контроле фашистов над оперным театром можно найти в публикации Т.П. Нестеровой [3]. В итальянской научной литературе данная проблематика также относится к наименее изученным темам. Самым значимым трудом можно назвать монографию М. Бьонди и А. Борсотти о культуре Италии при фашистском режиме [4]. По причине недостаточной изученности рассматриваемой темы Габорик задается целью заполнить существующие в области театральной политики Муссолини лакуны.

Рецензируемая монография имеет традиционную структуру: введение, пять глав и эпилог. Новизной отличается подход к изложению материала: в центре каждой главы – фигура Б. Муссолини, предстающего в разных ролях. В начале своего исследования Габорик пишет, что «иногда чернорубашечники создавали хороший театр» (с. 20), но это не подразумевает оправдание фашизма.

В книге отчасти повторяется идея американского исследователя Джеффри Т. Шнаппа о том, что фашистская культура была неадекватной и никогда не достигала значимых целей в искусстве. Эта мысль проходит красной нитью через всю рецензируемую монографию, равно как и через работу Шнаппа «Инсценировка фашизма» [6]. В то же время Габорик соз-

дает и собственную концепцию культурной стратегии Муссолини, которая, безусловно, заслуживает внимания. Она отталкивается от тезиса о любви диктатора к театру со школьных лет и оказывавшейся им финансовой поддержке театральных учреждений.

Автор подчеркивает, что Муссолини понимал политическое значение театра. По этой причине он окружил себя тремя нужными писателями – Габриэле д’Аннунцио, Луиджи Пиранделло и Джорджем Бернардом Шоу, которых Габорик называет «триумvirатом современных драматургов» (с. 33). Любимые писатели Муссолини должны были находиться в его команде и проявлять уважение к философии чернорубашечников. В их произведениях получила развитие идея сверхчеловека, которую разделял диктатор, трансформировав ее в образ «нового человека» [1]. Дуче нравилась трагедия д’Аннунцио «Слава» 1899 г., в которой писатель возвеличивал «сражение, даже если оно заканчивалось поражением» (с. 44). Театр Луиджи Пиранделло, существовавший между реальностью и фантастикой, с его верой в создание альтернативных миров перекликался со взглядами Муссолини на жизнь и управление государством. Кроме того, Дуче использовал актера как пропагандиста идей фашизма. Габорик демонстрирует также важную роль итальянского театра в донесении позиции правительства Муссолини до иностранного зрителя.

Габорик представляет итальянского диктатора как актера, критика, импрессарио, драматурга и цензора. Данные роли Дуче были непосредственно связаны с осуществлением им властных полномочий. Это новаторский подход к личности Муссолини, которого раньше в литературе не было. Дуче имел выразительные глаза, не менее выразительным был язык его тела, что дало автору возможность позиционировать его как актера.

Автор приводит примеры того, как правительство Муссолини вмешивалось в театральные дела. Так, например, чиновники имели отношение «к фондам, поощрениям, рекламе», давали разрешения на создание новых театральных пространств и сценические инновации, поддерживали постановки сложных драматических произведений (с. 112).

Муссолини не удалось осуществить свою юношескую мечту – стать писателем-фантастом. Однако в 1930-е годы он отчасти компенсировал эту неудачу, сделавшись соавтором трех пьес либреттиста Джоакино Форцано: «Campo di maggio» («Майское поле»), «Villafranca» («Виллафранка») и «Cesare» («Цезарь»). Главным действующим лицом каждой из этих пьес была реальная историческая личность – Наполеон, премьер-министр Сардинского королевства Камилло Бенсо Кавур и Юлий Цезарь. По мнению Габорик, можно увидеть «деятельное участие Муссолини в написании текста» «Цезаря» (с. 140). Вышеупомянутые пьесы носили пропагандистский характер, ведь в центре каждой из них была личность диктатора.

Муссолини выполнял функции и театрального критика, отвергая либо серьезно редактируя пьесы, которые не соответствовали его критериям. Помощником Дуче в этой области был Леопольдо Зурло, который не только одобрял или отвергал пьесы, но и высказывал подозрения в адрес тех произведений, которые казались ему «слишком чувственными» (с. 156). Зурло не являлся членом Национальной фашистской партии, но был вынужден считаться со взглядами Муссолини. Ставившиеся в Италии иностранные пьесы, в основном русские и британские, подвергались существенной корректировке. Автор справедливо поставила на первое место именно русские пьесы. Необходимо отметить, что в Италии начала 1920-х годов пользовался популярностью лозунг «Сделаем как в России!». Он имел широкий смысл и подразумевал в том числе внедрение системы К.С. Станиславского в итальянское театральное искусство.

Французские пьесы, некогда соперничавшие с итальянскими, вызывали неприятие фашистских властей. Особой критике подвергались произведения, в которых драматизировалась *ménage à trois* (сексуальная жизнь втроем. – О.Б.), воспринимавшаяся как пародия на отношения Муссолини с Кларой Петаччи. Пьесы, в которых слишком акцентировалось внимание на гомосексуальных или гетеросексуальных отношениях, также не допускались к постановке. В целом, как мы видим из рецензируемой книги, театральные спектакли при Дуче использовались в целях пропаганды идей фашизма.

К достоинствам монографии Габорик относится присутствие в ней широкого исторического контекста. В частности, автор пишет о вторжении Италии в Эфиопию в 1935 г. и ее вступлении во Вторую мировую войну в 1940 г. Нельзя не согласиться с тем, что театр в эти годы стал средством мобилизации масс в поддержку военных действий (с. 192–239). Муссолини преследовал цель выиграть любую войну. Эта цель представляется автору «трагической» так же, как и задача создания нового, «фашистского» человека.

Таким образом, П. Габорик, несмотря на некоторое заимствование одной из идей у исследователя Шнаппа, внесла существенный вклад в изучение истории итальянского фашизма. Ее книга проливает свет на культурную стратегию Дуче и его убеждение в том, что великое искусство может способствовать созданию великой нации. Она представляет большой интерес для специалистов в области истории фашизма, новейшей истории Италии и истории театра.

Библиографический список:

1. Голубев В.А. Образ «нового человека» в культурной политике фашистского режима в Италии (1922–1943 гг.) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2019. Т. 29. С. 101–109.

2. Кураш А.П. Театр Италии в период фашизма // Вестник МГУКИ. 2011. № 2(40). С. 207–210.
3. Нестерова Т.П. Политика итальянского фашизма в сфере культуры: по материалам II конгресса фашистских институтов культуры (1931). Выступление Джованни Джентиле 21 ноября 1931 г. Выступление Гвидо Висконти ди Модроне 22 ноября 1931 г. // Уральский вестник международных исследований. 2005. Вып. 3. С. 190–203.
4. Biondi M., Borsotti A. *Cultura e fascismo. Letteratura, arti e spettacolo di un ventennio*. Firenze: Ponte alle Grazie Spa, 1996. 519 p.
5. Golovlev A. Theatre politics of Soviet communism and Italian fascism compared, 1920–1940s // *New Theatre Quarterly*. 2019. Vol. 35, № 4. P. 312-324.
6. Schnapp J.T. *Staging fascism: 18 BL and the theatre of masses for masses*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996. 234 p.

Reference

1. Golubev V.A. The image of the “new man” in the cultural policy of the fascist regime in Italy (1922-1943) // *Scientific Notes of the P.M. Masherov Moscow State University*. 2019. Vol. 29. P. 101-109.
2. Kurash A.P. The theater of Italy during the period of fascism // *Bulletin of MGUKI*, 2011. № 2 (40). P. 207-210.
3. Nesterova T.P. The policy of Italian fascism in the field of culture: based on the materials of the II Congress of Fascist Cultural Institutes (1931). Speech by Giovanni Gentile on November 21, 1931. Speech by Guido Visconti di Modrone on November 22, 1931 // *Ural Bulletin of International Studies*. 2005. Issue 3. P. 190-203.
4. Biondi M., Borsotti A. *Culture and fascism. Literature, art, and entertainment at the age of twenty*. Florence: Ponte alle Grazie Spa, 1996. 519 p.
5. Golovlev A. Theatre politics of Soviet communism and Italian fascism compared, 1920–1940s // *New Theatre Quarterly*. 2019. Vol. 35. № 4. P. 312-324.
6. Schnapp J.T. *Staging fascism: 18 BL and the theatre of masses for masses*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996. 234 p.

Иващенко Т.С.

Кандидат культурологии, доцент. Высшая школа гуманитарных наук Югорского государственного университета.

Тарасов И.Е.

Кандидат филологических наук, доцент. Высшая школа гуманитарных наук Югорского государственного университета.

Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры»)*

Аннотация. В статье подробно изучается образовательный потенциал документального кино, посвященного краеведению. В рамках данного исследования проведен скрупулезный обзор процесса становления отечественного краеведения как части образовательной и воспитательной деятельности, которое берет начало еще в 1756 году с образования в России Вольного экономического общества. В статье рассматривается значение краеведения как отрасли науки в становлении личности. Также изучаются особенности кинематографа как инструмента популяризации истории, этнографии и природоведения. Поднимается ряд методологических вопросов о роли документальных фильмов в образовании: как неигровое кино соотносится с традиционными формами краеведения, можно ли считать современные аудиовизуальные технологии новым способом познания или же видом иллюстративного материала, как соотносятся реальность и его отражение в кинодокументе. Выдвигается гипотеза о том, что документальное кино может быть способом изучать краеведение в легкой и интересной форме, подключая образное мышление и восприятие зрителей. В качестве материала для анализа выбран проект сургутской студии неигрового кино «Исторические хроники Югры», который сегодня широко используется в школах региона на уроках краеведения, а также в различных учреждениях культуры. 5 серий включают в себя обзор истории края, начиная от появления первых людей и вплоть до середины XX века, когда было открыто первое газовое месторождение. В статье приведен разбор сериала с точки зрения масштаба исторических событий, которые в нем освещаются, а также аудиовизуальных и текстуальных особенностей повествования.

Ключевые слова: документальное кино, краеведение, образование, неигровое кино, аудиовизуальное искусство, медиа, история, этнография.

---

* © Иващенко Т.С., Тарасов И.Е., 2025.

Ivaschenko T.S.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Higher School of Humanities, Yugra State University.

Tarasov I.E.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Higher School of Humanities, Yugra State University.

**Documentary films in educational regional studies
(based on the example of the TV series “Historical
Chronicles of Yugra”)**

Abstract. The article examines in detail the educational potential of documentary films dedicated to local history. Within the framework of this study, a scrupulous review of the process of formation of domestic local history as part of educational and upbringing activities, which began in 1756 with the formation of the Free Economic Society in Russia, is conducted. The article examines the importance of local history as a branch of science in the formation of personality. It also examines the features of cinema as a tool for popularizing history, ethnography and natural history. A number of methodological questions are raised about the role of documentaries in education: how non-fiction films relate to traditional forms of local history, whether modern audiovisual technologies can be considered a new way of cognition or a type of illustrative material, how reality and its reflection in a film document relate. It is hypothesized that documentary films can be a way to study local history in an easy and interesting form, involving the figurative thinking and perception of viewers. The material for analysis is the project of the Surgut studio of documentary films “Historical Chronicles of Yugra”, which is now widely used in schools of the region in local history lessons, as well as in various cultural institutions. 5 episodes include an overview of the history of the region, starting from the appearance of the first people and up to the middle of the 20th century, when the first gas field was discovered. The article provides an analysis of the series from the point of view of the scale of the historical events that it covers, as well as the audiovisual and textual features of the narrative.

Key words: documentary film, local history, education, non-fiction film, audiovisual art, media, history, ethnography.

Введение

Актуальность статьи заключается в исследовании дидактического потенциала кинодокументалистики краеведческого содержания. Дается краткий обзор становления краеведения в системе отечественного образования, отмечается комплексный характер исследований природы, экономики, культуры, жизненного уклада местного населения. Впервые ставится

вопрос о перспективности включения в школьное краеведение документальных фильмов, отвечающих программным требованиям современного образования. Кинодокументы краеведческой тематики рассматриваются в контексте развития исторической науки. Соединение повествовательного нарратива с яркой визуальной образностью рождает эмоциональный отклик в процессе зрительского восприятия, что содействует обновлению исторического мышления в процессе изучения краеведческого материала.

Материалы и методы исследования

В качестве *источников* и *основных материалов* исследования рассматривается цикл из пяти документальных фильмов «Хроники Югры». Источниками для написания данной статьи также стали материалы информационных сайтов Ханты-Мансийского автономного округа, посвященные сериалу.

В качестве *методов исследования* использовались: проблемно-хронологический, историко-ситуационный и метод сравнительного анализа.

Междисциплинарный подход позволяет рассмотреть документальные фильмы как поливидовые исторические источники. Отмечается, что комплексный характер киноматериалов значительно расширяет дидактические возможности изучения региональной истории.

Дискуссия

Длительное время отечественная история воссоздавалась преимущественно по письменным свидетельствам. Сегодня подобный подход подвергается критике. Так, по мнению авторов, учебного пособия по источниковедению новейшей истории России [3] [Источниковедение, 2004], сложившаяся видовая классификация стала серьезным препятствием на пути обращения к тем группам источников, которые не укладываются в жесткие схемы нарративного повествования. В этой связи закономерно ставятся вопросы о расширении источниковой базы исторических исследований за счет включения в научный оборот кинофотофонодокументов (КФФД) [10] [Твердюкова, 2013].

В отечественной историографии активно обсуждаются теоретические и методологические вопросы использования значительного по своим масштабам ресурса аудиовизуальных материалов. Публикации таких авторов, как В. Зубкова, Б.Д. Грекова, И.С. Фесуненко, Л.М. Рошалья, В.С. Листова и других можно считать основополагающими в данной области исследований.

Кинематограф дает возможность образного восприятия исторических фактов, явлений, событий. Поэтому к проблемам, часто встречающимся в трудах отечественных ученых, также относятся вопросы использования кинофотофонодокументов в учебном процессе [4; с. 25-35] [Л.Н. Кривошеин, И.С. Фесуненко, 1963, с. 25-35]. В то же время, как отмечает К.С. Мо-

лотов, «отсутствие методического сопровождения для эффективного применения современных технических средств обучения, неразработанность научно доказанной и обоснованной в теории и практике преподавания подробной регламентации использования киноvideоматериалов и иных средств экранной наглядности создают настойчивую необходимость скорейшего решения проблемы» [7; с.97] [Молотов, 2012, С. 97].

Образовательный потенциал документальных фильмов краеведческого содержания исследуется авторами статьи на примере сериала «Исторические хроники Югры».

Результаты исследования

Краеведение является одним из составляющих компонентов национальной культуры и входит в число приоритетных направлений современного образования. Изучение силами местного населения жизненного уклада, традиций, особенностей ведения хозяйства конкретного региона неразрывно связано с исторической памятью поколений, проживающих на территории «малой родины».

Междисциплинарный характер краеведческих исследований предполагает сочетание различных областей гуманитарного и естественнонаучного знаний о природе, экономике, культуре, жизненном укладе населения. Теоретические положения дополняются практическими наблюдениями и полевыми исследованиями. Многоаспектный характер документальных свидетельств предполагает различные направления краеведения – историческое, экономическое, географическое, литературное. Содержание определяется предметом, целью и практической направленностью исследования.

Становление краеведения в России имеет давнюю историю, но системный характер изучения регионов как правило соотносится с образованием Вольного экономического общества (1765), деятельность которого была связана с изучением экономики и природы страны. Сбор и систематизация сведений о природе, историческом прошлом и современной хозяйственной деятельности населения стали важной частью научной работы. Разнообразный материал по изучению отдельных территорий дореволюционной России также можно найти в сборниках, трудах и записках Общества истории древностей российских, Археологического общества, Губернских архивных комиссий, местных краеведческих обществ, Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии, Московского общества любителей природы, Русского географического общества и других учреждений, в местных журналах и газетах. Российское общественно-культурное движение по собиранию, систематизации и изучению разнообразного материала получило название «отечествоведение». Именно на его основе сформировалось «родиноведение», как исследовательская практика, ориентирован-

ная на малую территорию.

В 1863 году К.Д. Ушинский предлагает ввести в систему народного образования предмета, на котором будет развиваться у детей «инстинкт местности», умение воспринимать изучаемый образовательный материал в конкретном сопоставлении со своей знакомой территорией. Основатель научной педагогики считал, что лучше всего начинать преподавание с изучения той местности, на которой живут учащиеся, так как знакомый материал позволит детям легко усвоить сведения о различных природных явлениях и узнать суть географических терминов, не запоминая дословно определения, взятые из учебников.

Под влиянием К.Д. Ушинского во второй половине девятнадцатого века появились учебники, основанные на родиноведческом принципе, целью которых было развитие интереса учеников к познанию своей страны, воспитание патриотизма. В 1915 году на Первом съезде учителей географии было принято решение вместо двух близких по значению терминов «отечествоведение» и «родиноведение» использовать термин «краеведение», более точно отражающий направленность на раскрытие вопросов, связанных с локальным, местным материалом.

В первые годы становления советской власти краеведение в основном ориентируется на изучение природных условий и ресурсов, необходимых для хозяйственного развития страны и осуществления мер по охране памятников истории и культуры. В 1919 году было организовано Центральное бюро школьных экскурсий, открывались детские экскурсионные станции. В январе 1922 года при Академии наук с целью оказания методической помощи школам открывается Центральное бюро краеведения.

В последующие десятилетия активно создаются краеведческие научно-исследовательские институты, музеи. Общественные краеведческие организации занимались поиском исторических документов, архивных материалов, изучали культуру, быт, народное творчество, хозяйственную деятельность населения, издавали географические, исторические, этнографические, экономические описания своего края, справочники, путеводители.

В то же время советский период развития краеведения отмечен усилением идеологизации истории. Проводимые кампании по борьбе с «врагами народа» в краеведческой среде прервали преемственность отечественных традиций конкретно-исторических исследований. Массовые репрессии привели к невосполнимым потерям в среде квалифицированных специалистов.

Существенно изменились и методологические установки школьного краеведения. Прошлое «малой родины» трактовалось как неотъемлемая часть истории всей страны. В этих условиях ученик воспринимался не как «субъект истории», а как часть более широкого понятия «советский народ». Связь изучения края с общей советской идеологией носила формализован-

ный характер, местный материал не становился результатом личностного переживания и осмысления историко-культурной реальности.

Альтернативой данного подхода к школьному краеведению стало развитие гуманистической парадигмы отечественного образования на рубеже XXI века. Вместо пассивного усвоения знаний стали создаваться условия для проявления навыков критического мышления. В настоящее время одной из задач развития функциональной грамотности на уроках истории является формирование навыков ведения дискуссии, умения аргументированно излагать свою позицию по поводу изучаемого материала.

Современный этап краеведения как регионального аспекта образования позволяет проявиться познавательному интересу, стремлению к детальному изучению местных особенностей в самых разнообразных формах. Такие направления современной исторической науки как «история повседневности», «устная история», «микроистория» стимулируют активный поиск новых направлений исследовательской деятельности.

Воссоздание исторического прошлого всегда связано с вовлечением в процесс познания новых фактических данных, почерпнутых из различных источников. Сегодня наряду с привычными текстовыми нарративами все большую популярность получают аудио- и видеорегистраторы исторических событий. Соответственно, использование документальных фильмов на уроках краеведения становится распространённой практикой, рассчитанной на повышение интереса со стороны учащихся к историческому материалу.

Учитывая разнообразие краеведческой тематики, можно отметить жанровую вариативность кинодокументалистики. При всей значимости исторического краеведения, нельзя не отметить важность научно-популярных фильмов о природных ресурсах, хроникальных повествований о памятниках материальной культуры. Особое место занимают киноочерки об интересных людях края, их профессиональных достижениях. Общим принципом документального киноповествования является освещение реальных фактов, событий, поиск героев прошлого и настоящего особо значимых для региона.

Междисциплинарный характер источниковой базы предъявляет особые требования к авторам документальных фильмов, профессиональной компетентности в области архивоведения, искусствоведения, журналистики. Создание кинолетописи края предполагает не только осведомленность об истории края, но и постоянный поиск разнообразных материалов, накопление кино-фото документов, которые составят визуальный ряд фильма. Именно комплексный характер документирования, соединяющий звук, изображение и нарративную информацию, создает особый эффект присутствия, эмоциональный отклик в процессе зрительского восприятия.

Полифункциональный характер киноповествования решает широкий спектр образовательных и воспитательных задач, способствует развитию

когнитивных и коммуникативных навыков, эстетического вкуса. Документальный фильм краеведческой тематики может рассматриваться и как социальное явление, поскольку содержательная сторона, мировоззренческая позиция, интерпретация архивных материалов неизбежно связаны со временем создания фильма.

В этой связи необходимо отметить возрастающее значение работ, посвященных проблемам источниковедческого анализа кинодокументалистики. Начиная с 1930-х годов в отечественной историографии активно обсуждаются как теоретические, так и методологические вопросы включения в научный оборот значительного по своим масштабам ресурса аудиовизуальных материалов. Публикации таких авторов как Зубков В., Греков Б.Д., Фесуненко И.С., Рошаль Л.М., Листов В.С. и других можно считать основополагающими в данной области исследований [1, 2, 12, 8, 5]. [Греков, 1939, С. 9-13; Зубков, 1933, С. 53-60; Фесуненко, 1963, С. 25-35; Рошаль, 1963, С. 39-49; Листов, 1971, С. 54-69]

Особый вклад в отечественную практику использования аудиовизуального материала в исторических исследованиях внес доктор исторических наук, президент Национальной ассоциации аудиовизуальных архивов Владимир Маркович Магидов, убедительно доказавший необходимость создания «отечественной истории страны в кинофотофонодокументах» [6; с. 14]. [Магидов, 2005, С. 14].

Возникает и ряд методологических вопросов о роли документальных фильмов в современном образовании. Как, например, они соотносятся с традиционными формами краеведения? Можно ли считать использование новых аудиовизуальных технологий новым способом познания, или они выполняют прикладную, иллюстративную функцию? Как в кинохронике соотносятся историческое событие, произошедшее в реальности и запечатленное на киноплёнке? Насколько значимы в плане восприятия фильма такие аспекты киноповествования как различные планы и ракурсы съемки, текстовые комментарии, логика монтажа, которая, по сути, становится ведущим приемом интерпретации исторических событий средствами самого кинематографа. Сегодня уже невозможно игнорировать эти вопросы, считая их праздными и не имеющими отношения к академическим историческим исследованиям.

Рассмотрим данные вопросы на примере телесериала «Исторические хроники Югры», снятого в 2007 году сургутской студией неигрового кино «Студия О.К.» на средства гранта губернатора Югры и при содействии Сургутского краеведческого музея. Творческая команда студии занимается популяризацией истории, природы и обычаев народов Югры через документальные фильмы и циклы. В репертуаре студии – этнодокументальные фильмы, ленты о природе, учебно-образовательное и историческое кино,

всего порядка тридцати видеофильмов.

«Исторические хроники Югры» – самый масштабный проект студии. Пять серий продолжительностью в среднем по 26 минут состоят из небольших новелл, посвященных различным этапам освоения Сибири. Авторы сериала – руководитель студии и сценарист Ольга Корниенко, ведущий Михаил Шахнович, журналисты Марина Чурилова и Эдуард Куликов. В аннотации, размещенной на сайте студии, говорится, что «это первая на территории округа попытка столь комплексного видеоисследования этапов освоения Югры и Сибири» [9]. [Сайт сургутской студии].

Хронологические рамки повествования – с 6-го тысячелетия до нашей эры, когда на территории Сибири появились первые поселенцы, до середины 20 века – времени появления первого газового фонтана в Березово и начала нефтяного освоения края. Исторические факты, в достоверности которых ученые сегодня не сомневаются, переплетаются с мифами о Золотой бабе, золоте Колчака, пропавших сибирских орденах и т.д. Стремясь показать историю югорской земли в контексте мировой и российской истории, авторы в своей работе вышли далеко за пределы региона. Съемки развернулись в Тобольске, Великом Новгороде и Санкт-Петербурге, и притом «чем дальше, тем больше съемки сериала стали походить на захватывающий детектив, боевик, приключенческую сагу и все прочие киножанры одновременно. Следуя собственному азарту, нарушая все мыслимые и немыслимые существующие условности, мы пытались добраться до истины» [9]. [Сайт сургутской студии].

Каждая из пяти серий «Исторических хроник Югры» посвящена тому или иному важному этапу развития края. В первой серии рассказывается о том, как заселялась Югра, какие народы и в результате каких исторических процессов пришли сюда. Благодаря исследованиям ученых Уральского университета и сотрудников Сургутского краеведческого музея зрители могут увидеть виртуальную реконструкцию жилища первых людей, появившихся на этих территориях. Также в этом эпизоде рассказывается о торговых отношениях края с Новгородской республикой и о его завоевании Ермаком Тимофеевичем.

Вторая серия повествует о предках Пушкина в Сибири и о том, как эти земли стали главным местом ссылки. Значительное место отводится легенде о Златокипящей Мангазее. Режиссер сериала Ольга Корниенко признается, что при работе над этим эпизодом задавалась вопросом, «почему русские добровольно покинули истинную в те времена столицу Сибири, самый первый её временный рабочий город – Мангазею, ведь ей не было и семидесяти лет? Не постигнет ли и наши «малолетние» нефтяные города подобная участь?» [9]. [Сайт сургутской студии]. В третьей серии показана судьба первого и самого известного сибирского губернатора Матвея Гага-

рина, ради реставрации образа которого съемочная группа отправляется к главному художнику Санкт-Петербургского монетного двора Александру Бакланову. Здесь же говорится о христианизации Сибири, а зрителя знакомят с легендами о Золотой бабе. Четвертая серия – рассказ о ссылке князя Александра Меншикова в Березове, строительстве Транссибирской магистрали и роли Столыпина в освоении Сибири. Наконец, пятая серия – это повествование, охватывающее период с Гражданской войны до начала нефтяной и газовой эпохи. Здесь находится место и утерянным орденам Временного правительства Сибири, и путешествию по следам пропавшего золота Колчака в село Тундрино Сургутского района, и детальному описанию трудностей, с которыми столкнулись коренные жители региона, когда советская власть начала процесс раскулачивания. Завершается этот эпизод и весь сериал в целом открытием газового месторождения в Березове – открытии случайно, аварийном, но положившим начало новой эпохе в истории не только Ханты-Мансийского автономного округа, но и всей страны.

В работе над сериалом применяются стандарты и творческие приемы, характерные как для кинодокументалистики, так и для телевизионного неигрового кино. О том, что проект предназначен в первую очередь для эфирного вещания, говорит уже его серийный характер. Притом внутри самих эпизодов, между разными частями повествования, авторы встраивают заставку – элемент, совершенно не характерный для кинематографа, зато на телевидении позволяющий включать внутри серий перерывы на рекламу. К характерным чертам телевизионного формата также можно отнести:

- 1) Наличие закадрового текста;
- 2) Персонификация, выраженная через стендапы автора;
- 3) Участие экспертов и героев, которые своими синхронами дополняют повествование;
- 4) Визуальное подкрепление материала (включение инфографики, карт, кадров из кинофильмов и кинохроники, фотографий, современных съемок).

Персонификация вообще является важной характеристикой сериала. Ведущий здесь – не просто голос за кадром, рассказчик, а полноценный гид и попутчик зрителя. Стендапы в сериале – элемент довольно распространенный, и через них зрителя знакомят со знаковыми для истории Югры местами, будь то берег, на котором предположительно погиб Ермак Тимофеевич, древний Тобольск или могила Александра Меншикова. Важную роль играют и герои – обычные жители югорских городов и деревень, потомки раскулаченных крестьян, очевидцы начала нефтяного освоения края. Через их судьбы и через призму их взглядов на события прошлого перед зрителем с новой стороны раскрывается и история края. Она перестает быть строчкой в учебнике или цифрой в архиве, становится живой и близкой.

В то же время в сериале невооруженным глазом видны и заметные отличия от телевизионного стандарта. В первую очередь это неспешность повествования. Она проявляется в темпе речи ведущего – плавном, певучем, словно диктор читает сказку или былинку; такая манера разительно отличается от динамичных «начиток», характерных для новостных сюжетов и спецрепортажей. Такая особенность подачи материала видна и в стендапах ведущего Михаила Шахновича: «Свое повествование мы начинаем здесь, на берегу мало кому известной реки. Именно сюда более шести тысяч лет назад пришли люди, которых сегодня ученые называют первооткрывателями югорской земли». Еще заметнее эта неторопливость становится в моменты смысловых пауз, когда вместо закадрового текста на первый план выходит художественная выразительность кадра, и сериал приобретает черты художественно-публицистической видеозарисовки. Находится в сериале место и образности, которая создается как вербальными, так и невербальными средствами. Так, на словах о том, что «местные барышни являются очень даже завидными невестами» (речь идет о средневековом Тобольске), режиссер показывает современные кадры города: девушка в окружении компании молодых людей. Такое сочетание текста и изображения создает в картине легкий комический эффект. В эпизоде, где повествуется о гибели Ермака, за счет монтажа удалось достигнуть сильного психологического эффекта: стендап ведущего, записанный на месте предполагаемой трагедии, динамично перемежается с кадрами из кинофильма, в которых дружина атамана сражается с татарами.

Сведений о том, сколько зрителей посмотрело «Исторические хроники Югры», на данный момент не существует. В СМИ писали о том, что сериал показывали не только на окружном телеканале, но и в аэропортах, на уроках истории [11] [Узнай Югру через кино, 2020], его можно увидеть в действующем проекте музея «Виртуальный музей». На сайте студии можно найти отзывы зрителей, как студентов сургутских учебных заведений, так и их преподавателей: «Снова смотрю фильм «Исторические Хроники Югры», уже в третий раз, но – как будто впервые. Не могу ответить, что именно оставляет след в моей душе, но он волнует, притягивает, захватывает»; «Я долго искал ответ на вопрос, а надо ли знать историю тех, кто жил до меня? Посмотрев фильм «Исторические Хроники Югры» твёрдо решил заняться исследовательской работой»; «Хроники очень хорошо дополняют те уроки, в которых мы рассказываем о первом появлении человека на территории Сибири. Учащиеся могут наглядно видеть, каким образом происходило строительство жилища, причины переселения древних людей в наши края... Некоторые другие темы также мы очень удачно начинаем с фрагментов этого сериала. Учащиеся реагируют на фильм с живым интересом, в перерывах пытаюсь с помощью домыслов узнать, что же будет даль-

ше, на следующем уроке» [9]. [Сайт сургутской студии]

Размышляя о судьбе сериала и о его роли в популяризации истории Югры, руководитель студии Ольга Корниенко отмечает, что работа при создании сериала была проделана колоссальная, однако масса неиспользованного материала осталась за кадром: «Мы не только качаем нефть для всего мира, мы вновь начинаем осваивать свои территории и... прислушиваться к прошлому. История дороже нефти, это вне всяких сомнений. Чистую историю дороже извлекать и осваивать» [13; с.116-117]. [Хроники Югры, 2010, С. 116-117]. В 2020-м году режиссер заявила о намерении продолжить кинопроект: «У нас сегодня по всему округу достают артефакты, поэтому предлагаю вернуться к идее и сделать еще 18 серий «Исторических хроник Югры», потому что историки пишут монографии, музеи хранят, но кино не просто информирует, оно влюбляет в историю» [11]. [Узнай Югру через кино, 2020] Не исключено, что в скором времени свет увидит более подробное и обстоятельное исследование истории края. Запрос со стороны общества и государства на популяризацию отечественной истории, выраженный в том числе и президентом РФ, сегодня определенно есть.

Выводы

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что документальное кино обладает огромным дидактическим потенциалом. Благодаря визуализации материала, повествовательной подаче, персонификации события прошлого становятся ближе и понятнее, события лучше запоминаются, а учебный процесс увлекает. Документальный фильм позволяет воочию увидеть, к примеру, что представляли из себя жилища древних людей и как выглядит место, где погиб Ермак Тимофеевич. Подтверждением тому служат отзывы студентов о сериале «Исторические хроники Югры», которые смотрели его во время занятий. По отзывам преподавателей, при таком подходе они ждали новой серии, рассказывающей об очередном этапе в истории Сибири, с таким же нетерпением, с каким ждут выхода очередной серии приключенческого сериала.

В то же время нельзя не учитывать, что документальное кино, как и любой другой вид искусства, занимается творческим переосмыслением жизненного материала. Каким бы скрупулезным не было исследование, как бы тщательно не подходили к работе исторические консультанты, участвующие в подготовке проекта, все равно сохранить в таком произведении присущую научным и учебным материалам точность и достоверность практически невозможно. Чтобы фильм было интересно смотреть, документалисты часто отходят от исторической объективности, да и природа документального кино, с его образностью, диктует особые правила восприятия такого материала. Поэтому важно, чтобы изучение истории

края посредством документального кино дополняло учебный процесс, позволяя проиллюстрировать сухую информацию и разбудить у школьников интерес к теме, однако опираться методология таких занятий должна на проверенные, одобренные научным сообществом материалы. Тогда уроки краеведения принесут учащимся максимальную пользу.

Библиографический список:

1. Греков Б.Д. История и кино // Сов. Исторический фильм. – М.:1939. С. 9-13.
2. Зубков В. Значение фото-, киноархивных материалов и задачи организации их использования // Архивное дело. 1933. № 3-4 (32-33). С. 53-60.
3. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / под ред. А.К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004. 687 с.
4. Кривошеин Л.Н., Фесуненко И.С. Об использовании кинофотофонодокументов (Методика и опыт) // Вопросы архивоведения. 1963. № 1. С. 25-35.
5. Листов В.С. О критике кинодокументальных источников (по материалам советских кинофильмов 1917-1920 гг.) // Археолог. Ежегодник за 1969 г., – М.: 1971. С. 54-69.
6. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. – М.: 2005. С. 14.
7. Молотов К.С. Использование кинофильмов на уроках истории разных форм // Наука и школа. 2012. № 6. С. 96-100.
8. Рошаль Л.М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов // Труды МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 39-49.
9. Сайт сургутской студии неигрового кино «Студия О.К.» // URL: <https://surgutfilm.ru/stud/> (Дата обращения: 20.02.2024)
10. Твердюкова Е.Д. Источники по новейшей истории России в «человеческом измерении»: историко-антропологический подход [Электронный ресурс] // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета: науч.журн. 2013. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-po-noveyshey-istorii-rossii-v-chelovecheskom-izmerenii-istoriko-antropologicheskii-podhod> (Дата обращения: 26.02.2024)
11. Узнай Югру через кино // Сайт ugra-news.ru // URL: https://ugra-news.ru/article/uznay_yugru_cherez_kino (Дата обращения: 23.02.2024)
12. Фесуненко И.С. Об использовании кинофотофонодокументов (Методика и опыт) // Вопросы архивоведения. 1963. № 1. С. 25-35.
13. Хроники Югры. Часть I. Эпоха Великого Новгорода. // «60 параллель», 2010. №3 (338). С. 114-125.

Reference

1. Grekov B.D. History and cinema // Sov. Historical film. – M.: 1939. P. 9-13.
2. Zubkov V. The importance of photo and film archival materials and the tasks of organizing their use // Archival business. 1933. № 3-4 (32-33). P. 53-60.
3. Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology, practice: textbook / edited by A.K. Sokolov. – M.: Higher. school, 2004. 687 p.
4. Krivoshein L.N., Fesunenko I.S. On the use of film, photo and sound documents (Methodology and experience) // Issues of archival science. 1963. № 1. P. 25-35.
5. Listov V.S. On the criticism of documentary film sources (based on materials from Soviet filming of 1917-1920) // Archaeographer. Yearbook for 1969, – M.: 1971. P. 54-69.
6. Magidov V.M. Film-photo-phonological documents in the context of historical knowledge. – M.: 2005. P. 14.
7. Molotov K.S. Using films in history lessons of various forms // Science and school. 2012. № 6. P. 96-100.
8. Roshal L.M. Some issues of source analysis of film documents // Proceedings of MGIAI. 1963. Vol. 17. P. 39-49.
9. Website of the Surgut non-fiction film studio "O.K. Studio" // URL: <https://surgutfilm.ru/stud/> (20.02.2024)
10. Tverdyukova E.D. Sources on the modern history of Russia in the "human dimension": historical and anthropological approach [Electronic resource] // Works of the Faculty of History of St. Petersburg University: scientific journal. 2013. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-po-noveyshey-istorii-rossii-v-chelovecheskom-izmerenii-istoriko-antropologicheskii-podhod> (26.02.2024)
11. Get to Know Yugra Through Cinema // Website ugra-news.ru // URL: https://ugra-news.ru/article/uznay_yugru_cherez_kino (23.02.2024)
12. Fesunenko I.S. On the Use of Film, Photo, and Sound Documents (Methodology and Experience) // Issues of Archival Science. 1963. № 1. P. 25-35.
13. Chronicles of Yugra. Part I. The Era of Veliky Novgorod. // "60th parallel", 2010. № 3 (338). P. 114-125.

Михаэлис Д.В.

Кандидат исторических наук, старший преподаватель. ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Михаэлис С.И.

Кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет путей сообщения.

Освещение вопросов подготовки кадров для железнодорожной отрасли в периодической печати Сибири: анализ материалов региональной прессы советского периода*

Аннотация. Статья посвящена отражению актуальных проблем и процессов в сфере подготовки кадров различной квалификации для нужд железнодорожной индустрии в региональных газетах Сибири. Целью исследования является выявление особенностей освещения вопросов подготовки специалистов различных квалификационных уровней для нужд железнодорожного транспорта в материалах периодической печати. В числе задач стоит анализ публикаций в региональных изданиях, посвященных вопросам подготовки и развития кадрового потенциала для железнодорожной отрасли. Теоретико-методологической основой исследования служат описательный и сравнительный методы.

Ключевые слова: подготовка кадров, железнодорожная отрасль, железнодорожное образование, периодическая печать Сибири, «первозимники», трудовые резервы.

Mikhaelis S.I.

Candidate of Pedagogics, Assistant professor. Irkutsk State Transport University.

Mikhaelis D.V.

Candidate of History. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Coverage of personnel training issues for the railway industry in the periodical press of Siberia: analysis of materials from the regional press of the Soviet period

Abstract. The article is devoted to the reflection of current problems and processes in the field of training personnel of various qualifications for the needs of the railway industry in the regional newspapers of Siberia. The purpose of the study is to identify the specifics of covering the issues of training specialists of various qualification levels for the needs of railway transport in the materials of the periodical press. Among the tasks is the analysis of publications in regional publications devoted to the training and development of human resources for the railway industry. Descriptive and comparative methods serve as the theoretical and methodological basis of the research.

Key words: personnel training, railway industry, railway education, periodical press of Siberia, «first time winter workers» on the railway, labor reserves.

Печатные периодические издания советского периода обладали значительным влиянием на общество и способностью оказывать воздействие через слово, что позволяло им существенно влиять на общественное развитие. Редакционные статьи служили ориентиром для читателей: благодаря публикациям научных, культурных и исторических материалов эти издания способствовали расширению кругозора своей аудитории. По нашему мнению, данная тенденция распространялась и на освещение актуальных проблем и процессов в сфере образования, в частности, на вопросы подготовки кадров различной квалификации для нужд железнодорожной индустрии. Периодическая печать регулярно освещала актуальные вопросы подготовки специалистов для железнодорожной отрасли: информировала читателей о новостях в сфере подготовки кадров, подчеркивала нехватку квалифицированных рабочих железнодорожных специальностей, а также освещала проблемы, возникающие в организации учебного процесса при технической подготовке кадров, и другие аспекты, требующие оперативного решения. Особую значимость в этом контексте приобретало такое издание, как «Восточно-Сибирский путь», являвшееся печатным органом управления и политотдела Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД).

Источниковой базой исследования послужили номера изданий Приангарья, Новосибирской и Томской областей: «Восточно-Сибирская правда», «Восточно-Сибирский путь», «Советская молодежь», «За большевистские темпы», «Транспортный строитель», «Сельская новь», «Ленский коммунист», «Советская Сибирь», «Красное знамя» и других, а также многотиражной газеты «За качество» Томского электромеханического института инженеров транспорта (ТЭМИИТ). Материалы региональных изданий

были проанализированы за советский период, начиная с 1934 г.

В разные исторические эпохи подготовка кадров для железнодорожной отрасли имела особое значение для нашей страны. Железнодорожный транспорт всегда играл ключевую роль в экономическом развитии, связывая удаленные регионы и способствуя обмену товарами и услугами. С момента появления первых железных дорог в XIX в. возникла необходимость в квалифицированных специалистах, способных управлять сложными машинами и обеспечивать безопасность пассажиров и грузов. В советский период акцент на подготовку кадров стал особенно актуален. Системы профессионального обучения и высшего образования исторически формировались для обеспечения железнодорожной отрасли квалифицированными кадрами, охватывающими широкий спектр специальностей, от инженеров-путейцев и машинистов локомотивов до диспетчеров центра управления перевозками и технического персонала, обслуживающего подвижной состав и инфраструктуру. Наряду с этим, широкое распространение получили различные формы производственной подготовки и повышения квалификации рабочих кадров, направленные на оперативное восполнение потребности отрасли в специалистах, обладающих необходимыми знаниями и практическими навыками для выполнения конкретных производственных задач. Немаловажную роль играла и предпрофессиональная подготовка.

Для подготовки работников массовых профессий для железной дороги в СССР создавались школы бригадного ученичества. В 1940 г. в газете «За большевистские темпы», печатном органе Зиминского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся Иркутской области, появилась статья о подготовке массовых рабочих кадров на станции Зима. Автор заметки отмечал, что в 1930 г., когда развитие железнодорожного транспорта требовало ускоренной подготовки рабочих, на станции была создана школа бригадного ученичества с двухгодичным сроком обучения. Школа находилась на военном пункте, однако учебные помещения не подходили ни для практических занятий, ни для теоретических классов. В общежитии удавалось разместить лишь половину обучающихся, что приводило к высокой текучести кадров из-за недостатка жилья. Условия в помещениях были невыносимыми: холод, отсутствие освещения, нехватка наглядных учебных пособий, инструментов и материалов. Кроме того, в учебном процессе не было штатных инструкторов и преподавателей, а организация учебно-методической работы оставляла желать лучшего. Занятия часто срывались, досуг обучающихся не был должным образом организован. В 1931 г. было принято решение о строительстве новой школы, которое завершилось в 1934 г. За десятилетний период своего существования (1930-1940 гг.) учебное заведение подготовило 1 396 слесарей по ремонту паровозов и подвиж-

ного состава. В 1937 г. школе была поставлена новая важная задача – подготовка новых кадров на курсах, организованных при учреждении. В ходе этих курсов было обучено 150 машинистов, 200 помощников машинистов, 100 поездных вагонных мастеров, 90 осмотрщиков вагонов, 90 слесарей по ремонту вагонов, 100 кочегаров и 20 дежурных по железнодорожной станции. В социалистическом соревновании, посвященном XVIII съезду партии, школа бригадного ученичества ст. Зима среди школ дороги заняла первое место, что принесло ей переходящее красное знамя и денежную премию в размере 1 500 руб. [17]

40-50-е гг. XX в. характеризовались ориентированностью на подготовку квалифицированных рабочих в системе трудовых резервов, которая началась с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. В многочисленных периодических изданиях того времени часто встречалась фраза: «Одним из основных источников пополнения рабочего класса новыми квалифицированными кадрами являются школы трудовых резервов» [8]. Данное утверждение отражало существенную роль, которую играли учреждения трудовых резервов в обеспечении промышленности и транспорта подготовленными кадрами. Большое количество публикаций в периодических изданиях о призыве в учебные заведения трудовых резервов подтверждали тезис о том, что «периодическая печать в СССР являлась главным источником информации, благодаря которому властные структуры распространяли важную и нужную для населения информацию с определенным вектором» [13].

В выпуске газеты «Восточно-Сибирская правда» от 5 ноября 1940 г., ссылаясь на информацию агентства ТАСС, сообщалось о том, что молодежь, призванная в ноябре, будет обучаться в более чем 100 железнодорожных училищах (ЖУ), из которых 25 % планировалось построить заново. В публикации подчеркивалось, что в учебных планах железнодорожных и ремесленных училищ (РУ) общеобразовательные дисциплины должны преподаваться с учетом специфики профессий, по которым обучаются воспитанники. Начало учебного года в учреждениях трудовых резервов, включая ЖУ, было запланировано на 1 декабря 1940 г. Учебно-производственные занятия, согласно расписаниям, должны были стартовать 2 декабря [2]. Коллегия Главного Управления Трудовых Резервов СССР (ГУТР) приняла решение о начале смотра готовности учебных заведений 4 ноября, в котором активное участие должны были принять профсоюзы, комсомол и пресса [4]. В связи с этими событиями в газете «Восточно-Сибирская правда» была создана рубрика «Смотр готовности школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ» [26]. В заметке «В железнодорожное училище» данной рубрики сообщалось, что в Нижнеудинске было подготовле-

но «чистое, светлое и уютное помещение» для нового железнодорожного училища, в котором «в ближайшее время здесь должна начать обучение рабочая и колхозная молодежь, желающая овладеть знаниями в области железнодорожного дела». За первые два дня работы призывной комиссии в училище было принято 270 человек [5]. Всего для укомплектования ЖУ по Иркутской области предполагалось призвать 400 человек [1]. К началу обучения Зиминскому ЖУ не хватало трех мастеров-путейцев, которые должны были быть выделены службой пути управления ВСЖД. Также из этого училища поступила информация о нехватке комплектов из 50 кроватей и 50 матрацев и обмундирования, из которого были получены лишь ботинки. Кроме того, училище к началу учебы не имело готовых учебных программ [23].

В ноябре 1940 г. газета «Советская молодежь», печатный орган Иркутского областного и городского комитетов ВЛКСМ, сообщала о вступлении в силу приказа, касающегося формы одежды для учащихся ЖУ за счет государственных средств: черная двухбортная шинель, на воротнике которой размещались петлицы и прикреплялись металлические буквы «Ж. У.», а также цифры, указывающие номер училища; черная фуражка, изготовленная из сукна; гимнастерка (черного или темно-синего цвета); брюки из сукна черного или темно-синего оттенка; поясной ремень с белой металлической бляхой, на которой изображены буквы «Ж. У.»; кожаные черные ботинки [3].

В марте 1941 г. сообщалось, что в целях оптимизации методического обеспечения производственного обучения в учебных заведениях, находящихся в ведении ГУТР, был сформирован учебно-производственный совет. В состав данного совета, численностью 31 человек, вошли квалифицированные представители рабочей среды, включая опытных рабочих и мастеров производственного обучения. Наряду с практиками, в состав совета были включены директора и мастера ремесленных и железнодорожных училищ, ряд руководящих работников ГУТР, а также профессор Московского института инженеров транспорта и военно-инженерной академии В. И. Раздобреев [42].

В газетах Иркутской области встречались заметки, в которых отмечались успехи учащихся железнодорожных училищ. В частности, сообщалось о том, что учащиеся ЖУ №3, организованного при вагоноремонтном пункте, показывали высокие образцы в производственной учебе и успешно овладевали производственными профессиями вагонников [33]. В депо, вагоноремонтном пункте и дистанции пути ст. Зима проходили практику учащиеся Зиминского ЖУ №1, где они овладевали специальностями слесарей, столяров, бригадиров пути и помощников машинистов [30].

Ответственные лица, занимавшиеся учетом и распределением рабочей

силы в краевых и областных исполнительных комитетах, активно освещали в газетах процесс призыва молодежи в школы ФЗО, РУ и ЖУ, проводимую масштабную разъяснительную работу среди молодежи, вопросы готовности этих учреждений к очередному набору учащихся. Например, в 1945 г. заведующий бюро по учету и распределению рабочей силы Иркутского облисполкома Г. Васильев сообщал о недостаточной активности в направлении молодежи в железнодорожное училище №1 Иркутска. Так, Зиминский городской совет направил на обучение всего 7 человек, в то время как Тулунский городской совет отправил в ЖУ №2 30 человек [8]. Процесс освещения подготовки кадров для трудовых резервов в печатных изданиях продолжался до 1955 г., когда указом Верховного Совета СССР от 18 марта того же года был прекращен призыв молодежи в ремесленные и железнодорожные училища, находившиеся под управлением Главного Управления Трудовых Резервов при Совете Министров СССР [39].

Техническое обучение кадров проводилась на всей сети железных дорог страны. Эта тема часто поднималась на страницах региональной прессы Приангарья, в частности, в изданиях «Восточно-Сибирская правда» и «Восточно-Сибирский путь». В 1949 г. в газете «Восточно-Сибирский путь» сообщалось о том, что руководство железнодорожного клуба станции Иркутск II инициировало цикл политических и технических лекций для сотрудников узла. Инженеры различных служб проводили лекции, посвященные современным методам работы паровозников, путейцев и движенцев. После каждой лекции организовывались показы технических фильмов [19]. В этой связи стоит отметить публикации многотиражной газеты «За качество», которые периодически информировали о выездной деятельности научных сотрудников Томского электромеханического института (ТЭМИИТ) на участках Томского узла. Они проводили лекции и предоставляли помощь непосредственно на местах. Подобные мероприятия были обусловлены возросшей потребностью в новых технологиях для железнодорожного транспорта, а также необходимостью технического обучения работников, что, в свою очередь, способствовало повышению эффективности труда [12]. Первые упоминания о помощи железнодорожникам в газете «За качество» датируются 1934 г. В этом году кафедра паровозов ТЭМИИТ, в сотрудничестве с дирекцией Томской железной дороги, выпустила пособие «Теплотехнический минимум» тиражом 90 тысяч экземпляров. Это руководство стало основным источником информации для подготовки паровозов к осенне-зимним перевозкам [36].

Подчеркивая значимость технической подготовки кадров, в изданиях газет «Восточно-Сибирский путь» и «Советская Сибирь» в конце 1940-х – начале 1960-х гг. было опубликовано множество материалов, посвященных обучению «первозимников» – работников, которые впервые принимались

на работу или переводились из одного подразделения железной дороги в другое, с учетом изменения характера работы в зимний период. Подготовка «первозимников» являлась важнейшим аспектом организационно-технических мероприятий на железной дороге перед началом зимы, особенно в условиях сурового климата. В публикациях отмечались отдельные аспекты подготовки машинистов [34]. Обсуждалось шефство над молодыми стрелочниками и сигнальщиками, которые впервые сталкивались с работой в зимних условиях [45], над старшими кондукторами, которые прикреплялись к бригадам главных кондукторов [32]. Обучение касалось и связистов, которым давались рекомендации по методам работы в зимних погодных условиях, включая действия в случае обрыва проводов, вызванного сильным ветром и снегопадом [18]. В статьях газет были приведены примеры как ответственного отношения некоторых руководителей депо и вагонных участков к подготовке работников [32], так и критической оценки деятельности других [7; 14; 40].

Существует значительный интерес к ряду газетных публикаций из Приангарья, касающихся строительства и функционирования детской железной дороги (ДЖД) в Иркутске. ДЖД представляет собой учреждение дополнительного образования, направленное на развитие технического творчества и железнодорожного моделизма, а также на формирование интереса к железнодорожным профессиям и компетенций в современных дисциплинах, связанных с железнодорожным транспортом [44]. Обучение детей и подростков на ДЖД является одним из способов предпрофессиональной подготовки подрастающего поколения [20]. Анализ статей из газет, таких как «Восточно-Сибирская правда», «Советская молодежь», «Знамя Ленина», «За здоровую смену», «Восточно-Сибирский путь», «Советский боец», «Приокская правда», «Коммунар», охватывающих период с 1936 по 1969 г., а также современные издания газет «Гудок» и «Областная» показывают живой интерес, который проявляли жители Иркутска к созданию дороги и обучению на ней детей. В газетах публиковались сведения о начале строительства ДЖД (1936 г.) [6], о финансировании данного проекта (1937 г.) [41], о ее открытии (1939 г.) [35]. Отмечались и первые руководители, а также их заместители, которые были учащимися иркутских школ (1939 г.) [31]. В материалах рассматривалось функционирование дороги в годы Великой Отечественной войны (1941, 1942 гг.) [11; 22; 28; 38], послевоенная модернизация [43], а также процессе подготовки детей к работе на ДЖД (1969 г.) [10]. Описываемая система профориентации, зародившаяся в СССР, сохраняет свою актуальность и в настоящее время: по всей стране продолжают успешно функционировать детские железные дороги [15; 21; 37].

В 1955 г., учитывая развитие железнодорожной инфраструктуры в Вос-

точной Сибири, обусловленное как возведением новых магистралей, так и модернизацией действующих, в Иркутске был открыт филиал Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ). С целью привлечения абитуриентов в Иркутский филиал НИИЖТ, в печатных изданиях Иркутской области публиковались подробные сведения о специальностях, по которым велась подготовка [9; 27], но встречалась в небольшом объеме и информация просветительского характера. К примеру, упоминался Петербургский институт путей сообщения, который является первым высшим техническим учебным заведением России, основанным в 1810 г. и выпустившим множество инженеров, внесших значительный вклад в развитие промышленности и транспорта в стране [там же]. Также приводились сведения об образовательном пути людей рабочих специальностей, которые, окончив НИИЖТ, становились мастерами, начальниками участков, инженерами на таких предприятиях как «Ангарстрой», «Воссибтрансстрой», «Красноярсктрансстрой» [16; 29; 47]. В публикациях подчеркивалось, что осознанное решение о выборе инженерной профессии зачастую принимается после получения практического опыта в сфере строительства [46].

В заключение исследования можно сделать вывод, что печатные издания представляли собой важный источник информации, которые в историческом контексте освещали отдельные аспекты подготовки специалистов для железнодорожной отрасли и служили одним из средств, способствующих пониманию условий, в которых осуществлялась эта подготовка, какие проблемы требовали особого внимания. В рамках исследования было установлено, что газетные публикации не давали целостного представления о подготовке кадров для железнодорожной отрасли, но, будучи различными по своей направленности, расширяли кругозор, информировали читателей и способствовали формированию определенного восприятия происходящего.

Библиографический список:

1. Боевая задача комсомола // Советская молодежь. 1940. № 136. 16 октября. С. 1.
2. В главном управлении трудовых резервов // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 278. 30 ноября. С. 1.
3. В главном управлении трудовых резервов // Советская молодежь. 1940. № 149. 15 ноября. С. 2.
4. В главном управлении трудовых резервов // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 258. 5 ноября. С. 1.
5. В железнодорожное училище // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 264. 14 ноября. С. 3.
6. В Иркутске будет детская железная дорога // Восточно-Сибирский путь. 1936. 26 июня. С. 6.
7. В Нижнеудинске медлят с подготовкой кадров // Восточно-Сибирский путь. 1951. № 114. 18 сентября. С. 2.
8. Васильев Г. Новые задачи трудовых резервов // Восточно-Сибирская правда. 1945. № 197. 3 октября. С. 3.
9. Гулько П. Если хочешь стать инженером-железнодорожником // Сельская новь. 1971. № 66 (5113). 29 мая. С. 3.
10. Доросевич Т. У истоков профессии // Восточно-Сибирский путь. 1969. № 3. 9 января. С. 4.
11. Дубовцева И. Человек пылливой мысли // Восточно-Сибирская правда. 1961. № 267. 15 ноября. С. 2.
12. Из обращения коллектива научных работников Томского электромеханического института инженеров

- ж. д. транспорта ко всем научным работникам города Томска // За качество. 1940. №22 (246). 17 мая. С. 1.
13. Исаев А.А. Пресса как средство политико-идеологического воздействия на население Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 3(30). С. 18-21.
14. Каждому первозимнику опытного шефа // Восточно-Сибирский путь. 1949. №127. 19 октября. С. 1.
15. Коновалова Н. С. малой колеи на большую дорогу // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. № 99 (6208). 5 июня. С. 3.
16. Копьев Г. Поселок «Северный» и его обитатели // Транспортный строитель. 1965. № 75 (169). 16 декабря. С. 3.
17. Кузница кадров // За большевистские темпы. 1940. № 69. 4 августа. С. 4.
18. Кустов Г. Связисты готовятся к зиме // Советская Сибирь. 1963. №239 (13096). 10 октября. С. 2.
19. Михайлов В. Лекции для железнодорожников // Восточно-Сибирский путь. 1949. № 139. 19 ноября. С. 2.
20. Михаэлис Д.В. Детская железная дорога как элемент предпрофессиональной подготовки кадров для железнодорожной отрасли // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 268-279.
21. Мустафина Н. Дорога детская - профессии взрослые! // Областная. 2024. № 125. 6 ноября. С.15.
22. На малой «Восточно-Сибирской» // Восточно-Сибирская правда. 1941. 15 августа. С. 4.
23. Наверстать упущенное // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 278. 30 ноября. С. 1.
24. Нескучный рейд / Л. Венгровер, Н. Лобашов, В. Лабецкий [и др.] // Транспортный строитель. 1966. № 81 (252). 9 декабря. С. 2.
25. Октябрьский подарок иркутским ребятам // За здоровую смену. 1939. № 52. 7 ноября. С. 2.
26. Подготовить достойную встречу // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 264. 14 ноября. С. 3.
27. Прозоров В. Поступайте в наш институт // Ленский коммунист. 1970. № 44 (3380). 14 апреля. С. 4.
28. Рейс юных машинистов // Восточно-Сибирская правда. 1941. № 247. 18 октября. С. 2.
29. Сесейкин В. Городок у Падуна // Транспортный строитель. 1965. №74 (168). 10 декабря. С. 3.
30. Сидоров Н. Куются кадры // Сталинский путь. 1941. № 89. 13 ноября. С. 2.
31. Скоро помычтит пионерский поезд // За здоровую смену. 1939. № 51. 29 октября. С. 3.
32. Слышенкова Н. Учеба первозимников // Восточно-Сибирский путь. 1952. № 151. 19 декабря. С. 3.
33. Станкевич В. Трудовые резервы // Ленинское знамя. 1941. № 76 (650). 28 сентября. С. 2.
34. Столяренко В. Больше помощи первозимникам // Восточно-Сибирский путь. 1950. № 141. 21 ноября. С. 2.
35. Сулимов Г.Ф. «Малая Восточно-Сибирская». Детская железная дорога построена // Восточно-Сибирская правда. 1939. № 253. 4 ноября. С. 4.
36. Транспорт получает практическую помощь (беседа с зав. кафедрой паровозов при ТЭМИИТе профессором Карташевым) // Красное знамя. 1934. №203. 28 сентября. С. 2.
37. Трифонова Е. Своя колея: с маленькими железнодорожниками губернатор разговаривал по-взрослому // Восточно-Сибирская правда. 2010. № 96. 6 июля. С. 1.
38. У юных железнодорожников // Восточно-Сибирская правда. 1942. № 104. 2 мая. С. 2.
39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 марта 1955 г. «Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг. – М.: Политиздат, 1968.
40. Упустили главное // Восточно-Сибирский путь. 1950. № 141. 21 ноября. С. 2.
41. Урманов И. Забытое строительство // Восточно-Сибирская правда. 1937. №106. 9 мая. С. 3.
42. Учебно-производственный совет при Главном Управлении Трудовых Резервов // Восточно-Сибирская правда. 1941. № 73. 28 марта. С. 1.
43. Хобта А. Большой путь «Малой» // Гудок. 2019. 9 мая. // URL: https://gudok.ru/zdr/170/?ID=1483227&y_scid=m6vrpb6ntrc842047816
44. Шестаков В.Ю. Детские железные дороги // Большая российская энциклопедия. // URL: <https://bigenc.ru/c/detskie-zheleznyye-do-rog1-16db18?ysclid=m6k9qki5bv917102286/>
45. Шкаев В. Учеба – на первом плане // Восточно-Сибирский путь. 1951. № 114. 18 сентября. С. 2.
46. Юрьев С. Дело выбирает человека // Транспортный строитель. 1968. №63 (406). 26 ноября. С. 2.
47. Юрьев С. Добрый след // Транспортный строитель. 1968. №65 (408). 5 декабря. С. 3.

Reference

1. The combat mission of the Komsomol // Sovetskaya Molodezh. 1940. № 136. October 16. Page 1.
2. At the Main Directorate of Labor Reserves // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 1940. № 278. November 30. Page 1.
3. At the Main Directorate of Labor Reserves // Sovetskaya Molodezh. 1940. № 149. November 15. Page 2.
4. At the Main Directorate of Labor Reserves // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 1940. № 258. November 5. Page 1.
5. To the Railway School // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 1940. № 264. November 14. Page 3.

6. Irkutsk to Have Children's Railway // East Siberian Route. 1936. June 26. P. 6.
7. Nizhneudinsk Slows Down Training Personnel // East Siberian Route. 1951. № 114. September 18. P. 2.
8. Vasiliev G. New Tasks of Labor Reserves // East Siberian Truth. 1945. № 197. October 3. P. 3.
9. Gulko P. If You Want to Become a Railway Engineer // Selskaya Nov'. 1971. № 66 (5113). May 29. P. 3.
10. Dorosevich T. At the Origins of the Profession // East Siberian Route. 1969. № 3. January 9. P. 4.
11. Dubovtseva I. A man of inquisitive thought // East Siberian Truth. 1961. № 267. November 15. P. 2.
12. From the address of the collective of scientific workers of the Tomsk Electromechanical Institute of Railway Engineers to all scientific workers of the city of Tomsk // For quality. 1940. № 22 (246). May 17. P. 1.
13. Isaev A.A. The press as a means of political and ideological influence on the population of the USSR Far East in the 1930s // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences. 2023. № 3 (30). P. 18-21.
14. To every first winterer of an experienced boss // East Siberian Way. 1949. № 127. October 19. P. 1.
15. Konovalova N. From the small gauge to the big road // Sankt-Peterburgskie Vedomosti. 2018. № 99 (6208). June 5. P. 3.
16. Kopyev G. The settlement "Severnoy" and its inhabitants // Transport builder. 1965. № 75 (169). December 16. P. 3.
17. Forge of personnel // For Bolshevik tempo. 1940. № 69. August 4. P. 4.
18. Kustov G. Signalmen prepare for winter // Sovetskaya Sibir. 1963. № 239 (13096). October 10. P. 2.
19. Mikhailov V. Lectures for railway workers // East Siberian route. 1949. № 139. November 19. P. 2.
20. Michaelis D.V. Children's Railway as an Element of Pre-professional Training of Personnel for the Railway Industry // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2025. Vol. 15. № 2. P. 268-279.
21. Mustafina N. Children's road - adult professions! // Regional. 2024. № 125. November 6. P. 15.
22. On the small "East Siberian" // East Siberian Pravda. 1941. August 15. P. 4.
23. Make up for lost time // East Siberian Pravda. 1940. № 278. November 30. P. 1.
24. An interesting raid / L. Vengrover, N. Lobashov, V. Labetsky [and others] // Transport builder. 1966. № 81 (252). December 9. P. 2.
25. An October gift to the Irkutsk kids // For a healthy shift. 1939. № 52. November 7. P. 2.
26. Prepare a worthy welcome // East Siberian Truth. 1940. № 264. November 14. P. 3.
27. Prozorov V. Enroll in our institute // Lensky Kommunist. 1970. № 44 (3380). April 14. P. 4.
28. Trip of young machinists // East Siberian Truth. 1941. № 247. October 18. P. 2.
29. Seseikin V. Town near Padun // Transport builder. 1965. № 74 (168). December 10. P. 3.
30. Sidorov N. Cadres are being forged // Stalin's path. 1941. № 89. November 13. P. 2.
31. The pioneer train will soon rush along // For a healthy shift. 1939. № 51. October 29. P. 3.
32. Slyshenkova N. Training of first-winter workers // East Siberian Route. 1952. № 151. December 19. P. 3.
33. Stankevich V. Labor reserves // Leninskoye Znamya. 1941. № 76 (650). September 28. P. 2.
34. Stolyarenko V. More help for first-winter workers // East Siberian Route. 1950. № 141. November 21. P. 2.
35. Sulimov G.F. "Small East Siberian". Children's railway built // East Siberian Truth. 1939. № 253. November 4. P. 4.
36. Transport receives practical assistance (interview with the head of the steam locomotive department at TEMIIT, Professor Kartashev) // Krasnoe Znamya. 1934. № 203. September 28. P. 2.
37. Trifonova E. His own track: the governor talked to young railroad workers like adults // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 2010. № 96. July 6. P. 1.
38. With young railroad workers // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 1942. № 104. May 2. P. 2.
39. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 18, 1955 "On the abolition of conscription (mobilization) of youth to vocational and railroad schools" // Decisions of the party and government on economic issues. In 5 volumes: Coll. doc. for 50 years. Vol. 4. 1953-1961. – Moscow: Politizdat, 1968.
40. Missed the Main Thing // East Siberian Route. 1950. № 141. November 21. P. 2.
41. Urmanov I. Forgotten Construction // East Siberian Pravda. 1937. № 106. May 9. P. 3.
42. Educational and Production Council under the Main Directorate of Labor Reserves // East Siberian Pravda. 1941. № 73. March 28. P. 1.
43. Khobta A. Big Route "Small" // Gudok. 2019. May 9. // URL: <https://gudok.ru/zdr/170/?ID=1483227&sysclid=m6vvpb6ntrc842047816>
44. Shestakov V.Yu. Children's Railways // The Great Russian Encyclopedia. // URL: <https://bigenc.ru/c/detskizheleznye-do-rogi-16db18?ysclid=m6k9qki5bv917102286/>
45. Shkaev V. Study is in the foreground // The East Siberian Route. 1951. № 114. September 18. P. 2.
46. Yuryev S. Business chooses a person // Transport builder. 1968. № 63 (406). November 26. P. 2.
47. Yuryev S. Good trail // Transport builder. 1968. № 65 (408). December 5. P. 3.

Шахалиева Ф.Б.

Кандидат исторических наук, ассистент кафедры. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Социально-экономическое положение в Кабарде и Балкарии накануне Февральской революции 1917 г.*

Аннотация. Данная работа ориентирована на выявление характеристик социально-экономического положения в Кабарде и Балкарии в начале XX века перед Февральской революцией 1917 года. В публикации отражены особенности экономического развития данных территорий, а также факторы, влияющие на них. Автор исследует приоритетные занятия кабардинского и балкарского народов, а также их значимость для социально-экономического развития данных территорий. Работа отражает специфику экономики в регионе, а также исследует организацию территориального хозяйства. Изучая процессы, происходящие накануне февральской революции, автор делает выводы о закономерностях развития территории и анализирует те преобразования, которые происходили в указанный период.

Целью исследования определяется выявление специфики социально-экономического положения в Кабарде и Балкарии перед революцией 1917 года. Объект - развитие указанных территорий накануне революционных событий, предмет – социально-экономический аспект развития.

Определяя особенности социально-экономического положения, автор конкретизирует специфику охоты, животноводства, земледелия как основных занятий жителей, источников их доходов и факторов, определяющих интерес России к территориям.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, февральская революция, Кабарда, Балкария, территориальное расположение, специфика основной деятельности, уровень производительности, сельское хозяйство.

Shakhaliyeva F.B.

Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

The socio-economic situation in Kabarda and Balkaria on the eve of the February revolution of 1917

Abstract. This work focuses on identifying the features of the socio-economic situation in Kabarda and Balkaria in the early twentieth century before the February Revolution of 1917. The publication reflects the features of the economic development of these territories, as well as the factors influencing them. The author explores the priority occupations of the Kabardian and Balkarian peoples, as well as their importance for the socio-economic development of these territories. The work reflects the specifics of the economy in the region, and also explores the organization of the territorial economy. Studying the processes taking place on the eve of the February revolution, the author draws conclusions about the patterns of development of the territory and analyzes the transformations that took place during this period.

The purpose of the study is to identify the specifics of the socio-economic situation in Kabarda and Balkaria before the 1917 revolution. The object is the development of these territories on the eve of revolutionary events, the subject is the socio-economic aspect of development.

Defining the features of the socio-economic situation, the author specifies the specifics of hunting, animal husbandry, agriculture as the main occupations of residents, sources of their income and factors determining Russia's interest in the territories.

Key words: socio-economic development, February revolution, Kabarda, Balkaria, territorial location, specifics of main activity, productivity level, agriculture.

Введение

Особенности развития различных территорий России накануне февральской революции 1917 года породили множество вопросов, касающихся социально-экономического положения, земельных и административных проблем, преимущественных занятий коренных жителей Кабарды и Балкарии.

Империалистическая война, посягательства на территории, сложности во взаимоотношениях с сопряженными областями России в значительной степени подорвали экономику Кабарды и Балкарии. То состояние, в котором находились данные территории, обусловило радикальную политику в послереволюционный период. Резкое классовое разделение, низкий товарооборот, нерешенные земельные вопросы – основная проблематика, с которой Кабарда и Балкария пришли к периоду февральской революции 1917 г. Те преобразования, которые проводились в 20-30 е гг. XX века, носили отнюдь не простой характер, обусловленный проблемами, которые описываются в нашем исследовании.

Именно поэтому целью работы определяется выявление специфики социально-экономического положения в Кабарде и Балкарии перед революцией 1917 года. Объект- развитие указанных территорий накануне революционных событий, предмет – социально-экономический аспект развития.

В работе предпринимается попытка охарактеризовать не только социально-экономическое состояние Кабарды и Балкарии, но и проанализиро-

вать факторы, которые способствовали.

Для того, чтобы цель была максимально достигнута, нам необходимо поставить ряд задач:

1. Конкретизировать факторы, влияющие на социально- экономическое развитие данных территорий;
2. Определить основные направления деятельности местных жителей накануне февральской революции 1917 года;
3. Охарактеризовать уровень развития данных территорий в исследуемый период.

Материалы и методы исследования

Тематика работы, несмотря на общественный характер, недостаточно изучена и материалов, касающихся различных вопросов, не так много. Однако, даже в контексте узкой специализации направления, мы выделили ряд современных источников, посвященных общему положению данных территорий и их взаимодействию с иными населенными пунктами России (С.А. Гурфова, И.С. Пазов), специфике построения экономических отношений внутри территорий (А.Х. Абазов, М.Х. Бербекова, М.В. Дышеков).

Немаловажное значение имеют работы более раннего, советского периода, в которых исследуются проблемы (В.П. Христианович, В.П. Крикунов).

Результаты и их обсуждение

Исследуемые нами территории, как и изучаемый период, невозможно охарактеризовать однозначно. Некоторые авторы [4] отмечают, что структура хозяйства Кабарды и Балкарии определялась животноводством (преимущественно козы и овцы), а также земледелием.

Отары овец, которыми владели богатые балкарцы, давали шерсть, руно, шкуры, а лошади ценились за выносливость и неприхотливость. При этом 45% всего поголовья лошадей, 27,2% крупного рогатого скота, 61,5% овец принадлежало богатым слоям населения, что конечно же, не способствовало повышению уровня благосостояния основной части жителей [9]. Почти в 40% крестьянских хозяйств не было лошадей, более 70% не имели овец и коз, у 16,8% было коров [там же].

Земледелие, которое реализовывалось на равнинах русскими и кабардинцами, давало основную пищу для местных жителей, однако экономический рост и благополучие не обеспечивало. Это было обусловлено тем, что князья, урки и кулаки владели в Кабарде 46% земли и продукция, которая на ней выращивалась, шла на обеспечение жизни и процветания богатых слоев населения и Кабарды, и Балкарии, либо частично (в очень малой степени) вывозилась на продажу в Россию, обогащая лишь единичных землевладельцев. Бедные крестьяне такой возможности не имели, т.к. участки.

которые были в их пользовании, были слишком малы, чтобы обеспечить наличие излишков товара, купить которые ввиду высоких цен бедняки тоже не могли.

В силу того, что человеческие и земельные ресурсы были существенно ограничены, оставалось очень много неосвоенных земель. Так, к примеру, в 1916 году под посевы в Нальчикском округе отвели всего 984 из 3028 десятин всех пахотоспособных земель [8]. Полноценный объем пахотных земель был всего лишь у 2% всех хозяйств, которые достаточно стабильно функционировали и имели уровень достатка выше среднего. Остальные хозяйства были отнесены к разряду малоземельных и безземельных [8], [9].

Конец XIX века был охарактеризован продолжением отчуждения земель территорий Кабарды под постройку крепости и иных охранных сооружений, что наносило несомненный вред хозяйству. Это, в свою очередь актуализировало просьбы кабардинской и балкарской знати к царскому правительству в начале XX века о закреплении индивидуального права собственности на землю, что в дальнейшем и послужило одним из факторов дифференциации населения на безземельную часть и землевладельцев.

Лучшие земли Кабарды принадлежали верхам казачества, князьям и зажиточным кабардинцам. Терское казачество составляло 1/5 всего населения Терской области. Но эта небольшая часть владела 60% всей земли, которая наиболее годна для обработки среди каменистой почвы и максимально плодородна. Из этой обрабатываемой массы от 25 до 35 % всей площади сдавалось в аренду иногородним и горцам, обеспечивая прибыль казакам, но никак не коренным национальностям.

Одним из основных факторов, обуславливающих низкий уровень земледелия, являлась бедность и нищета основной массы населения. Необходимо отметить, что в 1917г. в Кабарде 17656 хозяйств имели следующую численность сельхозинвентаря и оборудования: 1 молотилка; 20 сеялок; 305 жаток; 2 жатвенные машины; 418 косилок. Причем, основная часть инструментов была во владении богатых классов и пользовались они ими исключительно в своих целях, либо единоразово сдавая внаем для обработки земли. Это бедняки также не могли себе позволить ввиду высокой арендной платы. Поэтому большинство сельхозработ выполнялись вручную, в отличие от механизированного труда в зажиточных хозяйствах.

Наименования культур, которыми засеивались участки, со временем менялись. Характерные для конца XIX века полба, просто и кукуруза к 1917 г. уступили место гречихе и подсолнечнику, которые могли давать дополнительную пищу для скота. Однако, полученных урожаев все равно не хватало, и крестьяне были вынуждены брать в долг либо выменивать семена, муку у более зажиточных соседей.

Резкая финансовая дифференциация среди населения обусловила то

факт, что к концу 1916-началу 1917 г. большинство сельских поселений были в полном запустении: освоенная земельная площадь под посевы составила 46% от всего массива по сравнению с 1913 г., а количество скота (лошади, коровы, козы и овцы) по сравнению с тем же годом уменьшилось в три раза. При этом более 90 % лошадей, 83,5 % крупного рогатого скота, 65 % овец и коз выращивалось в Кабарде, остальное – в Балкарии.

До 1917 г. промышленность и в Кабарде, и в Балкарии была развита слабо и представлена лишь разрозненными кустарными производствами такими как суконное, бурочное, шорно- седельное, резьба из дерева, кости. При этом сырье для промыслов не закупалось, а добывалось местными жителями (кость, шкуры, шерсть и пр.) и затем либо обменивалось, либо продавалось на территории. Ввоз и вывоз практически отсутствовали, что свидетельствовало о неразвитости внешнеэкономических связей территории.

Труд, который использовался в данных производствах, не был механизирован: ручная работа затягивала процесс, делая его неэффективным, однако оплачивалась минимально, т.к. подобная рабочая деятельность обесценивалась высокой конкуренцией, перекупщиками, которые затем вывозили товары в Россию, а также богатыми коренными жителями, покупавшими это за копейки. Бедные слои населения шли при этом на любые условия, чтобы прокормить семью.

Основным фактором, который препятствовал развитию производительных сил, являлась раздробленность производительных сил хозяйств Кабарды и Балкарии и неустойчивость типов земледелия: в Кабарде основным видом была переложно-залежная система обработки земель, а в Балкарии сельское хозяйство основывалось на подсечной и террасной системе земледелия. Система земледелия, которая характеризует залежье, позволяла давать отдых участкам от засева с промежутками 6-8, в иных случаях – до 12 лет. Это возможно было на территориях, которые располагали большим запасом земельных угодий, каких случаев было не так много. Подобная система при рациональном использовании позволяла засеивать участки зерновыми, использовать как пастбища и луга под покос. Но, как мы уже отметили ранее, такими землями владела небольшая часть населения, конечно, ни о каком благосостоянии и развитии кабардинцев и балкарцев говорить не приходилось. Те слои населения, которые имели землю, соответственно совершенствовали не только земледелие, но и скотоводство, т.к. переложно- залежная система земледелия в Кабарде по функциональному назначению сочеталась с разведением коров, лошадей и овец, предоставляя территории для выпаса. Однако, данное направление не было доступно крестьянам, которые пользовались землей на общинном праве и достаточно долго (до начала XX века) практиковали ежегодный передел участков [8] по количеству дворов в хозяйстве.

Как отмечает А.А. Абазов [8] среди крестьянства также наблюдалась дифференциация, чаще всего, обусловленная имущественно-экономическим характером. Именно в этот период начинаются волнения, которые имеют косвенное отношение, но не последнее значение для социально-экономического уклада территории. Начиная с 1913 г. (выступления крестьян на реке Золке, Черекское выступление) обостряются экономические противоречия между различными слоями общества.

В Балкарии, обусловленное горной местностью, земледелие было распространено гораздо меньше. Каменистая почва, ветра, отсутствие водоемов для полива не позволяло возделывать и получать полноценный урожай даже с имеющихся клочков земли. Полученной в результате запруд и подъемов на уровень гор водой, которой, конечно, не хватало, пользовались всей общиной.

Подобные факты обуславливали низкую урожайность. Пример урожая можно видеть в табл. 1.

Таблица 1. Средние урожаи по Кабарде (1913 г.) (составлено на основании источников [3], [8], [9]).

Культура	Урожай (ц. с гектара)
пшеница	5,2
ячмень	4,5
просо	6,6
кукуруза	10,9

Однако, начало XX века характеризовалось активизацией товарного обращения Кабарды и Балкарии с различными территориями России. Это обусловлено тем, что предшествующая отмена крепостного права, появление капиталистического строя способствовали экономическому развитию, пусть не всех территорий в целом, но их части.

Е.А. Анищенко отмечает, что количество посевных площадей возросло с 72 тыс. га в 1899 г. до 148 тыс. га в 1914 г.), однако в 1916 г., как мы уже писали ранее, снова произошел спад, т.к. по всей стране наблюдались массовые волнения и предпосылки к смене политического режима, и, как следствия экономического развития.

Однако ряд исследователей [4], [6] отмечают увеличение количества торговых заведений и товарооборота. К примеру, в 1897 г. в Кабарде функционировали 232 торговых заведения, магазины и их оборот составлял 830 тыс. руб. В 1916 г. данные показатели составляют 708 заведений и 1151 тыс. руб. соответственно [8].

Ближе к 1917 г. администрация территорий приступила к регулированию вопросов, связанных с собственностью на землю, ее использованием и налаживанием торговых отношений Кабарды, Балкарии и российских территорий. Также актуализировались вопросы, касающиеся развития торгового капитала, вступающие в противоречие с недостаточной развитостью промышленности и небольшим количеством предприятий.

И.С. Пазов [6] в своей работе подчеркнул, что трансформации, происходящие в российском обществе накануне февральской революции 1917 г., обусловили изменения в процессах, связанных с накоплением капитала, которые от податей, арендных плат начали изменяться в сторону созидательности, увеличения количества производств и предприятий.

На период 1914-1916 гг. Кабарда и Балкария насчитывали 414 предприятий, дифференциацию которых можно видеть в табл. 2.

Таблица 2. Дифференциация предприятий в Кабарде и Балкарии [8], [9].

Наименование предприятия	количество
Известковые заводы	18
Кирпично- черепичные и гончарные заводы	37
Маслобойные заводы	1
Пивоваренные заводы	1
Лесопильня	10
Водяная мельница	342
Иная направленность	4

Кроме того, канун 1917 года был максимально значимым для увеличения количества общественного капитала. Это обусловлено тем, что именно тогда был разработан проект реорганизации Кабардинской общественной суммы в банк [6]. В тот же период в контексте увеличения финансовых средств в Нальчикском округе произошел рост кредитных товариществ внутри самой территории.

Х.М. Бербеков, на которого ссылается вышеуказанный автор, выделяет несколько социально- экономических укладов данных территорий к 1917 г.:

1. 1. Натуральное хозяйство и разрозненное, кустарное производство;
2. 2. Мелкотоварное производство, в котором преимущественно были хозяйства-участники товарно- денежных отношений;
3. 3. Деятельность частновладельческих капиталистов (землевладельцев, конезаводчиков, купцов и пр.).

Данная классификация не позволяет говорить об однородности общества и единстве социально-экономического строя в Кабарде и Балкарии. Она подчеркивает противоречивость общественных и иных отношений внутри территории и с другими регионами России, зачастую обуславливая возникновение ряда трудностей в выстраивании сотрудничества и добрососедской коммуникации.

Выводы

Подводя итоги работы, необходимо отметить, что и Кабарда, и Балкария накануне февральской революции 1917 года являлись аграрными территориями, как и в царской России. Товарооборот ограничивался обслуживанием преимущественно богатых классов и редко выходил за пределы региона. Основная часть населения жила за счет натурального хозяйства и потребляла то, что сами же и производили. Небольшая часть промышленного и производственного товара приобреталась на рынках, однако, это не служило значительным элементом финансового развития территорий.

Основные факторы, обуславливающие характер социально-экономического развития этих территорий в своей работе мы дифференцировали на:

1. Проблемные:

- резкую классовую дифференциацию кабардинского и балкарского общества;

- нерешенность земельного вопроса;

- низкий уровень благосостояния основной части населения.

2. Стимулирующие развитие территорий:

- расширение внешнеторговых отношений с различными регионами России;

- увеличение количества предприятий и промышленных учреждений;

- использование в сельском хозяйстве новых культур.

Основные сложности возникали из-за нерешенности земельных вопросов, что препятствовало полноценному товарообмену территорий с другими регионами России и тормозило социально-экономическое развитие Кабарды и Балкарии.

Библиографический список:

1. Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В. Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений нальчикского округа в последней трети XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2023. № 4. С. 362-365.
2. Айшаев О.О. Крестьянские восстания в Кабардино-Балкарии в период коллективизации сельского хозяйства. Нальчик: «Указ.соч», 2009. С. 7-27.
3. Анищенко Е.А. Особенности учета и организации сельскохозяйственного производства зерновых в Нальчикском округе в 80–90-е годы XIX века // Научная мысль Кавказа. 2024. № 2 (118). С. 79-87.
4. Гурфова С.А. Особенности социально-экономического развития Кабарды и Балкарии на рубеже XIX-XX веков // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11. Ч. 1 // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (Дата обращения: 11.05.2025)

5. Крикунов В.П. К истории социально-экономического развития Кабарды в период первой мировой империалистической войны // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. VIII. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1953. С. 19-47.
6. Пазов И.С. Общественный капитал нальчикского округа в начале XX века // СИСП. 2019. № 3. С. 171-190.
7. Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Т. 3. Воронеж, 1928.
8. <https://apni.ru/article/965-klassovij-kharakter-ekonomicheskoi-politiki> (Дата обращения: 24.05.2025).
9. web.snauka.ru/otherreferats.allbest.ru (Дата обращения: 24.05.2025).

Reference

1. Abazov A.Kh., Berbekova M.Kh., Dyshekov M.V. Rural public cash desks in the system of financial relations of the Nalchik district in the last third of the 19th - early 20th centuries // Scientific dialogue. 2023. № 4. P. 362-365.
2. Aishaev O.O. Peasant uprisings in Kabardino-Balkaria during the period of collectivization of agriculture. Nalchik: "Op.", 2009. P. 7-27.
3. Anishchenko E.A. Features of accounting and organization of agricultural production of grain in the Nalchik district in the 80-90s of the XIX century // Scientific thought of the Caucasus. 2024. № 2 (118). P. 79-87.
4. Gurfova S.A. Features of the socio-economic development of Kabarda and Balkaria at the turn of the XIX-XX centuries // Modern scientific research and innovation. 2014. № 11. Part 1 // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (11.05.2025)
5. Krikunov V.P. On the history of the socio-economic development of Kabarda during the First World Imperialist War // Scientific notes of the Kabardin Research Institute. Vol. VIII. Nalchik: Kabardin Book Publishing House, 1953. P. 19-47.
6. Pazov I.S. Public capital of the Nalchik district at the beginning of the twentieth century // SISF. 2019. № 3. P. 171-190.
7. Khristianovich V.P. Agricultural regions of Kabarda. Works on natural-historical and economic survey of Kabarda. Vol. 3. Voronezh, 1928.
8. <https://apni.ru/article/965-klassovij-kharakter-ekonomicheskoi-politiki> (24.05.2025).
9. web.snauka.ru/otherreferats.allbest.ru (24.05.2025).

Кистенев В.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры». ORCID: 0000-0002-5479-0998

Дрожжина Л.И.

Преподаватель отделения теоретических дисциплин Губкинского филиала ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры».

Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект*

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования народной культуры Белгородского региона в историческом контексте. Анализируются основные факторы, повлиявшие на формирование уникальных черт региональной культуры, такие как географическое положение, исторические события, этнический состав населения и социально-экономические условия. Особое внимание уделяется исследованию фольклорных традиций, обрядов и других элементов народной культуры Белгородчины в динамике их развития.

Ключевые слова: Белгородский регион, народная культура, фольклор, обряды, исторический аспект, этнический состав, социокультурные факторы.

Kistenev V.V.

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the department of general theoretical and humanitarian disciplines Belgorod State University of Arts and Culture. ORCID: 0000-0002-5479-0998

Drozhhina L.I.

Teacher of the department of theoretical disciplines. Gubkin branch Belgorod State University of Arts and Culture.

Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect

---

* © Кистенев В.В., Дрожжина Л.И., 2025.

Abstract. The article examines the specificity of the formation of folk culture of the Belgorod region in a historical context. The main factors that influenced the formation of unique features of regional culture, such as geographical location, historical events, ethnic composition of the population and socio-economic conditions, are analyzed. Special attention is paid to the study of folklore traditions, rituals and other elements of the folk culture of Belgorod region in the dynamics of their development.

Key words: Belgorod region, folk culture, folklore, rituals, historical aspect, ethnic composition, socio-cultural factors.

Введение:

Изучение народной традиционной культуры как важнейшей нравственной и социально-духовной ценности, является одной из актуальных проблем отечественной истории и современного общества.

Определение историко-культурной специфики отдельных регионов занимает центральное место не только с позиций его научно-познавательного значения, но и в контексте выявления особенностей развития этносов на современном этапе. Изначальная этнотерриториальная и сословная неоднородность переселенцев создали в Белгородском регионе сложную этнокультурную ситуацию, что предопределило культурную специфику. Это качество региона повлияло на складывание уникального хозяйственно-культурного комплекса Белгородчины.

Белгородский регион, расположенный на юго-западе Европейской части России, обладает богатым и самобытным культурным наследием. Народная культура Белгородчины формировалась на протяжении многих столетий под влиянием различных факторов, что обусловило ее уникальность и своеобразие. Изучение специфики народной культуры Белгородского региона в историческом аспекте представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет не только понять особенности регионального развития, но и выявить общероссийские тенденции в эволюции народной культуры.

Научная новизна работы заключается в использовании авторами многоаспектного подхода, который в отличие от существующих исследований дает возможность рассматривать культуру региона как результат взаимодействия множества факторов – исторических, этнических и социальных, что позволяет в свою очередь получить всестороннее понимание культурной идентичности.

Цель работы – изучить исторические процессы, географическое положение и этнический состав населения, способствовавшие формированию культурной идентичности Белгородской области.

Основной методологии исследования является принцип историзма. В

данной работе применен сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и методы общесторического научного исследования, которые позволили детально рассмотреть процесс формирования некоторых элементов традиционной народной культуры Белгородчины, составивших основу ее уникального хозяйственно-культурного комплекса в историческом контексте.

Основные результаты:

Изучение данной проблемы опирается на нарративные источники, т.е. повествующие о совершившихся событиях, источники документального характера – опубликованные документы, печатные региональные сборники, этнографические данные, фольклорные сборники [10, 12, 15, 19, 20, 27, 28].

Анализ специальной научной литературы исследуемого вопроса позволил систематизировать материал по самым различным областям традиционной культуры.

В конце XIX в. в России появились труды А. Терещенко, Н. Сахарова И.П., Хотинского А., Лейбовича Л.И., М. Забылина и других исследователей, особое место в ряду которых занимает работа этнографа М. Забылина «Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» в 4-х частях, которая содержит в себе информацию о русских праздниках, обрядах, суевериях, приметах, описание костюмов, музыки, песен и прочего [11].

Отметим, что исследователи истории Белгородского края конца XIX – начала XX вв. использовали не только местные материалы, но также и центральные государственные архивы и библиотеки, что позволило к 30-м годам XX столетия получить достаточно определенный контур истории изучаемого региона.

Особенности и закономерности развития традиционно-бытовой культуры рассматриваются в фундаментальном издании: коллективном сборнике «Русские» [25]. Исследователи, принимавшие участие в подготовке данного труда, стремились раскрыть процесс многовекового развития русского народа, в том числе его этнографических групп, а также его традиционной культуры с ее общими и региональными чертами.

Для изучения специфики складывания традиционной культуры, на которую во многом повлияли колонизационные и миграционные процессы, большое значение имеют труды Брука С.А., Кабузана В.П. и Водарского Я.Е. [3, 4, 6, 14].

Ценные данные содержатся в работах, посвященных отдельным элементам традиционной народной культуры Белгородского края: песенной традиции, праздникам и обрядам [5, 16, 23, 29]. Историко-культурная проблематика данных трудов носит комплексный междисциплинарный ха-

ракти. Работы белгородских ученых охватывают уникальный материал по различным аспектам формирования этнического своеобразия Белгородчины [8, 9, 18].

Народная культура генетически связана с историей, этническим сознанием человека. Она даёт возможность человеку реализовать свою природную суть – творить жизнь во всех её проявлениях и формах: и материальных, и духовных [7, 21]. Народное – это глубинное, искреннее, важное для самой жизни, для сохранения её истоков. Поэтому народная культура – это целостная система, мир духовного опыта народа.

В соответствии с этим народная культура должна рассматриваться «ни как низший этап культурного развития человечества, ни как определённая ступень в развитии культуры, а как самостоятельный, исторически обусловленный тип культуры, имеющий свои формы, механизмы, социальную стратификацию» [17, С. 13].

Географическое положение Белгородского края, расположенного на границе лесостепной и степной зон – в зоне умеренно-континентального климата, оказало значительное влияние на хозяйственную деятельность и образ жизни населения. Плодородные черноземы способствовали развитию земледелия и оказало влияние на формирование хозяйственных традиций, связанных с сельскохозяйственным календарем.

Цикл сельскохозяйственных работ – посев, жатва, сбор урожая – породил богатую обрядовую культуру, нашедшую отражение в народных песнях, хороводах, играх [16, С. 149-150]. Широкое распространение получили песни, прославляющие землю-кормилицу и труд земледельца.

Так, для музыкального фольклора Белгородчины характерны широкое распространение сезонных хороводных («карагодных») песен [2, С. 76-77], многие из которых были приурочены к определенным периодам сельскохозяйственного календаря, а также «алилешных» песен с их асемантическим припевом «лели», «лели», «ли», «лели».

Своеобычна также местная певческая исполнительская традиция. По замечанию В.М. Щурова, манера исполнения открытая, резкая, яркая. Песня льется звонко, свободно. Исследователь даёт и объяснение этой уникальной южнорусской манере пения: она связана, очевидно, со спецификой благоприятных природно-климатических условий – «песни южной России исполняются обычно под открытым небом, на просторной сельской улице, в широкой степи», а также с особенностями художественной образности самих песен и в немалой степени с открытым темпераментом местных певцов [29, С. 76].

Простейшей из дошедших до сегодняшнего дня форм упорядочивания, гармонизации мира белгородский филолог считает обряд, в котором собраны все отработанные формы взаимоотношений человека

с одухотворенной им природой [18, С. 15-16]. Обрядом гармонизировались отношения человека с природой, укреплялись связи человека с миром [26, 30].

В сохранившихся на территории Белгородчины традиционных празднествах имеются отзвуки древнейших обрядов: уходят по сей день в лес на семицкие праздники жарить яичницу, «хоронят кукушку», «кумятся через венки», обряжают курицу [28, С. 197].

Переходя к аспекту, раскрывающему исторические события и этническое многообразие региона, их влияние на формирование народной культуры Белгородской области следует подчеркнуть тесную взаимосвязь между геополитическим положением края и его полиэтничной культурной динамикой.

В историографии рассматриваемый регион идентифицируется как контактная зона, характеризующаяся геополитическим противостоянием между Московским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. Данная территория, известная в нарративных источниках как «Дикое Поле», отличалась низкой плотностью населения, обусловленной перманентной военной угрозой, исходящей от крымско-татарских набегов и казачьих рейдов, что препятствовало стабильному ведению хозяйственной деятельности [1].

Московское правительство осознавало необходимость укрепления южных рубежей посредством реорганизации пограничной службы и привлечения переселенцев, сочетающих функции хозяйствующих субъектов и военнослужащих. В результате реализации данной стратегии, в конце XVI века были основаны города-крепости, такие как Оскол (1593) и Валуйки (1593), а также Белгород (1596).

«Белгородская черта» представляла собой многокомпонентную систему укреплений, включавшую 25 участков, протяженностью до 800 километров, и перекрывавшую стратегически важные направления – Ногайскую и Кальмиусскую дороги, Изюмский и Муравский шляхи. Основным этапом строительства укреплений пришелся на 1635-1653 годы, а к 1658 году «Белгородская черта» сформировалась как интегрированный комплекс с военной, административной и хозяйственной инфраструктурой [13].

Образование «Белгородской черты» (XVI–XVII вв.) как системы оборонительных укреплений стало катализатором формирования уникального культурного ландшафта региона. Строительство крепостей и переселение служилых людей (стрельцов, казаков) привели к синтезу воинских традиций Центральной России и пограничного фольклора. В народной культуре это отразилось в особом пласте эпических песен, преданий, легенд повествующих о защите Отечества, культе воинских святых (Георгий Победоносец, Никола Угодник), а также в традициях пограничного гостеприим-

ства, сочетавшего открытость с постоянной готовностью к обороне.

Слободская колонизация (XVII–XVIII вв.), связанная с массовым переселением малороссов (черкас) на неосвоенные земли, создала этнокультурный симбиоз, определивший специфику региона. В материальной культуре это проявилось в сочетании «хат-мазанок» с русскими срубными избами, в кулинарных традициях – в адаптации борща, галушек и сала в местной кухне. Фольклорный пласт обогатился колядками и щедровками, переосмысленными в местном контексте, а также уникальными формами устного творчества, такими как «казацьи баллады», повествующие о совместных походах русских и черкас против крымских татар.

Битва под Прохоровкой (1943 г.) стала частью исторической памяти, глубоко укоренившейся в народной культуре Белгородчины [22]. Это событие трансформировалось в локальный эпос, где образы «стальных богатырей» (танкистов) переплелись с архетипами древнерусских воинов. В мемориальных практиках сформировался культ «полевых святых» – почитание братских могил и мест боев, а символ «Звонницы» на Прохоровском поле стал частью региональной идентичности. Современные фольклорные фестивали и реконструкции битвы актуализируют эту память, превращая историческое событие в живой элемент культурного наследия.

С 2022 года Белгородский регион, находясь в непосредственной близости к зоне проведения специальной военной операции (СВО), столкнулся с комплексом социально-экономических и культурных трансформаций, обусловленных как прямым воздействием военных действий (обстрелы, временная оккупация приграничных территорий), так и косвенными факторами (миграционные потоки, мобилизация, переориентация экономики) [24]. Эти события оказали значительное влияние на культурную сферу белгородцев: наблюдается рост интереса к локальной идентичности и исторической памяти, активизация патриотических инициатив в учреждениях культуры, а также переосмысление роли традиционных ценностей в условиях кризиса. Одновременно отмечается сокращение масштабных культурных мероприятий из-за безопасности и экономических ограничений, что способствует развитию цифровых форматов и камерных практик. Всё это формирует новый культурный ландшафт региона, где resilience (устойчивость) сообщества проявляется через адаптацию институций и творческие ответы на вызовы военного времени.

Выделенные исторические вехи Белгородской области – от оборонительных рубежей XVI века до существования приграничья в условиях специальной военной операции XXI века – сформировали и продолжают конструировать уникальный культурный код региона, сочетающий воинскую доблесть, этнокультурный синтез и глубокую связь с землей-кормилицей.

Заключение

Проведенное исследование специфики формирования народной культуры Белгородского региона в историческом аспекте позволило выявить ключевые закономерности ее развития, обусловленные комплексом географических, исторических и этнокультурных факторов.

Географическое положение как пограничной территории между лесостепью и степью, а также зоной контакта оседлого и кочевого миров, предопределило хозяйственно-культурный уклад населения, основанный на земледелии и оборонительных практиках. Это отразилось в обрядовом календаре, фольклоре (особенно в хороводных и алилешных песнях) и традиционной архитектуре. Исторические события – от строительства Белгородской черты в XVI–XVII вв. до периода СВО – сформировали культурный код региона, сочетающий воинские традиции, этнический синтез и адаптацию к вызовам времени. Военно-пограничный статус края способствовал развитию патриотического фольклора (эпические песни, культ воинских святых), а колонизация малороссами (черкасами) обогатила культуру элементами южнославянской традиции (обрядность, кухня, диалекты). Этническое многообразие, сложившееся в результате миграций служилых людей, малороссийских переселенцев и взаимодействия с тюркскими народами, создало уникальный синтез в народной культуре. Это проявилось в гибридных формах жилища, одежды, музыкально-песенной традиции (южнорусское многоголосие) и обрядности (календарные праздники с элементами славянского и степного наследия).

Таким образом, народная культура Белгородской области представляет собой динамичную систему, в которой непрерывно переплетаются традиция и новация. Ее устойчивость обеспечивается глубокой связью с землей, воинской доблестью и способностью к этнокультурному диалогу, что делает регион ярким примером формирования уникальной идентичности на стыке цивилизаций.

Библиографический список:

1. Белгородская черта: четыре столетия на службе Отечества. Белгородская область // Портал «ИСТОРИЯ. РФ» Режим доступа: // URL: <https://histrf.ru/read/articles/belgorodskaya-cherta-chetyre-stoletiya-na-sluzhbe-otechestva-belgorodskaya-oblast> (Дата обращения: 24.03.2025)
2. Беликова Т.П., Емельянова М.И. Живые родники Староосколья: народная традиционная культура. Старый Оскол: ТНТ, 2003. 336 с.
3. Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVII – начале XX в. // Советская этнография. 1981. № 5. С. 15-31.
4. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18-34.
5. Веретенников И.И. Народное музыкальное творчество Белгородского края. – Белгород: В. Шаповалов. 2000. 216 с.
6. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – Москва: Наука, 1973. 286 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993, 2000. 480 с.
8. Дудка А.И. Этноистория и этнокультура Белгородского края: учебное пособие. – Белгород: ИПЦ «По-

- литера», 2004. 96 с.
9. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. – Белгород, 2000. 266 с.
  10. Жирова О.Я. Музыкально-обрядовый фольклор Белгородчины: учебное пособие. – Белгород: БГИИК, 2020. 224 с.
  11. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – Москва: Изд. книгопродавца М. Березина, 1880. 360 с.
  12. Из истории Курского края: Сборник документов и материалов. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1965. 408 с.
  13. История Белгородской засечной черты // Историко-документальный просветительский портал Российского исторического общества. // URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya/istoriya-belgorodskoj-zachechnoj-cherty.html> (Дата обращения: 05.05.2025)
  14. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. – Москва: Наука, 1990. 214 с.
  15. Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск, 1883. 1604 с. // URL: <https://www.prlib.ru/item/1610076> (Дата обращения: 05.05.2025).
  16. Капица Ф.С. Славянские традиции, верования, праздники и ритуалы: справочник. 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2001. 216 с.
  17. Каргин А.С. Народная художественная культура. – М.: Наука, 1997. 307 с.
  18. Кичигин В.П. Народная культура юга России: опыт систематизации этнофольклорного материала Белгородской области. – Белгород, 2000. 408 с.
  19. Курский календарь на 1911 год. – Курск, 1911. 450 с.
  20. Народные песни Белгородской области / сост. Н.М. Элиаш. Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1970. 88 с.
  21. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. – М.: Изобразительное искусство, 1983. 197 с.
  22. Никифоров Ю.А. Прохоровское сражение в исторической памяти и историографии (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 88-94.
  23. Панкеев И.А. Русские праздники и игры. – Москва: Яуза: ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.
  24. Реутов Е.В. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. № 4. С. 704-709.
  25. Русские / В.А. Александров [и др.]; [отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук]. – Москва: Наука, 1999. 832 с.
  26. Соколова В.К. К исследованию обрядового фольклора (на примере восточнославянского материала) // «Советская этнография». 1981. № 4. С. 16-26.
  27. Традиции народной художественной культуры Прохоровского района. Белгород, 2001. 154 с. (Народная художественная культура Белгородчины).
  28. Труды Курской Губернской Учёной Архивной Комиссии. Вып. I. – Курск: Типография губернского земства, 1911. 150 с.
  29. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – Москва: Советский композитор, 1987. 320 с.
  30. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1999. 412 с.

Reference

1. Belgorod line: four centuries in the service of the Fatherland. Belgorod region // Portal "HISTORY.RF" Access mode: // URL: <https://histrf.ru/read/articles/belgorodskaya-cherta-chetyre-stoletiya-na-sluzhbe-otechestva-belgorodskaya-oblast> (03.24.2025)
2. Belikova TP, Emelyanova MI Living springs of Starooskol: folk traditional culture. Sary Oskol: TNT, 2003. 336 p.
3. Brook SI, Kabuzan VM The number and settlement of the Ukrainian ethnic group in the 17th - early 20th centuries // Soviet ethnography. 1981. № 5. P. 15-31. 4. Brook S.I., Kabuzan V.M. Ethnic composition of the population of Russia (1719–1917) // Soviet Ethnography. 1980. № 6. P. 18-34.
5. Veretennikov I.I. Folk music of the Belgorod region. – Belgorod: V. Shapovalov. 2000. 216 p.
6. Vodarsky Ya.E. Population of Russia for 400 years (16th – early 20th centuries). – Moscow: Nauka, 1973. 286 p.
7. Hegel G.V.F. Lectures on the Philosophy of History. – St. Petersburg: Nauka, 1993, 2000. 480 p.
8. Dudka A.I. Ethnohistory and ethnoculture of the Belgorod region: a tutorial. – Belgorod: IPC "Polterra", 2004. 96 p.
9. Zhiron M.S. Folk art culture of the Belgorod region. – Belgorod, 2000. 266 p.
10. Zhiron O.Ya. Musical and ritual folklore of the Belgorod region: a tutorial. – Belgorod: BGIC, 2020. 224 p.
11. Zabylin M. The Russian people. Its customs, rituals, legends, superstitions and poetry. – Moscow: Publishing house of bookseller M. Berezina, 1880. 360 p.
12. From the history of the Kursk region: Collection of documents and materials. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1965. 408 p.

13. History of the Belgorod abatis line // Historical and documentary educational portal of the Russian Historical Society. // URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya/istoriya-belgorodskoj-zachechnoj-cherty.html> (05.05.2025)
14. Kabuzan V.M. Peoples of Russia in the 18th century: Number and ethnic composition. – Moscow: Nauka, 1990. 214 p.
15. Calendar and memorial book of Kursk province for 1884. Kursk, 1883. 1604 p. // URL: <https://www.prlib.ru/item/1610076> (05.05.2025).
16. Kapitsa F.S. Slavic traditions, beliefs, holidays and rituals: a reference book. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2001. 216 p.
17. Kargin A.S. Folk art culture. – Moscow: Nauka, 1997. 307 p.
18. Kichigin V.P. Folk culture of the south of Russia: an experience of systematization of ethnofolklore material of the Belgorod region. – Belgorod, 2000. 408 p.
19. Kursk calendar for 1911. – Kursk, 1911. 450 p.
20. Folk songs of the Belgorod region / compiled by N.M. Eliash. Voronezh: Center. – Chernozem. book publishing house, 1970. 88 p.
21. Nekrasova M.A. Folk art as a part of culture. – Moscow: Fine Art, 1983. 197 p.
22. Nikiforov Yu.A. The Battle of Prokhorovka in historical memory and historiography (on the 75th anniversary of the defeat of the Nazi troops in the Battle of Kursk) // Locus: people, society, cultures, meanings. 2018. № 4. P. 88-94.
23. Pankeev I.A. Russian holidays and games. – Moscow: Yauza: EKSMO-Press, 1999. 416 p.
24. Reutov E.V. The Impact of a Special Military Operation on the Processes of Social Consolidation in the Belgorod Region // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2023. № 4. P. 704-709.
25. Russians / V.A. Alexandrov [et al.]; [ed. V.A. Alexandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk]. – Moscow: Nauka, 1999. 832 p.
26. Sokolova V.K. On the Study of Ritual Folklore (Based on East Slavic Material) // “Soviet Ethnography”. 1981. № 4. P. 16-26.
27. Traditions of Folk Art Culture of the Prokhorovsky District. Belgorod, 2001. 154 p. (Folk Art Culture of the Belgorod Region).
28. Works of the Kursk Provincial Scientific Archival Commission. Issue I. – Kursk: Printing House of the Provincial Zemstvo, 1911. 150 p.
29. Shchurov V.M. South Russian Song Tradition. – Moscow: Sovetsky Kompozitor, 1987. 320 p.
30. Yudin A.V. Russian Folk Spiritual Culture. Study Guide. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1999. 412 p.

Аннотации

Березовская А.А.

Сабурова Н.А.

Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако)

Статья посвящена анализу средств коммуникативного смягчения в речевой деятельности адвоката. Объектом изучения в работе выступает митигация в речи адвоката. Цель исследования – выявить средства реализации митигативной стратегии (стратегии коммуникативного смягчения) речи и её основные тактики. Материалом стали избранные речи известного российского адвоката и оратора Ф.Н. Плевако (1842-1908гг). В работе использованы методы дискурсивного, стилистического и лингвопрагматического анализа. В результате исследования речей Ф.Н. Плевако выявлены и описаны следующие тактики: фасцинативная тактика, тактика акцента на положительных качествах клиента и смягчающих обстоятельствах, тактика обращения к эмоциям, тактика дейктической деактуализации, избегания прямого ответа, использования смягчающих лексических средств (эвфемизмов), модальных глаголов и частиц, пассивного залога и безличных конструкций. Комплексное применение разнообразных средств коммуникативного смягчения способствует усилению воздействующего эффекта аргументации адвоката в судебном дискурсе. В адвокатской речи подобная гибкость в применении тактик, реализующих митигативную стратегию, становится ключевой для осуществления необходимых стороне защиты интенций: смещения фокуса внимания присяжных заседателей, выведения на первый план положительных сторон клиента, указаний, что подзащитный совершил преступление под влиянием аффекта, внешних сил и тяжелых обстоятельств.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение, митигация, коммуникативная стратегия, тактика, адвокатский дискурс.

Габитов А.И.

Проблема многозначности английских предлогов на примере предлогов *to* и *in* в контексте публицистического текста

Данное исследование направлено на комплексный анализ семантических компонентов пространственных предлогов английского языка. Семантика предлогов английского языка тесно связана с вопросами моносемии, полисемии и синтагматических отношений сочетаемости слов в виду крайне высокой степени контекстуализации их смысловых значений. Трактовка значений предлогов является сложной задачей, охватывающей аспекты пространственности и абстракции. Данное исследование рассматривает взаимосвязь между предлогами и другими элементами предложения через призму схем образов, предложенных А. Ченки, и на основе теории когнитивной грамматики, разработанной Р. Лангакером. В исследовании используются такие понятия, как «траектор», «ориентир» и «путь» для выявления и описания пространственных, динамических и абстрактных характеристик предлогов, встречающихся в текстах публицистического стиля. В данной работе предлагается использовать данный метод анализа в синтагматических исследованиях.

Ключевые слова: пространственные предлоги, образ-схема, траектор, ориентир, путь, полисемия, семантика.

Егорова М.Р.

Тутынин К.Ф.

Адекватность перевода в политической публицистике: стилистический анализ и межъязыковая передача

В статье рассматриваются стилистические аспекты достижения адекватности перевода публицистических текстов политической направленности с английского языка на русский. Анализ проводится на основе корпуса текстов, включающего речи политических лидеров, материалы международных организаций и медиа-публикаций (2010–2025 гг.). Выявлены ключевые стилистические приемы, влияющие на передачу идеологической окраски, эмоциональной тональности и авторской позиции: метафоры, гиперболы, оценочные конструкции и клише. Особое внимание уделено сравнению с западными методами перевода, демонстрируя культурные и лингвистические различия. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании переводоведения, разработке стандартов межъязыковой коммуникации и анализе эволюции стилистических норм в условиях цифровизации.

Ключевые слова: адекватность перевода, политическая публицистика, стилистические приемы, межъязыковая передача, корпусная лингвистика, цифровизация переводческой практики, русская культура.

Дуговская М.Ю.

Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов

Лексико-синтаксические окказионализмы (ЛСО) М.И. Цветаевой имеют дефисное написание. Употребление дефиса имеет большую смысловую нагруженность. Дефис является мощным средством выразительности цветаевских текстов и аккумулирует в себе множество функций, делающих художественный текст более сложным, многомерным и интересным для прочтения и интерпретации. Среди функций важнейшей является иконизм ЛСО, формируемый дефисом. Также дефис внутри ЛСО усиливает экспрессию новообразования, перераспределяет языковые массы, переводя синтаксические построения в ранг лексических, оформляет внутренние грамматические связи в ЛСО. Участки текста, маркированные ЛСО, характеризуются наличием важных художественных задач. В составе фольклорных лексико-синтаксических единиц (ФЛСЕ) дефис выполняет ритмически-организующую и ритмико-информативную функции.

Ключевые слова: окказионализм, лексико-синтаксический окказионализм, дефис, сквозной дефис, композит, композитообразование, композитный шов, иконический знак.

Сапата Руис Т.А.

Лексические особенности испанского языка в Венесуэле

В данной статье рассматривается важность национальных вариантов испанского языка как отражения культурной специфики испаноговорящих стран Латинской Америки и сохранения его лексического многообразия.

Ключевые слова: национальный вариант испанского языка, местный диалект, народный язык, взаимодействие и обогащение культур, забота о языке.

Синкина А.В.

Шаламова О.О.

Смешанное обучение как способ развития иноязычной речевой компетенции среди студентов языкового ВУЗа

Статья посвящена проблеме использования смешанного обучения, являющимся объектом данного исследования, для формирования иноязычной речевой компетенции у студентов языкового вуза. В качестве цели данного исследования авторами анализируются некоторые модели смешанного обучения с точки зрения их эффективности в формировании иноязычной речевой компетенции у студентов языкового вуза и выявляется наиболее эффективная из них для реализации этой задачи. Авторами рассматриваются недостатки обучения в формате онлайн и приводятся доводы в пользу использования смешанного обучения в современных реалиях образования, а также обосновывается вывод о выделении модели Перевернутого класса как о наиболее эффективной в применении на занятиях по иностранному языку для развития иноязычной речевой компетенции в рамках вуза, что, в свою очередь, является новизной данного исследования.

Ключевые слова: иноязычная речевая компетенция, онлайн-обучение, смешанное обучение, модели смешанного обучения, Перевернутый класс.

Чжан Мо

Философское происхождение семантической категории «каузативности» и её родовой категории «причинность» в русском и китайском языках: общее и различия

Для сопоставительного анализа разных языков важнее всего является правильный выбор инварианта, что позволило бы успешно проводить всё дальнейший анализ. Такого особенно трудно найти именно при сопоставлении таких существенно различающих по структурированию языков как русский и китайский. Семантическая категория в таком случае представляет собой заметно удобный вариант в сравнении с каким-нибудь грамматическим (формальным) – ведь языки как инструмент человека передать мысль на основе его наблюдения мира, содержательно должны быть идентичны друг другу по тому, что объект наблюдения – реальный материальный мир один и тот же. Но несмотря на то, что объект языков является идентичным, воспринимания и обобщения его расходятся по внутренним различиям мышления и ментальностей разных людей, в связи с чем процесс и результат абстракции какого-либо отношения или явления тоже будут более или менее отличаться друг от друга. В следствие этого, во-первых, стали бы мелкие различия при интерпретации и определении какой-то семантической или концептуальной модели, и такие различия наиболее очевидно именно в таком понятии как причинность, так как такое не является материальным и осязаемым в самом деле, а нечто абстрактное, выделение чего в некой степени уже не полностью принадлежит реальному миру; и во-вторых, в зависимости от мировоззрения у разных языков также будут разные свои предпочтения (экспликации либо импликации каких-то определённых элементов) при выражении даже одной и той же семантической категории.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, семантическая категория, причинность, инвариант, русский язык, китайский язык, картина мира, абстракция.

Иванов А.Ю.

Каллаур В.С.

Выбор лексических единиц и методы перевода общественно-политических корейских текстов на русский язык

Статья посвящена проблемам выбора лексических единиц и эффективным приемам перевода корейских общественно-политических текстов на русский язык. Анализируются трудности, возникающие при передаче смыслов, характерных именно для корейской культуры и политико-правового устройства Южной Кореи, а также предлагаются конкретные рекомендации по преодолению сложностей перевода. Авторы выделяют характерные черты стиля официальных документов, особенности употребления терминов и идиоматических выражений, обращая внимание на нюансы передачи субъективно-модальной оценки и эмоционально-экспрессивных оттенков оригинального текста. Исследуются вопросы эквивалентности, сохранения стилистической окраски оригинала и адаптации содержания текста к особенностям восприятия русскоязычного читателя. Статья адресована специалистам-практикам, занимающимся переводом общественно-политических текстов, а также исследователям в области сравнительного языкознания и переводоведения.

Ключевые слова: корейский язык, русский язык, перевод, общественно-политические тексты.

Мартиросян В.Б.М.

Особенности франко-русских отношений: Наполеон и Александр (1801-1805)

Данная научная статья посвящена особенностям развития франко-русских отношений в конце XVIII – начале XIX вв. Объектом исследования являются русско-французские отношения на рубеже XVIII–XIX вв. Предметом исследования служат противоречия в русско-французских отношениях в конце XVIII – начале XIX вв. Данное исследование строится на теории марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются выводы о значимости роли личного конфликта между Наполеоном Бонапартом и Александром I.

Ключевые слова: Третья Коалиция, Наполеон Бонапарт, Александр I, Ульм, Аустерлиц.

Итса Окура Профит Мель Жюстис

Проблемы и вызовы миротворческих миссий: Обсуждение основных проблем, с которыми сталкиваются миротворцы ООН в ЦАР, включая безопасность, финансирование и политическую поддержку

В статье рассмотрена деятельность ООН в рамках обеспечения безопасности в конфликтных регионах Африканского континента. На примере Центральноафриканской Республики рассмотрен генезис одного из жестоких вооруженных конфликтов, создавших условия к проведению миротворческой миссии. Процесс реализации миротворческого процесса представлен как комплексная и многопрофильная задача. Автором представлены проблемные аспекты деятельности наблюдателей ООН. Рассмотрены вопросы обеспечения безопасности и финансирования миссий, а также условия их политической поддержки от мирового сообщества государств.

Ключевые слова: Центральноафриканская Республика, Совет Безопасности ООН, наблюдательная миссия, вооруженный конфликт, миротворческий контингент, африканский континент.

Храмов И.Ю.

Эволюция движения Black Lives Matter: от протестных акций к появлению национальной организации Black Lives Matter global network в 2013-2014 гг.

В статье рассматривается эволюция протестного движения Black Lives Matter (BLM) в 2013-2014 гг. от низовых уличных акций до формирования национальной организации в США Black Lives Matter Global Network (BLMGN). Для анализа автор использовал публицистические материалы периодических изданий, мемуары участников движения, статистические источники, публикации организаций, связанных с движением BLM, которые ранее не привлекались в исследованиях. В результате исследования утверждается, что протесты в городе Фергюсон в 2014 г. позволили выдвинуться в лидеры движения нескольким гражданским активистам. В публичной политике эти личности искали разные пути для укрепления лидерства, что в результате привело к формированию национальной организации BLMGN с несколькими отделениями по всем США.

Ключевые слова: движение «Жизни чернокожих имеют значение», социальные движения, расизм, движение чернокожих.

Ворожцова А.А.

«Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла»

Статья посвящена исследованию топонима «Венесуэла» в контексте этнополитического развития страны в XV – первой половине XVI в. Применяя междисциплинарный подход, автор сочетает лингвистический и исторический анализ, чтобы проследить взаимосвязь между изменением названий территории и зарождением национальной идентичности. Особое внимание уделяется дискуссии о генезисе самого топонима, где рассматриваются две основные версии: «венецианская» и автохтонная. На материале документов колониального периода показано, когда и как термин «Венесуэла» был административно закреплён.

Ключевые слова: Латинская Америка, Венесуэла, конкиста, Великие географические открытия.

Мартиросян В.Б.М.

Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Английский контрудар и завершение войны

Данная научная статья посвящена событиям последовавшим за разгромом «непобедимой армады» в августе 1588 года. Объектом исследования являются отношения Британии и Испанской империи Габсбургов в период с 1588 по 1604 гг. Предметом исследования служат действия английского и испанского флотов на последнем этапе англо-испанской войны 1585-1604гг. Данное исследование строится на теории классического марксизма. Основными выводами проведенного исследования является переосмысление положений дел испанской и английской короны по итогам войны 1585-1604гг, которые принято изображать однозначно в ключе превосходства английской раннекапиталистической системы над регрессивным феодализмом испанской империи.

Ключевые слова: Испанская империя, Англия, Армада, Норис, Сантадер, Лакорунья, экспедиция Дрейка.

Фаттахов Д.А.

Фаттахов А.З.

Энергетические стратегии СССР и третьего рейха во Второй Мировой войне

Энергетические ресурсы сыграли ключевую роль во Второй мировой войне, формируя военные стратегии и определяя результаты многих операций. Доступ к топливу стал фактором, от которого зависела боеспособность армий Германии и СССР. Их подходы к обеспечению горючим показывают, как ресурсы влияли на успех или неудачу в конфликте. Германия, не имевшая крупных нефтяных запасов, сделала ставку на производство синтетического топлива из угля по технологии Фишера-Тропша. Данный метод был новаторским, но крайне дорогим: стоимость синтетической нефти в несколько раз превышала цену природной. Процесс требовал огромных объемов угля, сложных заводов и квалифицированных специалистов. К тому же, предприятия часто подвергались атакам авиации союзников, что к 1944 году вызвало острую нехватку горючего. Хотя синтетика обеспечивала до 90% потребностей авиации, она не могла полностью покрыть нужды вермахта, что снижало его маневренность. СССР, напротив, опирался на нефтяные месторождения Кавказа — Баку и Грозного, которые давали более 70% всей нефти страны. Даже в условиях риска захвата этих территорий советская система сумела наладить стабильное снабжение армии, сохранив преимущество в мобильности. Потеря Баку, обеспечивавшего 80% топлива, могла привести к краху, однако грамотная эвакуация оборудования и удержание региона предотвратили кризис. Сравнение показывает, что успех СССР во многом объясняется умелым использованием природных богатств, тогда как Германия, несмотря на инженерные достижения, столкнулась с ограничениями синтетического производства. Данный анализ показывает, что в затяжных войнах доступ к энергоресурсам часто перевешивает технологические инновации. Похожие тенденции наблюдались в Первой мировой войне и более поздних конфликтах, подтверждая значимость контроля над ресурсами для военной стратегии.

Ключевые слова: Третий Рейх, СССР, энергетические ресурсы, синтетическое топливо, обеспечение горючим.

Тимохова Е.Г.

Япония как глобальный актер: восприятие «своего» и «чужого» на международной арене

Япония является одним из крупных политических и экономических игроков мира. Она стремится укрепить свой имидж как великой страны с богатой культурой и традициями. Однако из-за ее исторической изоляции и стремления к самосохранению, Япония также воспринимается как «чужая». В прошлом Япония была закрыта, но с начала 1860-х годов страна стала активно модернизироваться, однако образ «чужого» оставался неизменным. Сегодня Япония стремится к миру и сотрудничеству с другими странами, что формирует новый имидж страны «своего» государства.

Ключевые слова: Япония, инсайдер, аутсайдер, внешняя политика, дипломатия, мягкая сила, сакоку, самоизоляция, модернизация, имперская экспансия, русско-японская война, восточноазиатская сфера совместного процветания, пацифистское государство, международные отношения, баланс, культурное уважение, сотрудничество.

Москальчук Д.А.

Формирование косовской национальной идентичности в 1990-2000-е годы

Целью данной статьи является анализ основных тенденций в развитии косовского национализма в 1990-2000е годы. Политические процессы, протекавшие на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия в 1980-е годы, подтолкнули албанских националистов к формированию собственного государственного формирования. Проблема межнациональных отношений на территории бывшей Югославии остается актуальной до сих пор. Косовский национализм, сыгравший важную роль в развитии конфликта на территории Югославии, заложил основу для формирования новой – исключительно косовской идентичности. Косовская идентичность является главным средством достижения целей независимости Косова, одновременно подтверждая свое право на суверенитет. Приштина своевременно отказалась от планов войти в состав проекта «Великой Албании», поскольку бы в таком случае потеряла экономическую и политическую поддержку со стороны европейских стран и США. Тема изучения косовской идентичности до сих пор является актуальной, поскольку демонстрирует наглядно процесс формирования идентичностей в современном мире. Кроме того, косовская идентичность представляет собой нового политического игрока на территории Западных Балкан, где политическая нестабильность продолжается с момента падения социалистической Югославии.

Ключевые слова: Косово, албанский национализм, косовский национализм, сепаратизм, Югославия.

Мартирисян В.Б.М.

Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Разгром «Непобедимой Армады»

Данная научная статья посвящена разгрому непобедимой армады в августе 1588 года. Объектом исследования является этап англо-испанской война 1585-1604, освещающий события связанные с морским сражением английского и испанского флотов в августе 1588 года в проливе Ла-Манш. Предметом исследования служат особенности военно-морского сражения и причины поражения испанской армады. Данное исследование строится на теории классического марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные стремления английского королевства завершить войну с испанской империей методом молниеносной контратаки по остаткам испанского флота.

Ключевые слова: Джон Хоккинс, Непобедимая Армада, Испанская империя Габсбургов.

Журба В.В.

Трансформация угольной промышленности Великобритании в 80-е гг. XX века: сравнительный анализ с опытом зарубежных стран

Статья посвящена глубокому анализу трансформации угольной промышленности Великобритании в 1980-е годы, происходившей под влиянием сложного комплекса экономических, политических и экологических факторов. Основная цель исследования заключается в выявлении ключевых сил, обусловивших реструктуризацию отрасли, а также в оценке её эффективности в контексте опыта других стран, включая Германию, США, СССР и Японию. В работе тщательно рассматриваются причины кризисного состояния угольной промышленности, такие как высокая себестоимость добычи, истощение угольных месторождений, падение мирового спроса на уголь, развитие альтернативных источников энергии и политическая решимость в проведении реформ. Особое внимание уделено социальным последствиям реструк-

туризации: масштабным увольнением шахтёров, забастовке 1984–1985 годов и разрушению экономической базы шахтёрских регионов. В статье подробно описаны меры, направленные на смягчение негативных последствий, включая создание новых рабочих мест, программы переквалификации и поддержку предпринимательства. Сравнительный анализ показывает, что реструктуризация в других странах сопровождалась более развитой системой социальной поддержки и более плавным переходом к новым энергетическим моделям. В заключение делается вывод о том, что британская модель трансформации отличалась радикальным масштабом и жёсткостью, что, с одной стороны, привело к значительным социальным издержкам, но, с другой, ускорило переход к более экологически чистой энергетике.

Ключевые слова: угольная промышленность, Великобритания, реструктуризация, забастовка шахтёров, зарубежный опыт, экономические реформы, экологическая трансформация, Бритиш Коул Энтерпрайз, приватизация, социальная адаптация.

Гашимли М.А.

Влияние общественно-политических процессов внутри турецкого общества во второй половине XX века на складывание концепций национальной идентичности

В статье рассматривается влияние социально-политических преобразований в турецком обществе во второй половине XX века на формирование конкурирующих концепций национальной идентичности в современном турецком обществе. Посредством исторического анализа в исследовании прослеживаются ключевые события, включая военные перевороты, подъем политического ислама и идеологическую поляризацию между кемалистским секуляризмом и исламистским консерватизмом. Автор выделяет и анализирует четыре доминирующие парадигмы идентичности к началу XXI века: пантюркизм, республиканский национализм, османский исламизм и западный либерализм. Исследование показывает, что Турция пытается балансировать между европейской интеграцией и исламом на фоне экономических кризисов. В выводах подчеркивается существующий в обществе раскол между сторонниками секуляризма и политическим исламом, который был получил большее развитие с приходом к власти ПСР. Исследование дополняет понимание политического ландшафта современной Турции.

Ключевые слова: Турция, национальная идентичность, политический ислам, курдский национализм, пантюркизм, нео-османизм, кемализм.

Воронов И.И.

Влияние расширения НАТО на военно-техническое сотрудничество США и Польши (1989–2017 гг.)

Статья посвящена анализу влияния вступления Польши в НАТО на развитие военно-технического сотрудничества с США в период 1989–2017 гг. Рассматриваются предпосылки расширения НАТО, ключевые этапы поставок вооружения (F-16, Patriot), совместные военные программы и их экономическо-политические последствия. Используются исторический метод, сравнительный анализ и данные официальных документов. Установлено, что вступление в НАТО стало катализатором модернизации польской армии, но сопровождалось финансовыми и политическими вызовами. Результаты подчеркивают значимость сотрудничества для обеих сторон и открывают перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: НАТО, Польша, США, военно-техническое сотрудничество, безопасность, F-16, геополитика.

Мартиросян В.Б.М.

Предпосылки англо-испанской войны 1585-1604 гг.

Данная научная статья посвящена предпосылкам войны 1585-1604 годов между английским королевством и испанской империей. Объектом исследования являются отношения между Испанской империей Габсбургов и английским королевством в годы правления Елизаветы I Тюдор. Предметом исследования служит положение перед войной 1585-1604 годов и её причины. Данное исследование строится на теории марксизма. Основными выводами проведенного исследования являются установления причин и предпосылок англо-испанской войны 1585-1604 в обостряющихся противоречиях между феодальной и нарождающейся капиталистической системой обеих стран в рамках их колониальной борьбы.

Ключевые слова: реконкиста, Испанская империя, английское королевство, капитализм, феодализм, колонии.

Аджигова А.М.

Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.)

Работа отражает основные моменты, связанные с процессами становления государственности и функционирования ингушского общества после революции 1917 года. Специфика исследования заключается в изучении того ресурсного потенциала, который повлиял на образование Ингушской АО в 1924 году. При этом целью автор определил комплексный анализ условий жизнедеятельности социума на данной территории в период 1917-1920 гг.

Противоборство политических сил, противостояние официальной власти и гражданского общества породили неоднозначность развития ингушского общества, необходимость интеграции традиций, обычаев данного народа в ту новую жизнь, которая им предлагается новым государством.

Изменение структуры общества, смена политической власти в стране актуализировали трансформацию социальных отношений, а применение физической и военной силы со стороны большевиков также явилось мощным фактором, повлиявшим на развитие ингушского общества, его отношение к социально-политическим изменениям. Объектом является исторический период в 1917-1920 гг., предметом жизнедеятельность ингушского общества.

В конце исследования автор делает выводы о сложной социально-политической ситуации, которая сопровождает исследуемый исторический период.

Ключевые слова: ингушское общество, смена политической власти, Октябрьская революция, гражданская война, традиционное общество, обычаи, нравы, независимость.

Бабенко О.В.

Эксперименты итальянских фашистов в области искусства и политики

Рец. на книгу: Gaborik P. Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.

Рассматривается монография итальянской исследовательницы П. Габорик, посвященная взаимодействию фашистского режима в Италии и театра. В центре моно-

графии находится личность Бенито Муссолини, которая представляется в разных эпостасях. Анализируется значение итальянского театра как инструмента пропаганды идей фашизма. У итальянского диктатора была собственная культурная стратегия, осуществлявшаяся в том числе при помощи его любимых драматургов и цензора. Подчеркивается наличие в книге обстоятельного исторического контекста. Делается вывод о большом значении рецензируемой монографии для специалистов.

Ключевые слова: Б. Муссолини, итальянский фашизм, Италия в 1920–1930-е гг., искусство, итальянский театр.

Иващенко Т.С.

Тарасов И.Е.

Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры»)

В статье подробно изучается образовательный потенциал документального кино, посвященного краеведению. В рамках данного исследования проведен скрупулезный обзор процесса становления отечественного краеведения как части образовательной и воспитательной деятельности, которое берет начало еще в 1756 году с образования в России Вольного экономического общества. В статье рассматривается значение краеведения как отрасли науки в становлении личности. Также изучаются особенности кинематографа как инструмента популяризации истории, этнографии и природоведения. Поднимается ряд методологических вопросов о роли документальных фильмов в образовании: как неигровое кино соотносится с традиционными формами краеведения, можно ли считать современные аудиовизуальные технологии новым способом познания или же видом иллюстративного материала, как соотносятся реальность и его отражение в кинодокументе. Выдвигается гипотеза о том, что документальное кино может быть способом изучать краеведение в легкой и интересной форме, подключая образное мышление и восприятие зрителей. В качестве материала для анализа выбран проект сургутской студии неигрового кино «Исторические хроники Югры», который сегодня широко используется в школах региона на уроках краеведения, а также в различных учреждениях культуры. 5 серий включают в себя обзор истории края, начиная от появления первых людей и вплоть до середины XX века, когда было открыто первое газовое месторождение. В статье приведен разбор сериала с точки зрения масштаба исторических событий, которые в нем освещаются, а также аудиовизуальных и текстуальных особенностей повествования.

Ключевые слова: документальное кино, краеведение, образование, неигровое кино, аудиовизуальное искусство, медиа, история, этнография.

Михаэлис Д.В.

Михаэлис С.И.

Освещение вопросов подготовки кадров для железнодорожной отрасли в периодической печати Сибири: анализ материалов региональной прессы советского периода

Статья посвящена отражению актуальных проблем и процессов в сфере подготовки кадров различной квалификации для нужд железнодорожной индустрии в региональных газетах Сибири. Целью исследования является выявление особенностей освещения вопросов подготовки специалистов различных квалификационных

уровней для нужд железнодорожного транспорта в материалах периодической печати. В числе задач стоит анализ публикаций в региональных изданиях, посвященных вопросам подготовки и развития кадрового потенциала для железнодорожной отрасли. Теоретико-методологической основой исследования служат описательный и сравнительный методы.

Ключевые слова: подготовка кадров, железнодорожная отрасль, железнодорожное образование, периодическая печать Сибири, «первозимники», трудовые резервы.

Шахалиева Ф.Б.

Социально-экономическое положение в Кабарде и Балкарии накануне Февральской революции 1917 г.

Данная работа ориентирована на выявление характеристик социально-экономического положения в Кабарде и Балкарии в начале XX века перед Февральской революцией 1917 года. В публикации отражены особенности экономического развития данных территорий, а также факторы, влияющие на них. Автор исследует приоритетные занятия кабардинского и балкарского народов, а также их значимость для социально-экономического развития данных территорий. Работа отражает специфику экономики в регионе, а также исследует организацию территориального хозяйства. Изучая процессы, происходящие накануне февральской революции, автор делает выводы о закономерностях развития территории и анализирует те преобразования, которые происходили в указанный период.

Целью исследования определяется выявление специфики социально-экономического положения в Кабарде и Балкарии перед революцией 1917 года. Объект-развитие указанных территорий накануне революционных событий, предмет социально-экономический аспект развития.

Определяя особенности социально-экономического положения, автор конкретизирует специфику охоты, животноводства, земледелия как основных занятий жителей, источников их доходов и факторов, определяющих интерес России к территориям.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, февральская революция, Кабарда, Балкария, территориальное расположение, специфика основной деятельности, уровень производительности, сельское хозяйство.

Кистнев В.В.

Дрожжина Л.И.

Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект

В статье рассматривается специфика формирования народной культуры Белгородского региона в историческом контексте. Анализируются основные факторы, повлиявшие на формирование уникальных черт региональной культуры, такие как географическое положение, исторические события, этнический состав населения и социально-экономические условия. Особое внимание уделяется исследованию фольклорных традиций, обрядов и других элементов народной культуры Белгородчины в динамике их развития.

Ключевые слова: Белгородский регион, народная культура, фольклор, обряды, исторический аспект, этнический состав, социокультурные факторы.

Abstracts

Berezovskaya A.A.

Saburova N.A.

Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako)

The article is devoted to the analysis of means of communicative mitigation in the speech activity of a lawyer. The object of study in the work is mitigation in the speech of a lawyer. The aim of the study is to identify the means of implementing the mitigative strategy (strategy of communicative softening) of speech and its main tactics. The material was selected speeches of the famous Russian lawyer and orator F.N. Plevako (1842-1908). The methods of discursive, stylistic and linguopragmatic analysis are used in the research. As a result of the study of F.N. Plevako's speeches, the following tactics were identified and described: fascinating tactics, tactics of emphasizing the client's positive qualities and mitigating circumstances, tactics of appealing to emotions, tactics of deictic deactualization, avoiding a direct answer, using mitigating lexical means (euphemisms), modal verbs and particles, passive voice and impersonal constructions. The complex use of various means of communicative mitigation helps to strengthen the impact of the lawyer's argumentation in judicial discourse. In a lawyer's speech, such flexibility in the application of tactics that implement a mitigative strategy becomes key to the implementation of the intentions necessary for the party to judicial defense: shifting the focus of attention of the jury, bringing to the forefront the positive aspects of the client, indicating that the defendant committed the crime under the influence of passion, external forces and difficult circumstances.

Key words: communicative softening, mitigation, communicative strategy, tactics, advocacy discourse.

Gabitov A.I.

The problem of Polysemy of English prepositions using the example of the prepositions to and in in the context of a journalistic text

This research aims to provide a comprehensive analysis of the semantic components of English spatial prepositions. The semantics of English prepositions are closely linked to the issues of monosemy, polysemy and syntagmatic relations due to the extremely high degree of contextualization of their semantic meanings. The meaning of prepositions is inherently complex, encompassing aspects of dimensionality, abstraction, and physicality. This study examines the interrelationship between prepositions and other elements of the sentence through the lens of image schemas, as proposed by A. Cienki, and the theoretical framework established by R. Langacker. The concepts of "trajectory," "landmark," and "path" are employed to identify and describe the spatial, dynamic, and abstract characteristics of prepositions found in the texts of journalistic writing. This paper proposes to use this method of analysis in syntagmatic research.

Key words: spatial prepositions, image-schemas, trajectory, landmark, path, polysemy, semantics.

Egorova M.R.

Tutynyn K.F.

Translation adequacy in political journalism: stylistic analysis and interlingual

transfer

The article examines stylistic aspects of achieving translation adequacy in politically charged publicistic texts from English to Russian. Based on an analysis of a corpus including speeches by political leaders, international organization materials, and media publications (2010–2025), key stylistic devices influencing the transmission of ideological nuance, emotional tone, and authorial stance are identified: metaphors, hyperboles, evaluative constructions, and clichés. Particular emphasis is placed on comparisons with Western translation practices, highlighting cultural and linguistic differences. The findings are applicable to teaching translation studies, developing interlingual communication standards, and analyzing the evolution of stylistic norms under digitalization.

Key words: translation adequacy, political publicistic texts, stylistic devices, interlingual transfer, corpus linguistics, digitalization of translation, Russian culture.

Lugovskaya M.Yu.**Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms**

M.I. Tsvetaeva's lexical and syntactic accidents have a hyphenated spelling. The use of a hyphen has a great semantic load. The hyphen is a powerful means of expressiveness of Tsvetaev's texts and accumulates many functions that make the artistic text more complex, multidimensional and interesting to read and interpret. Among the most important functions is the iconism of lexical and syntactic accidents, formed by a hyphen. Also, the hyphen inside the lexical-syntactic occasionalism enhances the expression of neoplasms, redistributes the linguistic masses, transferring syntactic constructions to the rank of lexical ones, forms internal grammatical connections in lexical-syntactic occasionalisms. Sections of the text marked with lexical and syntactic accidents are characterized by the presence of important artistic tasks. As part of folklore lexical and syntactic units, the hyphen performs rhythmically organizing and rhythmically informative functions.

Key words: occasional, lexical and syntactic occasional, hyphen, continuous hyphen, composite, composition formation, composite seam, iconic sign.

Zapata T.A.**Lexical Features of the Spanish Language in Venezuela**

This article examines the importance of national varieties of the Spanish language as a reflection of the cultural specificity of the Spanish-speaking countries of Latin America and the preservation of its lexical diversity.

Key words: national variety of the Spanish language, local dialect, vernacular, interaction and enrichment of cultures, care for language.

Sinkina A.V.**Shalamova O.O.****Blended learning as the way of developing foreign language speech competence among students of Language University**

The article is dedicated to the problem of using blended learning, which is the object of this study, for formation of foreign language speech competence among students of a language university. As the aim of the study, the authors analyze some of the models of blended learning in terms of their effectiveness in formation of foreign language speech competence among students of a language university and the most effective one of them

for realization of this task is revealed. The authors consider the disadvantages of learning in online format and the arguments in favor of using blended learning in modern realities of education are given. Also, the conclusion about the selection of the Flipped Classroom model as the most effective in application at foreign language classes for developing foreign language speech competence within university is substantiated, that, in turn, is the novelty of this study.

Key words: foreign language speech competence, online learning, blended learning, models of blended learning, the Flipped Classroom.

Zhang Mo

The philosophical origins of the semantic category of “causativity” and its generic category “causality” in Russian and Chinese: commonalities and differences

For a comparative analysis of different languages, the correct choice of an invariant is of primary importance, as it enables a coherent and consistent analysis. This task becomes particularly challenging when comparing languages that differ significantly in their structure, such as Russian and Chinese. In such cases, the semantic category proves to be a more practical choice than a grammatical (formal) one. Since languages serve as tools for expressing human thought based on the observation of the world, they should, in essence, convey the same meanings—after all, the object of observation, the material world, remains the same. However, even though the object of language is identical, the perception and generalization of this object differ due to internal variations in thinking and mentality among people. As a result, the process and outcome of abstracting a particular relation or phenomenon will inevitably differ. Consequently, (1) minor discrepancies arise in interpreting and defining a given semantic or conceptual model—particularly evident in the concept of causality, as it is abstract and intangible, and thus not entirely grounded in the material world; and (2) depending on the worldview encoded in a language, there will be differences in preferences (such as explicating or implicating certain elements) even when expressing the same semantic category.

Key words: comparative linguistics, semantic category, causality, invariant, Russian language, Chinese language, worldview, abstraction.

Ivanov A.Yu.

Kallaur V.S.

Selection of lexical units and methods of translation of socio-political Korean texts into Russian

The article is devoted to the problems of choosing lexical units and effective methods of translating Korean socio-political texts into Russian. The difficulties arising in conveying meanings characteristic of Korean culture and the political and legal system of South Korea are analyzed, and specific recommendations for overcoming translation difficulties are offered. The authors highlight the characteristic features of the style of official documents, the peculiarities of the use of terms and idiomatic expressions, paying attention to the nuances of conveying the subjective-modal assessment and emotional-expressive shades of the original text. The issues of equivalence, preserving the stylistic coloring of the original and adapting the content of the text to the peculiarities of perception of the Russian-speaking reader are studied. The article is addressed to practitioners involved in the translation of socio-political texts, as well as researchers in the field of comparative linguistics and translation studies.

Key words: Korean language, Russian language, translation, socio-political texts.

Martirosyan V.B.M.

Features of Franco-Russian relations: Napoleon and Alexander (1801-1805)

This article is devoted to the study of peculiarities of the development of Franco-Russian relations in the late XVIII - early XIX centuries. The object of this study is Russian-French relations at the turn of the XVIII-XIX centuries. The subject of this study is contradictions in Russian-French relations in the late XVIII - early XIX centuries. The main conclusions of the study are the conclusions about the importance of the role of the personal conflict between Napoleon Bonaparte and Alexander I.

Key words: Third Coalition, Napoleon Bonaparte, Alexander I, Ulm, Austerlitz.

Itsa Okoura Profith Mell Justice

Problems and challenges of peacekeeping missions: Discussion of the main problems faced by UN peacekeepers in the Central African Republic, including security, financing and political support

The article examines the activities of the United Nations in the framework of ensuring security in conflict regions of the African continent. Using the example of the Central African Republic, the genesis of one of the violent armed conflicts that created the conditions for a peacekeeping mission is considered. The process of implementing the peacekeeping process is presented as a complex and multidisciplinary task. The author presents the problematic aspects of the activities of UN observers. The issues of ensuring the security and financing of missions, as well as the conditions for their political support from the international community of states, were considered.

Key words: Central African Republic, UN Security Council, observation mission, armed conflict, peacekeeping contingent, African continent.

Khramov I.Yu.

The evolution of the Black Lives Matter movement: from protest actions to the emergence of the national Black Lives Matter global network organization in 2013-2014

The article examines the evolution of the Black Lives Matter (BLM) protest movement in 2013-2014 from grassroots street actions to the formation of a national organization Black Lives Matter Global Network (BLMGN) in the United States. For the analysis, the author used journalistic materials of periodicals, memoirs of the movement's participants, statistical sources, and publications of organizations related to the BLM movement, which have not been previously involved in the research. The study argues that the 2014 protests in the city of Ferguson allowed several civic activists to emerge as leaders of the movement. In public policy, these individuals sought different ways to build leadership, resulting in the formation of a national BLMGN organization with several chapters across the United States.

Key words: Black Lives Matter movement, social movement, racism, black movement.

Vorozhtsova A.A.

'Little Venice' on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym 'Venezuela'

This article is devoted to the study of the toponym 'Venezuela' as a reflection of the country's ethno-political development in the 15th and first half of the 16th centuries. Using

an interdisciplinary approach, the author combines linguistic and historical analysis to trace the relationship between changes in the names of territories and the emergence of national identity. Particular attention is paid to the discussion of the genesis of the toponym itself, where two main versions are considered: the 'Venetian' and the indigenous. Based on documents from the colonial period, the article shows when and how the term 'Venezuela' was administratively established.

Key words: Latin America, Venezuela, Conquest, Great Geographical Discoveries.

Martirosyan V.B.M.

Anglo-Spanish War 1585-1604 - English counterstrike and end of the war

This article is devoted to the study of events following the defeat of the "invincible armada" in August 1588. The object of this study is relations between Britain and the Spanish Habsburg Empire in the period from 1588 to 1604. The subject of this study is actions of the English and Spanish fleets in the last stage of the Anglo-Spanish War of 1585-1604. The main conclusions of the study are the rethinking the states of affairs of the Spanish and English crown following the war of 1585-1604, which are usually depicted unequivocally in the key of the superiority of the English early capitalist system over the regressive feudalism of the Spanish Empire.

Key words: Spanish Empire, England, Armada, Noris, Santader, La Coruña, Drake's expedition.

Fattakhov D.A.

Fattakhov A.Z.

Conceptual model of innovative control instruments in the financial sphere

Energy resources played a key role in World War II, shaping military strategies and determining the outcome of many operations. Access to fuel became a factor on which the combat capability of the armies of Germany and the USSR depended. Their approaches to fuel supply show how resources influenced success or failure in conflict. Germany, which had no major oil reserves, relied on the Fischer-Tropsch process to produce synthetic fuel from coal. This method was innovative but extremely expensive: the cost of synthetic oil was several times the price of natural oil. The process required huge amounts of coal, complex plants and skilled labour. In addition, the plants were frequently attacked by Allied aircraft, which by 1944 caused severe fuel shortages. Although synthetics provided up to 90% of the aviation needs, they could not fully cover the Wehrmacht's needs, which reduced its manoeuvrability. The USSR, on the other hand, relied on the oil fields of the Caucasus - Baku and Grozny - which provided more than 70% of the country's oil. Even at the risk of capturing these territories, the Soviet system was able to establish a stable supply for the army while maintaining an advantage in mobility. The loss of Baku, which provided 80% of the fuel, could have led to a collapse, but the competent evacuation of equipment and the retention of the region prevented a crisis. The comparison shows that the USSR's success was largely due to skilful use of natural resources, while Germany, despite its engineering advances, faced the limitations of synthetic production. This lesson emphasises that in protracted wars, access to energy resources often outweighs technological innovation. Similar trends were observed in World War I and later conflicts, confirming the importance of resource control to military strategy.

Key words: Third Reich, USSR, energy resources, synthetic fuels, fuel supply.

*Timokhova E.G.***Japan as a global actor: perception of “ours” and “alien” in the international arena**

Japan is one of the major political and economic players in the world. It seeks to strengthen its image as a great country with a rich culture and tradition. However, because of its historical isolation and desire for self-preservation, Japan is also perceived as an ‘outsider’. Japan was closed in the past, but since the early 1860s the country has been actively modernising, but the image of ‘foreign’ has remained unchanged. Today, Japan seeks peace and co-operation with other countries, which forms a new image of the country as a ‘home’ state.

Key words: Japan, insider, outsider, foreign policy, diplomacy, soft power, sakoku, self-isolation, modernization, imperial expansion, Russo-Japanese War, East Asian co-prosperity sphere, pacifist state, international relations, balance, cultural respect, cooperation.

*Moskalchuk D.A.***Formation of Kosovo national identity in 1990-2000s**

The purpose of this article is to analyse the main trends in the development of Kosovo nationalism in 1990-2000s. The political processes that took place on the territory of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in the 1980s pushed Albanian nationalists to form their own state formation. The problem of interethnic relations on the territory of the former Yugoslavia remains relevant to this day. Kosovo nationalism, which played an important role in the development of the conflict on the territory of Yugoslavia, laid the foundation for the formation of a new - exclusively Kosovo identity. Kosovo identity is the main means of achieving Kosovo’s independence goals, while reaffirming its right to sovereignty. Pristina timely abandoned plans to become part of the ‘Greater Albania’ project, as it would have lost economic and political support from European countries and the United States. The topic of studying Kosovo identity is still relevant, as it demonstrates clearly the process of formation of identities in the modern world. In addition, Kosovo identity represents a new political player in the territory of the Western Balkans, where political instability continues since the fall of socialist Yugoslavia.

Key words: Kosovo, Albanian nationalism, Kosovo nationalism, separatism, Yugoslavia.

*Martirosyan V.B.M.***Anglo-Spanish War 1585-1604 - The Defeat of “Spanish Armada”**

This article is devoted to the study of the defeat of the invincible armada in August 1588. The object of this study is stage of the Anglo-Spanish War 1585-1604, covering the events related to the naval battle of the English and Spanish fleets in August 1588 in the English Channel. The subject of this study is features of the naval battle and the causes of the defeat of the Spanish armada. The main conclusions of the study are the revealed aspirations of the English kingdom to end the war with the Spanish Empire by the method of a lightning counterattack on the remnants of the Spanish fleet.

Key words: John Hawkins, Invincible Armada, Spanish Habsburg Empire.

*Zhurba V.V.***The transformation of the UK coal industry in the 80s of the twentieth century: comparative analysis with the experience of foreign countries**

The article provides an in-depth analysis of the transformation of the UK’s coal in-

dustry in the 1980s, which occurred under the influence of a complex set of economic, political, and environmental factors. The main goal of the study is to identify the key forces that drove the restructuring of the industry, as well as to assess its effectiveness in the context of the experiences of other countries, including Germany, the United States, the USSR, and Japan. The paper carefully examines the causes of the crisis in the coal industry, such as high production costs, depletion of coal deposits, the decline in global demand for coal, the development of alternative energy sources, and the political determination to implement reforms. Particular attention is paid to the social consequences of the restructuring: large-scale layoffs of miners, the 1984–1985 miners' strike, and the destruction of the economic base of mining regions. The article describes in detail the measures aimed at mitigating the negative consequences, including the creation of new jobs, retraining programs, and support for entrepreneurship. Comparative analysis shows that restructuring in other countries was accompanied by a more developed system of social support and a smoother transition to new energy models. In conclusion, it is argued that the British model of transformation was characterized by radical scale and rigidity, which, on the one hand, led to significant social costs, but, on the other, accelerated the transition to cleaner energy.

Key words: coal industry, Great Britain, restructuring, miners' strike, foreign experience, economic reforms, environmental transformation, British Coal Enterprise, privatization, social adaptation.

Gashimli M.A.

The impact of socio-political processes within Turkish society in the second half of the 20th century on the formation of national identity concepts

The article examines the impact of socio-political transformations in Turkish society in the second half of the 20th century on the formation of competing concepts of national identity in modern Turkish society. Through historical analysis, the study traces key events, including military coups, the rise of political Islam, and the ideological polarization between Kemalist secularism and Islamist conservatism. The author identifies and analyzes four dominant paradigms of identity by the beginning of the 21st century: pan-Turkism, Republican nationalism, Ottoman Islamism and Western liberalism. The study shows that Turkey is trying to balance between European integration and Islam against the backdrop of economic crises. The conclusions highlight the existing split in society between supporters of secularism and political Islam, which has been more developed since the AKP came to power. The study adds to the understanding of the political landscape of modern Turkey.

Key words: Turkey, national identity, political Islam, Kurdish nationalism, pan-turkism, neo-ottomanism, Kemalism.

Voronov I.I.

The impact of NATO Expansion on military-technical cooperation between the USA and Poland (1989-2017)

The article analyzes the impact of Poland's accession to NATO on the development of military-technical cooperation with the USA from 1989 to 2017. It examines the prerequisites for NATO expansion, key stages of arms supplies (F-16, Patriot), joint military programs, and their economic and political consequences. Historical and comparative methods, as well as official documents, were used. It is established that NATO member-

ship catalyzed the modernization of Poland's armed forces but was accompanied by financial and political challenges. The findings highlight the significance of this cooperation for both parties and open prospects for further research.

Key words: NATO, Poland, USA, military-technical cooperation, security, F-16, geopolitics.

Martirosyan V.B.M.

Prerequisites of the Anglo-Spanish War 1585-1604

This article is devoted to the study of the prerequisites of the war of 1585-1604 between the English kingdom and the Spanish Empire. The object of this study is relations between the Spanish Empire of the Habsburgs and the English kingdom during the reign of Elizabeth I Tudor. The subject of this study is the situation before the war of 1585-1604 and its causes. The main conclusions of the study are the establishing the causes and prerequisites of the Anglo-Spanish War of 1585-1604 in the escalating contradictions between the feudal and emerging capitalist system of both countries within the framework of their colonial struggle.

Key words: Reconquista, Spanish Empire, English kingdom, capitalism, feudalism, colonies.

Ajigova A.M.

Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920)

The work reflects the main points related to the processes of statehood formation and functioning of Ingush society after the revolution of 1917. The specificity of the study is to study the resource potential that influenced the formation of the Ingush Autonomous Region in 1924. At the same time, the author defined the purpose of a comprehensive analysis of the living conditions of society in this territory in the period 1917-1920.

The confrontation of political forces, the confrontation between official authorities and civil society gave rise to the ambiguity of the development of Ingush society, the need to integrate the traditions and customs of this people into the new life that is offered to them by the state authorities.

The change in the structure of society, the change of political power in the state actualized the transformation of social relations, and the use of physical and military force by the Bolsheviks were also powerful factors that influenced the development of Ingush society and its attitude to socio-political changes. The object is the historical period in 1917-1920, the subject is the vital activity of the Ingush society.

At the end of the study, the author draws conclusions about the complex socio-political situation that accompanies the historical period under study.

Key words: Ingush society, change of political power, October Revolution, civil war, traditional society, customs, mores, independence.

Babenko O.V.

Experiments of the Italian fascists in the field of art and politics

Rec. ad op.: Gaborik P. Mussolini's theatre: fascist experiments in art and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 312 p.

Examines the monograph by the Italian researcher P. Gaborik, devoted to the interaction of the fascist regime in Italy and the theater. The monograph focuses on the personality of Benito Mussolini, which is appeared in different epostases. The article analyzes the

importance of the Italian theater as a tool for propagating the ideas of fascism. The Italian dictator had his own cultural strategy, which was carried out, among other things, with the help of his favorite playwrights and the censor. The presence of a detailed historical context in the book is emphasized. The conclusion is made about the great importance of the reviewed monograph for specialists.

Key words: B. Mussolini, Italian fascism, Italy in the 1920s and 1930s, art, Italian theater.

Ivaschenko T.S.

Tarasov I.E.

Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series “Historical Chronicles of Yugra”)

The article examines in detail the educational potential of documentary films dedicated to local history. Within the framework of this study, a scrupulous review of the process of formation of domestic local history as part of educational and upbringing activities, which began in 1756 with the formation of the Free Economic Society in Russia, is conducted. The article examines the importance of local history as a branch of science in the formation of personality. It also examines the features of cinema as a tool for popularizing history, ethnography and natural history. A number of methodological questions are raised about the role of documentaries in education: how non-fiction films relate to traditional forms of local history, whether modern audiovisual technologies can be considered a new way of cognition or a type of illustrative material, how reality and its reflection in a film document relate. It is hypothesized that documentary films can be a way to study local history in an easy and interesting form, involving the figurative thinking and perception of viewers. The material for analysis is the project of the Surgut studio of documentary films “Historical Chronicles of Yugra”, which is now widely used in schools of the region in local history lessons, as well as in various cultural institutions. 5 episodes include an overview of the history of the region, starting from the appearance of the first people and up to the middle of the 20th century, when the first gas field was discovered. The article provides an analysis of the series from the point of view of the scale of the historical events that it covers, as well as the audiovisual and textual features of the narrative.

Key words: documentary film, local history, education, non-fiction film, audiovisual art, media, history, ethnography.

Mikhaelis S.I.

Mikhaelis D.V.

Coverage of personnel training issues for the railway industry in the periodical press of Siberia: analysis of materials from the regional press of the Soviet period

The article is devoted to the reflection of current problems and processes in the field of training personnel of various qualifications for the needs of the railway industry in the regional newspapers of Siberia. The purpose of the study is to identify the specifics of covering the issues of training specialists of various qualification levels for the needs of railway transport in the materials of the periodical press. Among the tasks is the analysis of publications in regional publications devoted to the training and development of human resources for the railway industry. Descriptive and comparative methods serve as the theoretical and methodological basis of the research.

Key words: personnel training, railway industry, railway education, periodical press

of Siberia, «first time winter workers» on the railway, labor reserves.

Shakhaliyeva F.B.

The socio-economic situation in Kabarda and Balkaria on the eve of the February revolution of 1917

This work focuses on identifying the features of the socio-economic situation in Kabarda and Balkaria in the early twentieth century before the February Revolution of 1917. The publication reflects the features of the economic development of these territories, as well as the factors influencing them. The author explores the priority occupations of the Kabardian and Balkarian peoples, as well as their importance for the socio-economic development of these territories. The work reflects the specifics of the economy in the region, and also explores the organization of the territorial economy. Studying the processes taking place on the eve of the February revolution, the author draws conclusions about the patterns of development of the territory and analyzes the transformations that took place during this period.

The purpose of the study is to identify the specifics of the socio-economic situation in Kabarda and Balkaria before the 1917 revolution. The object is the development of these territories on the eve of revolutionary events, the subject is the socio-economic aspect of development.

Defining the features of the socio-economic situation, the author specifies the specifics of hunting, animal husbandry, agriculture as the main occupations of residents, sources of their income and factors determining Russia's interest in the territories.

Key words: socio-economic development, February revolution, Kabarda, Balkaria, territorial location, specifics of main activity, productivity level, agriculture.

Kistenev V.V.

Drozzhina L.I.

Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect

The article examines the specificity of the formation of folk culture of the Belgorod region in a historical context. The main factors that influenced the formation of unique features of regional culture, such as geographical location, historical events, ethnic composition of the population and socio-economic conditions, are analyzed. Special attention is paid to the study of folklore traditions, rituals and other elements of the folk culture of Belgorod region in the dynamics of their development.

Key words: Belgorod region, folk culture, folklore, rituals, historical aspect, ethnic composition, socio-cultural factors.

Авторы

Аджигова А.М. - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры История, республика Ингушетия, город Магас, Ингушский государственный университет.

Бабенко О.В. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Березовская А.А. - студент. Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Краснодар.

Ворожцова А.А. - магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Воронов И.И. - аспирант. Луганский государственный педагогический университет.

Габитов А.И. - старший преподаватель. Институт Филологии и Межкультурной коммуникации Казанского Федерального Университета, г. Казань. SPIN-код: 2120-1636

Гашимли М.А. - магистрант, Институт Евразийских и Восточных Исследований, Российский государственный гуманитарный университет.

Дрожжина Л.И. - преподаватель отделения теоретических дисциплин Губкинского филиала ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры».

Егорова М.Р. - старший преподаватель кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России.

Журба В.В. - соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений. Северо-Кавказский федеральный университет.

Иванов А.Ю. - кандидат исторических наук, доцент. Высшая Школа Востоковедения, ТОГУ (Тихоокеанский государственный университет), г. Хабаровск.

Иващенко Т.С. - кандидат культурологии, доцент. Высшая школа гуманитарных наук Югорского государственного университета.

Итса Окура Профит Мель Жюстис - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Каллаур В.С. - кандидат филологических наук, доцент. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан.

Кистенев В.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры». ORCID: 0000-0002-5479-0998

Луговская М.Ю. - Байкальский государственный университет, г. Ир-

кутск. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Мартиросян В.Б.М. - студент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Михаэлис Д.В. - кандидат исторических наук, старший преподаватель. ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Михаэлис С.И. - кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет путей сообщения.

Москальчук Д.А. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Сабурова Н.А. - кандидат филологических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Краснодар.

Сапата Руис Т.А. - старший преподаватель. КИЯ ФГСН Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Синкина А.В. - ассистент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Тарасов И.Е. - кандидат филологических наук, доцент. Высшая школа гуманитарных наук Югорского государственного университета.

Тимохова Е.Г. - аспирант, Московский государственный лингвистический университет.

Тутынин К.Ф. - Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Фаттахов А.З. - учитель. МАОУ «Многопрофильный лицей №148 г. Челябинска», г. Челябинск.

Фаттахов Д.А. - студент-магистр. Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань.

Храмов И.Ю. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Чжан Мо - аспирант. Дальневосточный федеральный университет.

Шаламова О.О. - кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Шахалиева Ф.Б. - кандидат исторических наук, ассистент кафедры. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Authors

Ajigova A.M., Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of the Department of History, the Republic of Ingushetia, the city of Magas, Ingush State University.

Babenko O.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Berezovskaya A.A., Student of the North Caucasian Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Krasnodar.

Drozzhina L.I., Teacher of the department of theoretical disciplines. Gubkin branch Belgorod State University of Arts and Culture.

Egorova M.R., Senior lecturer of the English Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Fattakhov A.Z., Teacher. Multidisciplinary Lyceum № 148 in Chelyabinsk, Chelyabinsk.

Fattakhov D.A., Master's degree student. Kazan National Research Technological University, Kazan.

Gabitov A.I., Senior lecturer. Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan. SPIN-code: 2120-1636

Gashimli M.A., Master's student, Institute of Eurasian and Oriental Studies of the Russian State University for the Humanities.

Itsa Okoura Profith Mell Justice, Postgraduate student. Peoples' Friendship University of Russia.

Ivanov A.Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Higher School of Oriental Studies, Pacific National University, Khabarovsk.

Ivaschenko T.S., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Higher School of Humanities, Yugra State University.

Kallaur V.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Sholem Aleichem Primorsky State University, Birobidzhan.

Kistenev V.V., Candidate of historical sciences, Associate Professor of the department of general theoretical and humanitarian disciplines Belgorod State University of Arts and Culture. ORCID: 0000-0002-5479-0998

Khramov I.Yu., Postgraduate student. Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg.

Lugovskaya M.Yu., Baikal State University, Irkutsk. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Martirosyan V.B.M., Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Mikhaelis D.V., Candidate of History. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mikhaelis S.I., Candidate of Pedagogics, Assistant professor. Irkutsk State Transport University.

Moskalchuk D.A., Postgraduate Student. Saint Petersburg State University.

Saburova N.A., Candidate of Philological Sciences, associate Professor-Associate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages. North Caucasian Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Krasnodar.

Shakhaliyeva F.B., Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Shalamova O.O., PhD of Pedagogic Sciences, Assistant professor. FSBEI HE “Pacific National University”, Khabarovsk.

Sinkina A.V., Assistant. FSBEI HE “Pacific National University”, Khabarovsk.

Tarasov I.E., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Higher School of Humanities, Yugra State University.

Timokhova E.G., Postgraduate, Moscow State Linguistic University.

Tutyynyn K.F., The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Voronov I.I., Postgraduate student. Lugansk State Pedagogical University.

Vorozhtsova A.A., Master’s Degree Student, Moscow State Institute of International Relations (University).

Zapata T.A., Senior Lecturer. Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Zhang Mo, PhD student. Far Eastern Federal University.

Zhurba V.V., Applicant of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations. North Caucasus Federal University.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru